ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

45
2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (648) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Майкл Фарадей* (1791–1867) — выдающийся английский физик-экспериментатор и химик, чьи исследования заложили фундамент современной электротехники и учения об электромагнитном поле.

Фарадей родился в поселке Ньюингтон-Баттс близ Лондона (ныне часть Большого Лондона) в семье кузнеца. Семья жила небогато, и систематическое образование мальчику получить не удалось. В 13 лет он оставил школу и начал работать рассыльным в лондонском книжном магазине француза-эмигранта Рибо, а вскоре стал учеником переплетчика. Среди книг, которые ему приходилось переплетать, встречались труды по физике и химии — это пробудило в юноше страстную любознательность. Он тщательно конспектировал прочитанное, иллюстрировал записи и обсуждал идеи с окружающими.

В 1810–1811 годах Фарадей посещал Городское философское общество, где слушал выступления по физике и астрономии. А в 1812 году Фарадей раздобыл билет на цикл лекций Гемфри Дэви — знаменитого химика и физика, директора химической лаборатории Королевского института. Фарадей посетил несколько лекций, глубоко увлекся и отправил Дэви подробные конспекты своих записей. Впечатленный энтузиазмом юноши, в начале 1813 года Дэви взял его ассистентом в свою лабораторию. Осенью того же года Фарадей сопровождал профессора в двухлетнем путешествии по научным центрам Европы.

После возвращения из поездки Фарадей начал самостоятельные исследования. В 1821 году он продемонстрировал электромагнитное вращение — принцип, который лег в основу первого в мире простейшего электродвигателя.

Одним из величайших открытий ученого стала электромагнитная индукция. В августе 1831 года Фарадей доказал, что изменяющееся магнитное поле порождает электрический ток. В отчете, представленном Королевскому обществу 24 ноября 1831 года, он впервые использовал термин «магнитные силовые линии». На основе этого открытия был создан первый электромагнитный генератор — «диск Фарадея». Эти работы заложили основу для развития электроэнергетики: на подобных принципах работают генераторы на электростанциях, трансформаторы и многие другие устройства.

В 1833–1834 годах Фарадей провел серию экспериментов в области электрохимии и сформулировал законы электролиза (законы Фарадея), которые сыграли ключевую роль в развитии теории дискретных носителей электрического заряда. В 1825 году он открыл бензол — важное соединение в химии. В 1845 году ученый обнаружил явление, позднее названное эффектом Фарадея: он показал связь между светом и электромагнетизмом (вращение плоскости поляризации света в магнитном поле). Именно Фарадей ввел в научный обиход ряд терминов: «ион», «катод», «анод», «электролит», «диэлектрик». Он также предсказал существование электромагнитных волн.

Фарадей активно занимался популяризацией науки. С 1826 года он регулярно читал публичные лекции, в том числе знаменитые рождественские. Одна из них — «История свечи» — была издана отдельной книгой и стала одним из первых популярных научных изданий.

Фарадей был глубоко верующим христианином и не изменил своим убеждениям даже после публикации теории Дарвина.

Он отличался скромностью: отказался от предложения стать президентом Королевского общества, не принял рыцарское звание (по религиозным соображениям) и отклонил просьбу британского правительства помочь в разработке оружия во время Крымской войны (по этическим мотивам).

За преданность экспериментальной работе коллеги прозвали его королем экспериментов.

Существует версия, что ухудшение здоровья в поздние годы было связано с отравлением парами ртути, которая часто использовалась в его опытах.

В 1840 году Фарадей тяжело заболел Он жаловался на резкий упадок сил, головокружения и ухудшение памяти. Болезнь периодически обострялась, вынуждая ученого надолго прерывать активную работу. В 1858 году он ушел в отставку с большинства постов и поселился в Хэмптон-Корте, где провел последние девять лет жизни. Майкл Фарадей умер 25 августа 1867 года за письменным столом, немного не дожив до 76-летия. Похоронен рядом с женой на Хайгейтском кладбище в Лондоне. Он хотел, чтобы похороны были скромными, поэтому на них присутствовали только родственники.

В честь ученого названа единица измерения электрической емкости (фарад), закон электролиза, эффект в оптике, а также медаль и премия Британского королевского общества.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Агапова Е. С.
Субъективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» 205

Ахметзянова Д. М.
Соотношение понятий «невменяемость» и «ограниченная вменяемость» в контексте применения принудительных мер медицинского характера 207

Ахметчина Т. И.
Актуальные аспекты признания сделки недействительной по законодательству РФ 209

Базанова Н. Н.
Особенности договора поставки для государственных или муниципальных нужд 210

Базылева А. Д.
Особенности допроса свидетелей по делам о доведении до самоубийства (статья 110 УК РФ) 213

Базылева А. Д.
Портрет преступника, совершившего доведение до самоубийства (статья 110 УК РФ) 214

Батракова В. И., Матросова А. Е.
Квалификация причинения вреда здоровью при оказании медицинских и косметологических услуг: разграничение со статьей 238 УК РФ 216

Васильев И. И.
Конфликт интересов на государственной гражданской службе как объект административно-правового регулирования..... 219

Вахромова Е. Н.
Сравнительно-правовой анализ института судебного представительства: национальный и зарубежный опыт 222

Вахромова Е. Н.
Виды представительства в российском гражданском процессе: сравнительно-правовой анализ 225

Вишталюк В. И.
Ретроспективный анализ уголовно правовых норм о причинении вреда здоровью 228

Власов Б. И.
Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: научно-правовой анализ 233

Гаджибалаев М. З.
Актуальные проблемы реализации законодательства в сфере гражданской обороны 236

Гаджибалаев М. З.
Проблемные вопросы реализации полномочий и ответственности субъектов обеспечения гражданской обороны..... 239

Галямова А. А.
Окончание предварительного следствия: исторический аспект 243

Германов А. А.
Принципы и гарантии обеспечения законности..... 245

Германов А. А.
Трансформация правового механизма обеспечения национальной безопасности России в современных геополитических условиях..... 248

Германов А. А.
Система законодательства о государственной гражданской службе: федеральные нормативные правовые акты о государственной службе, законодательство субъектов Российской Федерации по вопросам государственной службы 251

Гончарова А. О.
Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы правового регулирования и правоприменения 254

Горгинян О. М.
Результаты оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-процессуального доказывания 256
Горгинян О. М.
Использование технологий искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений 258
Горшкова Е. А.
Правовая природа договора участия в долевом строительстве: дуализм потребительского и инвестиционного статуса дольщика 259
Горшкова Е. А.
Правовые риски использования эскроу-счетов и проектного финансирования для потребителей: новеллы законодательства и правоприменительная практика 262
Григорович Н. О.
Особенности правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях против общественного порядка и общественной безопасности 265
Григорович Н. О.
Административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность: проблемы классификации 267
Гукова Г. Е.
Понятие иска в доктрине гражданского процессуального права 270
Гусев И. С.
Векторы совершенствования правового статуса следователя в контексте новых норм законодательства 2025–2026 годов 272
Гусев И. С.
Процессуальная самостоятельность следователя: баланс между независимостью и ведомственным контролем 274

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Субъективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»

Агапова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье автор анализирует наиболее проблемные аспекты в характеристике субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ. Теоретические суждения выводы опираются на материалы правоприменительной практики и позволяют комплексно взглянуть на данный уголовный состав.

Ключевые слова: *насилие, представитель власти, субъект преступления, субъективная сторона, прямой умысел, мотив преступления.*

В отличие от объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, анализ субъективных характеристик данного деяния имеет более единообразный вид. Это свойственно всем преступлениям, охваченных ст.ст. 317–321 УК РФ. При этом, данное суждение касается в равной степени как признаков субъекта, так и субъективных признаков указанного уголовного состава.

В контексте признаков субъекта имеют место его ключевые характеристики — это вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Возраст наступления уголовной ответственности по данному составу, в целом, не вызывает сколько-нибудь значимых дискуссий. Очевидно, что в этом вопросе законодатель исходит из презумпции, что лицо, не достигшее 16-летнего возраста, не способно быть субъектом по ст. 318 УК РФ, в том числе и по квалифицированным видам данного преступления.

Рассматриваемое преступление совершается при наличии прямого умысла. Это означает, что виновный не только осознает характер совершаемых действий, но и желает совершить данное противоправное действие против представителя власти или его близких.

Умышленная форма вины в контексте ст. 318 УК РФ детерминирована самой спецификой конструкции объективной стороны данного состава преступления. Поскольку деяние представляет собой посягательство на физическую и психическую неприкосновенность лица в момент непосредственной реализации им своих должностных обязанностей, *мотив* и *цели* совершения преступления носят исключительно осознанный и непосредственный характер. Ведь, как правило, насилие применяется в целях прекращения или изменения исполнения представителем власти его обязанностей, принуждения к совершению каких-либо действий, воспрепятствования деятельности в будущем или мести за предыдущую деятельность. В качестве мотива может выступать злость, которая движет злоумышленником в отношении лица по поводу принадлежности последнего к категории носителя власти.

Таким образом, не подлежит сомнению, что наличие мотива и цели в качестве психических оснований уголовной ответственности исключает возможность признания неосторожной формы вины. Ведь в контексте ситуационного характера насильственных действий по отношению к представителю власти налицо конструирование мотива преступного поведения из интеллектуального и волевого элементов. К тому же, сама трактовка понятия «насилие», применимая к подавляющему большинству случаев, априори исключает вероятность неосторожной вины, поскольку характер насильственного деяния по своей сути не предполагает ни легкомыслия, ни небрежности.

Без сомнения, таким образом, законодатель, предполагая очевидное наличие мотива и цели в конструкции субъективной стороны, указывает именно на умышленный характер преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ [1, с. 82]. Тем не менее, несмотря на устоявшееся в научных кругах суждение о характеризующейся прямым умыслом субъективной стороне деяния, в теории уголовного права имеет место и альтернативная точка зрения.

Ее сторонники исходят из того, что механизм совершения насилия, направленного против представителя власти, может быть многовариантен. Как известно, причинение вреда в данном случае имеют конкретный размер, поскольку он измеряется степенью тяжести последствий для здоровья потерпевшего лица. Так, А. Ю. Кизилов, например, убежден, что виновный может относиться к последовавшим «вредным изменениям» и с косвенным умыслом [3, с. 108].

Действительно, у злоумышленника может отсутствовать волевое стремление к причинению вреда конкретного размера (степени тяжести). Кроме того, этот вред может являться «косвенным результатом», последовавшим в процессе воспрепятствования деятельности представителя власти, выразившегося в той или иной форме. Не подлежит сомнению, что в подобных ситуациях умысел может иметь неопределенный характер. Здесь уже весьма проблематично трактовать его в качестве прямого умысла. Неслучайно, как следует из аналитических материалов судебно-следственной практики, что почти в 20 % преступлений, совершенных по ст. 318 УК РФ, виновный действовали с косвенным умыслом [2, с. 70].

Так, в сентябре 2022 г. Л, находясь в состоянии алкогольного опьянения, попытался воспрепятствовать законной деятельности сотрудника полиции Р. по предотвращению правонарушения. Сопротивление Л. носило активный характер и выразилось в хаотичном нанесении им ударов по потолку и сиденьям служебного автомобиля, в который он был помещен при задержании. Один из ударов попал по лицу Р., чем был вызван кровоподтек. Вред здоровью Р. судебно-медицинской экспертизой установлен не был [6].

В ходе рассмотрения уголовного дела Л. неоднократно указывал на то обстоятельство, что не желал причинения вреда Р., но стремился своим поведением воспрепятствовать законным действиям последнего. Очевидно, что в данном случае имело место явное проявление косвенного умысла. Важно, при этом, понимать, что наличие цели и мотива никак не исключает возможность оценивать психическое состояние виновного лица в контексте косвенного умысла.

Важно еще и то, что формулировка диспозиции нормы в ст. 318 УК РФ, выражающаяся в признании преступности насилия, совершенного в отношении представителя власти «в связи с исполнением своих должностных обязанностей», имеет теснейшую связь с субъективной оценкой действий виновного лица. Ведь оно должно осознавать, что совершает насилие именно в отношении представителя власти или его близких и именно в связи с исполнением им своих должностных обязанностей. Практика свидетельствует о том, что именно в такой момент и реализуется подавляющая доля криминальных деяний, квалифицируемых по ст. 318 УК РФ.

В приговорах суда, как правило, акцентируется внимание на том, что виновный осознавал, что потерпевший — представитель власти — находился при исполнении должностных обязанностей. Так, приговором Асиновского городского суда Томской области был осужден гражданин С. по ст. 318 УК РФ. Как следует из материалов дела, С., действуя умышленно, задним ходом своего автомобиля сбил Ч., находящегося при исполнении служебных обязанностей по охране общественного порядка. В результате наезда Ч. было причинено повреждение, которое по длительности расстройства здоровья — свыше трех недель — было отнесено к вреду средней тяжести (закрытый оскольчатый перелом правой ключицы со смещением костных отломков) [5].

Без сомнения, С. отдавал себе отчет в том, что Ч. является представителем власти, поскольку находился в форменной одежде сотрудника полиции со знаками отличия, и выполнял функции по пресечению правонарушений. Этим и было мотивировано применение насилия в отношении Ч., поскольку С. тем самым стремился избежать привлечения к административной ответственности за совершенное чуть ранее правонарушение.

Формы применения насилия, как уже не раз подчеркивалось ранее, имеют значительную вариабельность. Однако для всех их общим характерным моментом является то, что виновное лицо полностью отдает себе отчет в том, что в случае надлежащего исполнения представителем власти его должностных полномочий к виновному лицу будут применены те или иные меры государственного принуждения. Они выражены в широком диапазоне: от административного до уголовного наказания или мер уголовно-процессуального принуждения и, естественно, являются нежелательными для правонарушителя.

Несмотря на общую тенденцию в практике, нельзя не признать, что насилие в отношении представителя власти может носить и спланированный характер. Например, умысел может формироваться и заранее, быть подготовленным и обдуманным. В частности, виновным лицом насильственные действия могут быть спланированы заранее для того, чтобы быть реализованными в том случае, если против данного лица представителем власти будут предприняты шаги для пресечения его преступных действий и применения против него мер принудительного характера.

Еще одним аспектом, имеющим прямое отношение к характеристике субъективной стороны преступления, предусмотренного нормой ст. 318 УК РФ, является причинение насилия в отношении представителя власти, действующего законно. В случае сопротивления его незаконным действиям, повлекшим, в том числе, вред здоровью, виновное лицо не может нести уголовную ответственность по рассматриваемой статье.

К сожалению, случаи совершения противозаконных действий со стороны представителей власти в практике имеют место. Так, например, в 2020 году гражданка Р., проживающая в г. Белгороде применила не опасное для жизни и здоровья насилие к сотруднику инспекции по делам несовершеннолетних А. Однако апелляционным постановлением Белгородского областного суда ее действия были признаны в качестве самообороны в ответ на незаконные действия А., которая отталкивала Р. и однократно завернула ей руку за спину. Уголовное производство в отношении Р. по ст. 318 УК РФ было прекращено [4].

Таким образом, как видим, специфика преступного деяния, предусмотренного нормой ст. 318 УК РФ порождает ряд особенностей и сложностей при осуществлении характеристики ее уголовно-правового состава. Широкое толкование объекта преступления, бесспорно, демонстрирует нам исключительную общественную опас-

ность деяния, несущего угрозу, в первую очередь, порядку управления и стабильности в обществе, а также здоровью, телесной и (или) психической неприкосновенности как представителя власти, так и близких ему лиц.

Для полной композиции субъективной стороны важно, но, при этом, недостаточно одной осведомленности виновного о статусе потерпевшего. Применение насилия против представителя власти должно иметь место при исполнении им своих должностных полномочий и обладать причинно-следственной связью с механизмом их реализации. Данная конкретика уверенно оставляет за скобками бытовые случаи насилия в отношении представителя власти, не имеющие никакого отношения к составу ст. 318 УК РФ. Не укладываются в рамки рассматриваемого состава и противодействие ему со стороны лица, защищающегося от его незаконных действий. Здесь необходимо разграничивать категории «насилие» и «применение силы», поскольку последняя может приобретать характер законной самообороны.

В том случае если насилие со стороны виновного ограничивается угрозой его применения — т. е. насилием психологической природы — то для полноценной оценки субъективной стороны она должна обладать признаками реалистичности и достоверности. Ведь только такая угроза насилия способна вселить убежденность представителя власти в ее осуществлении и тем самым нарушить нормальный управленческий процесс.

Данные выводы, полученные исследовательским путем, позволят в дальнейшем рационально подойти к анализу проблем квалификации и правоприменительной практики в рамках рассматриваемого состава.

Литература:

1. Баглай Ю. В. Субъективная направленность преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145).
2. Ермакова О. В. Проблемные аспекты отражения обязательных признаков в составе применения насилия в отношении представителя власти // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). DOI: 10.55001/2312–3184.2022.55.29.006.
3. Кизилов А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002.
4. Апелляционное постановление Белгородского областного суда № 22–1468/2020 от 9 декабря 2020 г. по делу № 1–322/2020. — [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://sudact.ru/ (дата обращения: 03.11.2026).
5. Приговор Асиновского городского суда Томской области по делу № 1–195/15 от 30 июня 2015 // [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://sudact.ru (дата обращения: 02.11.2026).
6. Архив Ленинского районного суда г. Иваново за 2022 г. Уголовное дело № 1–102/22.

Соотношение понятий «невменяемость» и «ограниченная вменяемость» в контексте применения принудительных мер медицинского характера

Ахметзянова Диана Маратовна, студент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

Статья посвящена комплексному исследованию институтов невменяемости и ограниченной вменяемости в контексте современного уголовного законодательства Российской Федерации. Автор проводит сравнительный анализ данных правовых категорий, подробно останавливаясь на их медицинском, юридическом и темпоральном критериях. В работе подчеркивается проблема законодательного вакуума в отношении термина «ограниченная вменяемость» в УК РФ и выявляются сложности, с которыми сталкиваются правоприменительная и экспертная практики из-за отсутствия четких легальных дефиниций. На основе анализа зарубежного опыта, в частности доктрины «уменьшенной ответственности» в английском праве, обосновывается необходимость имплементации более прозрачных критериев и разработки единых методических рекомендаций для оптимизации назначения принудительных мер медицинского характера и обеспечения принципа справедливости.

Ключевые слова: *принудительные меры медицинского характера, невменяемость, ограниченная вменяемость, преступление, психическое расстройство.*

Исследование института невменяемости и ограниченной вменяемости в уголовном праве сегодня приобретает особую научную и практическую значимость. В условиях гуманизации уголовного законодательства возникает необходимость более тонкой дифференциации ответственности лиц, страдающих психическими

расстройствами. Вопрос о четком разграничении вменяемости и её ограниченности является критически важным для обеспечения принципов справедливости и индивидуализации наказания, а также для обоснованного применения принудительных мер медицинского характера (ПММХ).

В соответствии с актуальной редакцией УК РФ, ключевыми задачами уголовного производства остаются предупреждение совершения общественно опасных деяний и назначение справедливых мер воздействия, при строгом соблюдении принципа недопустимости осуждения невиновных. Вместе с тем, правоприменительная практика сталкивается с ситуациями, когда субъект объективно совершает деяние, формально подпадающее под признаки состава преступления, однако достижение целей правосудия затруднено из-за специфики психического состояния субъекта. В таких случаях привлечение лица к полноценной уголовной ответственности невозможно, и правовым механизмом выступает назначение ПММХ.

Как указывал И. Н. Быканов, ПММХ следует рассматривать как разновидность принудительного психиатрического воздействия, реализуемого судом на базе экспертного заключения в отношении лиц, имеющих психические отклонения и совершивших деяния, предусмотренные Особенной частью УК РФ [1]. Анализ положений гл. 15 УК РФ позволяет сделать вывод, что применение данных мер детерминировано либо состоянием невменяемости, либо ограниченной вменяемостью [2]. Поскольку законодатель в ст. 21 УК РФ детально регламентирует лишь невменяемость, теоретическое и практическое содержание ограниченной вменяемости и её соотношение с первым понятием требуют глубокого доктринального осмысления.

Невменяемость по своей правовой природе характеризуется неспособностью субъекта осознавать фактическую сторону и общественную опасность действий или руководить ими. В юридической науке принято выделять два базисных критерия — медицинский (согласно ст. 21 УК РФ) и юридический, связывающий наличие расстройства с невозможностью осознания лицом своего поведения. Дополнительно профессор Г. А. Есаков предлагает использовать темпоральный критерий, фиксирующий обязательное наличие вышеуказанных признаков непосредственно в момент совершения деяния [3].

В противовес этому, ограниченная вменяемость отражает состояние, при котором интеллектуальный контроль над действиями сохраняется, но волевая регуляция оказывается существенно ослабленной. Важно подчеркнуть, что в российском праве термин «ограниченная вменяемость» законодательно не закреплен. В то время как ст. 21 УК РФ дает дефиницию невменяемости, ст. 22 УК РФ лишь обозначает состояние, при котором психическое расстройство не в полной мере ограничивает осознание или контроль, что позволяет суду учитывать это как обстоятельство, смягчающее наказание.

В качестве позитивного зарубежного опыта можно рассмотреть доктрину «уменьшенной ответственности» в английском праве, которая концептуально близка к ограниченной вменяемости и применима к лицам с психическими патологиями, снижающими их волевой самоконтроль [4].

Диагностика подобных состояний традиционно сопряжена с определенным субъективизмом и отсутствием узкоспециализированных тестов, а также необходимостью учета экзогенных факторов — стресса и травм. Тем не менее, признание этого института необходимо для реализации принципа справедливости в судебно-психиатрической практике.

Текущая правовая неопределенность, обусловленная многообразием психических расстройств и отсутствием четкого легального определения, затрудняет работу экспертов и судов. Игнорирование градации ихических состояний влечет риск неверной оценки факторов, детерминирующих поведение [5]. Полагаю, что для преодоления разногласий в судебной практике и разработки единых методических рекомендаций целесообразно проанализировать зарубежные модели. Это позволит имплементировать прозрачные критерии в отечественную систему уголовного права.

Литература:

1. Быканов И. Н. О генезисе принудительных мер медицинского характера // ВЭПИ. Территория науки. — 2014. — № 1. — С.146.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996 — № 25 — гл. 15
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный. 9-е издание, переработанное и дополненное / под ред. Г. А. Есакова. М.: Проспект. — 2021. — 848 с.
4. Аистова Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран. Уч. пособие. 2-е изд., перераб. — С-Пб. — 2020. — С. 61
5. Н. Ю. Зограбян, Ю. А. Падарян. Проблемы определения ограниченной вменяемости и практика её применения. — Восемнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть I. — 2025. — С. 28–35

Актуальные аспекты признания сделки недействительной по законодательству РФ

Ахметчина Татьяна Ильдаровна, студент магистратуры
Московский экономический институт

В статье рассматриваются актуальные проблемы признания сделки недействительной по российскому гражданскому законодательству. Выделена необходимость легализации ключевых дефиниций, но и выработка единых подходов к оценке критериев волеизъявления, добросовестности сторон.

Ключевые слова: *недействительность, сделка, добросовестность, оспоримость, ничтожность, проблемы, обман.*

Недействительность сделок — это краеугольный камень гражданского права, служащий гарантом законности и добросовестности в деловых отношениях [5, с.166].

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что недействительность сделки является важным институтом гражданского права, направленным на защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота. Однако для повышения эффективности данного института необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, включая уточнение критериев разграничения ничтожных и оспоримых сделок, а также расширение защиты прав добросовестных участников. Недействительность сделок является не только инструментом восстановления нарушенных прав, но и механизмом предотвращения злоупотреблений в гражданском обороте.

Реалии правоприменительной практики последних лет говорят о том, что система работает несовершенно, и что в реализации норм о ней действительности сделок есть серьезные проблемы, решение которых еще только предстоит найти. Законодательство претерпевает новые и новые изменения с довольно быстрыми темпами, множественные источники регулирования создают коллизии норм, а также граница между частным (свобода договора) и публичным (императивные запреты) правом размыта. Совокупность данных фактов создает правовую неопределенность для участников предпринимательской деятельности [4, с.634]. Вопрос о признании сделки недействительной давно является весьма спорным на законодательном, теоретическом и так же практическом уровне.

На современном этапе развития отечественной гражданско-правовой науки многие ученые, представители институтов гражданского общества, органов государственной власти, сотрудники правоохранительных органов заняты изучением этой проблемы и поиском ее решения. В последние годы вопросы недействительности сделок стали предметом рассмотрения широкого круга представителей отечественной правовой школы, особенно на это повлияло «дело Долиной» и т. д.

Тема признания сделки недействительной очень проблемная и стоит порой достаточно остро. Потому что, несмотря на то что основания для признания сделки недействительной закреплены в Гражданском кодексе РФ (глава 9), на практике возникает немало сложностей, связанных с реализаций данных положений [7, с.589].

Гражданский кодекс Российской Федерации формально закрепляет деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, однако юридическая природа этих категорий остаётся предметом научной дискуссии.

Особого внимания заслуживает проблема доказывания субъективной стороны при оспаривании сделки как кабальной.

Существенные трудности возникают при необходимости установить, находилось ли лицо в крайне неблагоприятных для себя условиях и осознавала ли другая сторона это обстоятельство. В отличие от формальных пороков сделки, здесь требуется подтверждение совокупности факторов: тяжёлого положения, крайне невыгодных условий и извлечения выгоды контрагентом. Часто для обоснования подобной позиции прибегают к комплексной экспертизе, включая психолого-психиатрическую, а при невозможности допроса участника — к посмертной судебной оценке. Проблема усугубляется тем, что внутреннее состояние лица в момент заключения сделки не поддаётся прямому объективному анализу, а субъективное восприятие обстоятельств может быть искажено временем или интересами сторон. Это обстоятельство обуславливает вариативность подходов в судебной практике и повышает значимость детального анализа фактических данных и экономических последствий заключённой сделки [4, с. 634].

В юридической литературе неоднократно подчёркивается, что концепция недействительной сделки находится на границе между правомерным действием и правонарушением. В то время как одни исследователи отождествляют недействительность с дефектом юридического факта, другие склонны видеть в ней форму гражданско-правового деликта, обладающего санкционной природой. Например, М. М. Агарков считал, что нельзя называть сделкой юридически ничтожное волеизъявление, не имеющее правового значения. Более современные интерпретации допускают возможность существования «неправомерной сделки» как юридической фикции, необходимой для применения защитных механизмов, таких как реституция, компенсация убытков, отказ в защите права [2, с. 343].

Правоприменительная практика наглядно демонстрирует, что наиболее частыми основаниями признания сделок недействительными остаются: нарушение публичных интересов при отчуждении недвижимости, сделки

с участием недееспособных, притворные договоры, искажение воли под влиянием обмана. Особую сложность вызывают случаи, где правомерность или добросовестность одной из сторон вызывает сомнение, но доказательства остаются неполными.

Существует проблема признания поведения участников сделки добросовестным. Обычно суды внимательно смотрят на поведение обеих сторон. Если одна сторона действовала добросовестно (проявила должную осмотрительность), а вторая, напротив, ввела в заблуждение, то это весьма весомый аргумент в пользу второй стороны. Также действует принцип гражданского оборота: сторона, которая после заключения сделки своим поведением давала другим основание полагаться на её действительность, не вправе потом её оспаривать (эстоппель).

В этих случаях суды проявляют осторожность, чтобы не легитимизировать недобросовестные попытки аннулировать ранее добровольно заключённые договоры [3, с. 36].

Всё вышеперечисленное указывает на необходимость совершенствования реализации на практики положения гражданского законодательства, касающихся института недействительности сделок. Требуется не только легализация ключевых дефиниций, но и выработка единых подходов к оценке критериев волеизъявления, добросовестности сторон, механизма последствий. Кроме того, следует рассмотреть вопрос о дифференциации последствий недействительности в зависимости от характера нарушений, степени вины и степени угрозы публичному интересу.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. — М., 2002.
3. Анчугина В. В. Понятие и виды недействительных сделок // Colloquium-Journal. — 2021. — № 12–4(99). — С. 36
4. Болотин Г. В., Игнатьева Н. Ю. Актуальные проблемы правоприменения в сфере недействительности сделок в предпринимательской деятельности /Г. В. Болотин, Н. Ю. Игнатьева // Флагман науки. — 2026. — № 4 (39). С. 634.
5. Гермаш Д. В. Недействительность сделок: защита законности и добросовестности участников гражданского процесса /Д. В. Гермаш // Архонт. — 2026. — № 2 (73). — С. 166.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381735/?ysclid=mvotvehtub641081849 (дата обращения: 25.10.2026)
7. Климов Д. П. Недействительность сделок: понятие и правовые последствия /Д. П. Климов // Аллея науки. — 2025. — Т. 1. — № 3 (103). — С. 589
8. Кузнецова Д. А. Сделки с пороками воли и волеизъявления (сделка, совершенная под влиянием обмана) /Д. А. Кузнецова, Л. Я. Курченко / В сборнике: Роль суда в обеспечении прав и правовых интересов субъектов правоотношений. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. — Санкт-Петербург, 2026.- С. 252–256.
9. Персати Г. А. Недействительность сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств: вопросы теории и практики / Г. А. Персати // Молодой ученый. — 2023. — № 20 (467). — С. 581–582.

Особенности договора поставки для государственных или муниципальных нужд

Базанова Наталья Николаевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются основания и гражданско-правовые последствия одностороннего отказа заказчика от исполнения государственного или муниципального контракта на поставку товаров. Разграничиваются право и обязанность заказчика отказаться от исполнения контракта, раскрываются критерии существенности нарушения и значение соблюдения процедуры отказа. На основе научных подходов и судебной практики анализируются взыскание неустойки и убытков, сохранение отдельных обязательств после расторжения контракта и самостоятельность обязательства гаранта. Обосновывается необходимость раздельной оценки правомерности отказа и возникающих имущественных требований с учетом характера нарушения и добросовестности поведения сторон.

Ключевые слова: *государственный контракт, муниципальный контракт, поставка товаров, односторонний отказ, существенное нарушение договора, гражданско-правовая ответственность.*

The specifics of the supply contract for state or municipal needs

Bazanova Natalia Nikolaevna, master's student
Moscow University «Synergy»

The article examines the grounds and civillegal consequences of a customer's unilateral refusal to perform a state or municipal contract for the supply of goods. The right and obligation of the customer to refuse to perform the contract are delineated; the criteria for the materiality of the breach and the importance of complying with the refusal procedure are disclosed. Based on scientific approaches and judicial practice, the analysis covers the recovery of penalties and damages, the preservation of certain obligations after the contract is terminated, and the independence of the guarantor's obligation. The necessity of separately assessing the legitimacy of the refusal and the resulting property claims, taking into account the nature of the breach and the goodfaith conduct of the parties, is substantiated.

Keywords: *state contract, municipal contract, supply of goods, unilateral refusal, material breach of contract, civil liability.*

Публичная цель поставки не превращает заказчика в орган, властно прекращающий обязательство. Исследуя природу государственного контракта применительно к подрядным отношениям, Р. Р. Абдуллаев подчеркивает, что его заключение происходит «без применения каких-либо властных полномочий». Этот вывод позволяет обосновать и пределы отказа при поставке. Заказчик осуществляет договорное правомочие, законность которого определяется не административной целесообразностью, а предусмотренными законом обстоятельствами. Иное понимание делало бы само указание на государственные нужды достаточным оправданием прекращения любого контракта, лишая поставщика возможности содержательно оспаривать решение [6].

М. В. Григорян рассматривает односторонний отказ от исполнения договора «как способ его расторжения» [7]. Однако способ прекращения договорной связи следует отличать от юридического результата. По п. 2 ст. 450.1 ГК РФ расторжение наступает лишь при допустимости отказа [1]. Следовательно, наличие оформленного решения еще не доказывает прекращения обязательств. Для судебной проверки необходимо установить, обладал ли заказчик соответствующим правом, возникло ли основание его осуществления и соблюдены ли специальные требования к волеизъявлению.

Договорное закрепление возможности отказа, предусмотренное ч. 9 ст. 95 Закона № 44-ФЗ, не заменяет законного основания [3]. Применительно к поставке п. 1 ст. 523 ГК РФ связывает отказ с существенным нарушением договора [2]. Пункт 2 той же статьи устанавливает презумпцию существенности для неоднократного нарушения сроков поставки и передачи товаров с недостатками, неустранимыми в приемлемый для покупателя срок. Из этого не следует, что однократная просрочка всегда исключает отказ. Ее существенность требует самостоятельного обоснования через последствия для заказчика с учетом п. 2 ст. 450 ГК РФ [1]. Например, нарушение срока поставки товара к определенному мероприятию способно лишить исполнение хозяйственного смысла, тогда как сопоставимая задержка пополнения складских запасов может не иметь такого значения.

Существенность поэтому нельзя подменять простым подсчетом дней просрочки. Предлагается оценивать связь срока с назначением товара, сохраняющуюся возможность использования поставки и поведение самого заказчика. Если последний препятствовал приемке, ссылка исключительно на календарное нарушение искажает содержание обязательства. Требование добросовестного и разумного осуществления права, закрепленное п. 4 ст. 450.1 ГК РФ, ограничивает не только выбор основания, но и способ его использования [1].

Иную природу имеет обязательный отказ. Подпункт «б» п. 1 ч. 15 ст. 95 Закона № 44-ФЗ связывает его с представлением при определении поставщика недостоверной информации о соответствии установленным требованиям, позволившей ему стать победителем [3]. Здесь охраняется правомерность определения контрагента, а не только интерес в получении товара. Поэтому надлежащее фактическое исполнение само по себе не устраняет основания отказа. Смешение этой ситуации с существенным нарушением поставки ошибочно переносит оценку качества исполнения на законность участия в закупке.

Процедура отказа также не сводится к техническому уведомлению. Д. В. Якунин в совместном исследовании связывает его правомерность с наличием оснований и соблюдением установленного порядка [9]. По ч. 13 ст. 95 Закона № 44-ФЗ решение вступает в силу через десять дней после надлежащего уведомления. Часть 14 предусматривает его обязательную отмену при своевременном устранении нарушения и компенсации затрат на экспертизу. Исключение касается повторного нарушения, которое в соответствии с гражданским законодательством является основанием отказа [3]. Этот срок следует понимать, как предоставленную законом возможность сохранить обязательство, а не как отсрочку неизбежного расторжения. Недобросовестное уклонение заказчика от проверки устранения нарушения фактически лишает поставщика предусмотренной законом защиты.

После расторжения возникает другая опасность, связанная с представлением о полном исчезновении договорной связи. Н. В. Южанин обращает внимание на соотношение исполнения контракта и исполнения обя-

зательства из контракта [10]. Такой ракурс исследования позволяет точнее определить прекращающиеся обязанности. По п. 2 ст. 453 ГК РФ прекращение обязательств допускает исключения, вытекающие, в частности, из их существа [1]. Поэтому отказ не освобождает заказчика от оплаты уже принятого товара и не устраняет ответственности поставщика за допущенные нарушения. При отсутствии встречного предоставления судьба перечисленного аванса определяется также п. 4 указанной статьи.

Разграничение последствий получило конкретное выражение в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 № 305-ЭС24–5019 по делу № А40–299776/2022 [4]. После непоставки модульного здания заказчик отказался от контракта и потребовал пеню за просрочку вместе со штрафом за неисполнение. Нижестоящие суды отнесли нарушение к просрочке и отказали во взыскании штрафа. Судебная коллегия разграничила просрочку и полное неисполнение, допустив сочетание соответствующих санкций, и направила дело в части штрафа на новое рассмотрение. Для применения ч. 6–8 ст. 34 Закона № 44-ФЗ решающим оказывается не сам отказ, а характер нарушения [3]. Следовательно, начислять штраф только потому, что контракт расторгнут, столь же неправильно, как исключать его при окончательном неисполнении поставки.

Отдельного рассмотрения требует независимая гарантия. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2025 № 302-ЭС25–5275 по делу № А58–6643/2023 спор возник из строительного контракта после отказа подрядчика, а не заказчика [5]. Однако сформулированное толкование п. 1 ст. 368 и п. 1 ст. 370 ГК РФ имеет значение и для обеспечения поставки [1]. Суд исходил из самостоятельности гарантии и признал ошибочным отказ в выплате, направив дело на новое рассмотрение. Наличие спора о причинах прекращения основного обязательства само по себе не доказывает недобросовестности требования бенефициара. Отсюда следует, что оспаривание законности отказа нельзя автоматически превращать в основание освобождения гаранта от самостоятельного обязательства.

Имущественные последствия не исчерпываются санкциями и обеспечением. Пункт 1 ст. 524 ГК РФ позволяет взыскать разницу в цене замещающей покупки при соблюдении требований к сроку и разумности цены [2]. Предлагается проверять также сопоставимость характеристик товаров, чтобы под видом восстановления нарушенного интереса заказчик не переложил на первоначального поставщика расходы, не связанные с замещением несостоявшейся поставки. Само соблюдение закупочной процедуры не заменяет установления причинной связи между нарушением и дополнительными расходами.

Включение в реестр недобросовестных поставщиков необходимо отделять от этих гражданско-правовых последствий. В. А. Плотников в совместном исследовании предлагает «расширить список „уважительных“ причин нарушений условий государственного контракта» [8]. Предложение отражает проблему необоснованного ограничения доступа к закупкам, однако само пополнение перечня не заменяет оценки конкретного поведения поставщика. Причины нарушения и предпринятые для его предотвращения действия требуют самостоятельного исследования. Предусмотренная ч. 7 ст. 104 Закона № 44-ФЗ проверка контрольным органом исключает понимание включения в реестр как автоматического продолжения отказа заказчика [3].

Таким образом, правомерность одностороннего отказа и объем возникающих имущественных требований нуждаются в раздельном обосновании. Существенное нарушение нельзя устанавливать только по формальным признакам, процедуру нельзя использовать для блокирования исправления, а прекращение поставки нельзя отождествлять с прекращением расчетов и ответственности. Предлагаемый подход требует сопоставлять доказанное основание отказа с конкретной обязанностью, которая прекращается либо сохраняется. Именно такое сопоставление позволяет защитить интерес заказчика в своевременном получении товара, не предоставляя ему необоснованных преимуществ перед поставщиком.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 № 305-ЭС24–5019 по делу № А40–299776/2022 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — Текст: электронный. — Дата обращения: 15.09.2026.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2025 № 302-ЭС25–5275 по делу № А58–6643/2023 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — Текст: электронный. — Дата обращения: 15.09.2026.

6. Абдуллаев Р. Р. К вопросу о гражданско-правовой природе государственного контракта на выполнение подрядных работ для нужд системы МВД России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — Т. 23. — № 3. — С. 34–40
7. Григорян М. В. Новый порядок одностороннего отказа от исполнения государственного контракта // Актуальные исследования. — 2023. — № 5 (135). — С. 87–89.
8. Маслюк А. В., Плотников В. А. Реестр недобросовестных поставщиков: проблемы правового регулирования // Социология и право. — 2024. — Т. 16. — № 1. — С. 93–107.
9. Черенкова П. А., Якунин Д. В. Проблема соблюдения баланса интересов при реализации порядка одностороннего отказа заказчика от исполнения государственного (муниципального) контракта // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 8 (195). — С. 127–129.
10. Южанин Н. В. Особенности правового регулирования исполнения обязательств из государственных контрактов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2024. — № 1 (62).

Особенности допроса свидетелей по делам о доведении до самоубийства (статья 110 УК РФ)

Базылева Арина Дмитриевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена криминалистическим и психологическим особенностям допроса свидетелей по уголовным делам о доведении до самоубийства (статья 110 УК РФ). Целью работы является выявление специфики тактики допроса свидетелей с учетом способов совершения данного преступления и эмоционального состояния участников процесса. Отдельное внимание уделено психологическим трудностям, с которыми сопряжен допрос, и обоснованию деликатной, индивидуализированной тактики, установления доверия и снятия эмоционального напряжения.

Ключевые слова: *доведение до самоубийства, допрос свидетелей, тактика допроса, психологическое состояние свидетелей.*

Доведение до самоубийства (ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации) [1] представляет собой одно из наиболее сложных преступлений против жизни, требующее от органов предварительного расследования особого подхода, в том числе и к процедуре допроса свидетелей. Специфика данного состава преступления, выраженная в способах воздействия (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства), а также в эмоциональном и психологическом давлении на участников процесса, обусловливает ряд особенностей, которые необходимо учитывать при работе со свидетельскими показаниями.

В соответствии со статьей 110 УК РФ, уголовная ответственность наступает за доведение лица до самоубийства или покушения на самоубийство, совершенное путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Предмет доказывания в таких делах выходит за рамки установления факта смерти и требует выяснения причинно-следственной связи между действиями (бездействием) виновного и суицидальными действиями потерпевшего.

Допрос свидетелей должен быть направлен на детальное выяснение признаков объективной стороны преступления, перечисленных в диспозиции статьи: [2]

1) Угрозы. Свидетели могут подтвердить факт высказывания угроз, их характер (физическая расправа, распространение компрометирующих сведений, уничтожение имущества и др.), а также систематичность или интенсивность.

2) Жестокое обращение. Важно зафиксировать информацию о физическом (побои, истязания) или психическом (изоляция, лишение необходимого) насилии, его проявлениях и частоте

3) Систематическое унижение человеческого достоинства. Свидетельские показания играют ключевую роль в подтверждении систематичности и характера унижений, оскорблений, насмешек, травли (буллинга), особенно в случаях, когда такие действия происходили в публичном пространстве или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Как отмечает В. Ф. Бурданова «Цель расследования заставляет искать признаки преступления по всем элементам состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, то есть искать признаки объективной стороны: факты унижения личного достоинства, жестокого обращения, угрозы». [3]

Допрос свидетелей по делам о доведении до самоубийства сопряжен с серьезными психологическими трудностями. Свидетели, как правило, являются близкими людьми потерпевшего или лица, совершившего проти-

вопрвные действия, и могут находиться в состоянии стресса, горя, страха или внутреннего конфликта.

Тактика допроса должна быть максимально деликатной и индивидуализированной. Следователь обязан обеспечить психологический комфорт, избегать давления и формулировок, которые могут травмировать свидетеля или вызвать немотивированный отказ от дачи показаний.

Необходимо учитывать, что показания, данные в состоянии сильного стресса, могут быть непоследовательными или противоречивыми (по аналогии с советами адвокатов, касающихся обвиняемых, которые также применимы к свидетелям). Перед началом допроса следует провести беседу, направленную на снятие эмоционального напряжения. Для получения максимально полных и искренних показаний, критически важно установить доверие между следователем и свидетелем.

Круг свидетелей обычно представлен из следующих субъектов — члены семьи, родственники, их показания наиболее ценны для выяснения личности потерпевшего, его психоэмоционального состояния, изменений в поведении, а также фактов домашнего насилия или конфликтов. Коллеги, одноклассники, друзья, могут подтвердить факты систематического унижения или угроз, имевших место вне дома (например, на работе, в учебном заведении). Медицинский персонал, его важность состоит в получении сведений о психическом или физическом здоровье потерпевшего, предшествовавших обращениях за помощью, а также для характеристики общего состояния.

Акцент в допросе должен быть сделан на таких аспектах, как поведение потерпевшего, которое могло быть выражено в изменении в настроении, интересах, социальной активности, высказываниях о безысходности или намерении покончить с собой. А также в конкретных фактах насилия или унижения в сторону потерпевшего. Важно выяснить даты, места, присутствовавших лиц, чтобы обеспечить возможность дальнейшей проверки и сопоставления показаний.

Доказательственное значение свидетельских показаний по ст. 110 УК РФ трудно переоценить. Поскольку данное преступление часто носит латентный характер, а ключевые события могли происходить без посторонних, показания очевидцев косвенных признаков приобретают решающее значение.

По мнению В. С. Бурдановой, данные о личности потерпевшего и обвиняемого собираются, в том числе, путем допроса свидетелей, а также истребования медицинских и иных документов. Следователь должен собрать информацию о психологическом портрете потерпевшего, мотивах и целях произошедшего [4].

При оценке показаний, необходимо критически подходить к их полноте, последовательности и непротиворечивости. Учитывая эмоциональную вовлеченность свидетелей, возможны неточности или искажения, связанные с субъективным восприятием. Особое внимание следует уделять показаниям, подтверждающим систематичность действий и причинно-следственную связь, поскольку для доведения до самоубийства недостаточно однократного акта унижения или угрозы.

Таким образом, допрос свидетелей по делам о доведении до самоубийства является многогранным процессом, требующим от следователя не только глубоких знаний уголовного права и криминалистической тактики, но и высоких психологических компетенций. Только комплексный, тактически выверенный и гуманный подход к работе со свидетелями, опирающийся на детальное выяснение всех признаков объективной стороны преступления, предусмотренной статьей 110 УК РФ, позволит обеспечить полноту и всесторонность расследования и установить истину по делу.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СПС Консультант Плюс.
2. Бурданова В. С. Расследование уголовных дел об убийствах, замаскированных инсценировкой самоубийства, и дел о доведении до самоубийства: автореф. дис....канд. юрид. наук / Бурданова Виринея Сергеевна. Ленинград, 1966. 17 с.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям. 3-е изд. Москва: Юнити, 2001. 837 с
4. Бурданова В. С. Расследование доведения до самоубийства: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001. 56 с.

Портрет преступника, совершившего доведение до самоубийства (статья 110 УК РФ)

Базылева Арина Дмитриевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена криминалистической характеристике личности преступника, совершившего доведение до самоубийства или покушение на него (статья 110 УК РФ). Целью работы является построение собирательного портрета виновного лица на основе анализа судебной практики и исследований.

Ключевые слова: *доведение до самоубийства, портрет преступника, личность виновного, психологическое насилие, типология преступников.*

Преступления против жизни являются наиболее тяжкими посягательствами в системе Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). В данном контексте особое место занимает доведение до самоубийства или покушения на него, предусмотренное статьей 110 УК РФ. [1] Это деяние, характеризующееся исключительной безнравственностью и циничным отношением к достоинству и душевному состоянию другого человека, является результатом длительного и целенаправленного воздействия, разрушающего психику потерпевшего. Изучение личности преступника, совершившего такое деяние, представляет собой ключевую задачу для криминологии и уголовного права, поскольку позволяет выработать более эффективные меры профилактики и реагирования.

Объективная сторона преступления, согласно диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ, выражается в доведении лица до самоубийства или покушения на него путем: угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Именно эти способы совершения преступления закладывают основу для формирования криминологического портрета виновного лица.

Криминологический портрет преступника — это собирательный образ, включающий совокупность социально-демографических, уголовно-правовых и психологических характеристик, отражающих типичные особенности лиц, совершающих данный вид преступлений.

Анализ судебной практики и криминологических исследований, в частности работ Д. М. Арслановой (2021) [2] и П. К. Петрова и А. П. Зыкова [3] (2024), показывает следующие типичные черты субъекта преступления по ст. 110 УК РФ:

Чаще всего преступниками являются лица мужского пола, хотя доля женщин в этой категории также значительна, особенно когда речь идет о семейно-бытовых конфликтах. Возрастная группа виновных лиц, как правило, включает взрослых, трудоспособных граждан (от 30 до 50 лет), что объясняется формированием устойчивых отношений (брачных, профессиональных, иерархических).

Нередко это лица, занимающие иерархически более высокое положение по отношению к потерпевшему (например, супруг, родитель, руководитель). Уровень образования может быть различным, однако, по замечанию ряда исследователей, для данной категории характерен относительно низкий уровень правосознания и высокий уровень социальной дезадаптации или, напротив, доминирующее положение в социальных структурах (семья, работа).

Важнейшей характеристикой является наличие устойчивых личных или социальных связей с жертвой. Преступления по ст. 110 УК РФ чаще всего совершаются в семейно-бытовой сфере (супруги, родители/дети), в отношении лиц, находящихся в материальной или иной зависимости от виновного (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ).

Психологическая составляющая портрета имеет решающее значение, поскольку доведение до самоубийства всегда сопряжено с целенаправленным психологическим насилием.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, «именно через анализ субъективной стороны и мотивов виновного можно понять природу преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, которое в своей основе имеет не физическое, а психическое воздействие». [4]

В отличие от прямого убийства, где мотивы могут быть корыстными или личными (месть), мотивация при доведении до самоубийства часто носит доминирующий, садистский или эгоистический характер. Преступник стремится установить полный контроль над жертвой, подавить ее волю и лишить жизненных ориентиров. Нередко действия совершаются из ревности, мести, корыстных побуждений (желание избавиться от супруга ради наследства) или просто из-за стремления самоутвердиться за счет унижения слабого.

Характерны эмоциональная неустойчивость, высокий уровень агрессии и импульсивность, которые проявляются в жестоком обращении. Вместе с тем, наблюдается отсутствие эмпатии и способности к сопереживанию. Преступник осознанно или неосознанно игнорирует страдания жертвы, используя ее беспомощность или зависимость.

Часто выявляются признаки психопатии или акцентуации характера (например, паранойяльные, демонстративные или шизоидные черты), которые усиливают склонность к деструктивному поведению. Для лиц, систематически унижающих человеческое достоинство, характерна гипертрофированная самооценка и стремление к доминированию.

Исходя из мотивов и характера отношений с жертвой, можно выделить несколько типологических групп преступников, совершающих деяния по ст. 110 УК РФ (по материалам криминологических исследований):

«Семейный тиран»: Лица, доводящие до самоубийства своих близких (супругов, детей) путем длительного жестокого обращения и систематического унижения в условиях домашнего насилия.

«Корыстный манипулятор»: Лица, преследующие корыстную цель (наследство, жилье, избавление от долгов), использующие угрозы и шантаж для создания безвыходной ситуации для жертвы.

«Сетевой провокатор»: Лица, совершающие преступления с использованием сети «Интернет» (например, «кураторы» в «группах смерти»). Их мотивом часто является самоутверждение, доминирование и псевдосоциальная роль, а жертвами, как правило, становятся несовершеннолетние или лица в беспомощном состоянии. Эта категория получила развитие после внесения изменений в ст. 110 УК РФ в 2017 году.

Изучение криминологического портрета преступника, совершившего доведение до самоубийства, позволяет глубже понять механизмы этого латентного и особо опасного преступления. Знание типичных характеристик виновного лица (его социально-демографического статуса, отношений с жертвой, доминирующих мотивов и психологических деформаций) является фундаментальным для помощи следователю более точно устанавливать наличие обязательных признаков объективной стороны (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение). Дает возможность выявлять группы риска среди потенциальных преступников и жертв, а также разрабатывать специализированные программы по борьбе с домашним и психологическим насилием. Учитывая изменения, внесенные в УК РФ, направленные на ужесточение ответственности за преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних или с использованием сети Интернет (ч. 2 ст. 110 УК РФ), актуальность исследования данной категории преступников только возрастает.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025)
2. Арсланова Д. М. Криминологическое исследование личности преступника, совершившего доведение до самоубийства // Молодой ученый. 2021. № 26 (368). С. 130–133.
3. Петров П. К., Зыков А. П. Криминологический портрет личности преступника, совершающего преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 144–147.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А. И. Чучаева. — М.: Проспект, 2024. (и другие монографии и учебники по уголовному праву и криминологии).

Квалификация причинения вреда здоровью при оказании медицинских и косметологических услуг: разграничение со статьей 238 УК РФ

Батракова Варвара Игоревна, студент;
Матросова Анастасия Евгеньевна, студент
Научный руководитель: Малышева Юлия Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье авторы исследуют проблемы квалификации причинения вреда здоровью при оказании медицинских и косметологических услуг. Также особое внимание уделено разграничению неосторожных преступлений против личности (ст. 109, 118, 235 УК РФ) и ст. 238 УК РФ, значению примечания к ст. 238 УК РФ, защищающего медицинских работников от необоснованного преследования за врачебные ошибки.

Ключевые слова: *медицинская услуга, косметология, ст. 238 УК РФ, причинение вреда по неосторожности, квалификация.*

Актуальность темы заключается в динамичном развитии рынка платных медицинских и косметологических услуг, которые сопровождаются неизбежным ростом конфликтных ситуаций, возникающих между пациентами и исполнителями услуг, то есть медицинскими организациями, индивидуальными предпринимателями и т. д. В случаях, когда дефекты оказания помощи приводит к причинению вреда здоровью различной степени тяжести либо к летальному исходу, перед правоохранительными органами встаёт непростая задача по определению правильной уголовно-правовой квалификации содеянного.

Традиционно сложилось мнение, что причинение вреда пациенту вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей рассматривалась как неосторожные преступления против личности (ст. 109, 118 Уголовного кодекса Российской Федерации), а также незаконного осуществления медицинской или фармацевтической деятельности (ст. 235 УК РФ). Но в последние годы следственная практика придерживается активного применения ст. 238 УК РФ [1], где закрепляется оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Такая квалификация существенно изменяет процессуальные условия, сроки давности привлечении к ответственности и степень тяжести обвинения, что порождает дискуссии в научном сообществе.

Правовое поле оказания помощи гражданам основывается на положениях Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]. Согласно закону медицинская услуга подразумевает медицинское вмешательство или комплекс вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченные значение.

Сфера косметологии является зоной повышенного риска в медицинской деятельности. В соответствии с действующими нормативными правовыми актами Министерства здравоохранения РФ и номенклатурой медицинских услуг, все косметологические процедуры подразделяется на две принципиально разные группы. Первую образует медицинская косметология, а именно инвазивные, инъекционные, аппаратные методики, лазерные шлифовки, срединные и глубокие пилинги. Данный вид деятельности подлежит обязательному лицензированию согласно Федеральному закону от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензирование отдельных видов деятельности» [3] и может выполняться только дипломированными врачами-косметологами или средним медицинским персоналом под их руководством. Ко второй группе относится бытовая (эстетическая) косметология, куда входят уходовые процедуры, гигиенический массаж лица, маски, нанесение косметологических средств без нарушения целостности кожных покровов. Эти услуги относятся к сфере бытового обслуживания населения и регулируются общими нормами закона РФ «О защите прав потребителей» и не требует обязательной медицинской лицензии.

Одной из главных проблем современной практики является оказание инвазивных медицинских процедур, например, контурной пластики, введение филлеров или ботулотоксина, лицами, не имеющими ни медицинского образования, ни лицензии. Подобный род деятельности создает прямую и реальную угрозу жизни и здоровью потребителей.

Статья 238 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Объектом преступления является общественные отношения, которые обеспечивают безопасность потребителей при реализации товаров, выполнении работ или оказания услуг. Дополнительным объектом выступают жизнь и здоровье человека и гражданина. Объективная сторона заключается в выполнении работ или оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Согласно разъяснением Пленума Верховного суда РФ от 25.06.2019 № 18 [4] услуга признается таковой, если она не соответствует требованиям законов и иных нормативных правовых актов и создает реальную, а не абстрактную опасность причинения вреда. В сфере медицины к таким обстоятельствам относятся использование незарегистрированных препаратов, контрафактных имплантатов, грубое нарушение санитарных норм или выполнения манипуляций персоналом, заведомо не обладающим необходимой квалификацией. Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла. Это означает: лицо осознает, что оказывает услугу, не отвечающую требованиям безопасности, и желает либо сознательно допускает наступление последствий. Субъектом преступлений является вменяемое физическое лицо, достигшие шестнадцатилетнего возраста, им может быть руководитель организации, предприниматель либо непосредственно исполнитель.

Важнейшим рубежом в упорядочении судебной практики стало включение в УК РФ примечание к ст. 238, согласно которому действие данной статьи не распространяется на случай оказания медицинской помощи медицинскими работниками в соответствии с правилами её оказания, повлекшие по неосторожности причинение вреда здоровью или смерть пациента, если такие деяния подлежат квалификации по ст. 109, 118 или 235 УК РФ.

Это норма была призвана защитить медицинских работников от необоснованного приписывания тяжких «потребительских» статей за врачебные ошибки. Законодатель чётко разграничил неосторожные профессиональные дефекты медицинского персонала, то есть лекарственные осложнения, тактические ошибки при проведении операций и т. д. и умышленное преступления против безопасности потребителей, то есть использование промышленных гелей вместо медицинских препаратов, грубый фальсификат и прочее.

Тем не менее, на практике правоприменительные органы часто пытаются преодолеть ограничения примечания. Следствие также стремится квалифицировать любое отклонение от клинических рекомендаций или порядков оказания помощи по ст. 238 УК РФ, мотивируя этот тем, что оказанная услуга изначально была небезопасной для человека. Такой подход противоречит смыслу уголовного закона, поскольку медицинская ошибка по своей психологической природе всегда связана неосторожностью (легкомыслием или небрежностью), а не с умыслом на создание опасности для потребителя.

Разграничение рассматриваемых составов преступлений проводится по четкой системе критериев [6]. Во-первых, по субъекту преступления: статьи 109 и 118 УК РФ применяются к медицинским работникам либо лицам, обязанным выполнять профессиональные функции в силу специального статуса. Статья 235 УК РФ охватывает лиц, осуществляющих медицинскую или фармацевтическую деятельность без соответствующей лицензии или сертификата. Статья 238 УК РФ имеет общий характер и распространяется на любое лицо, оказывающее услуги потребителем. Во-вторых, по форме и виду вины: деяния по ст. 109 и 118 УК РФ совершается исключительно по неосторожности, то есть в форме легкомыслия или небрежности. Статья 238 УК РФ требует умышленной формы вины в отношении самого факта оказания небезопасной услуги. В-третьих, по характеру объективной стороны и последствий: статья 238 УК РФ является формально-материальным составом; для возникновения уголовной ответственности чаще всего достаточно самого факта создания угрозы жизни и здоровью. Статьи 109 и 118 УК РФ требует обязательного наступления материальных последствий (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо смерти человека) вследствие конкретного дефекта оказания помощи.

Косметологическая сфера выступает зоной повышенной криминогенной уязвимости ввиду широкого распространения теневого оказания услуг. Когда инвазивные процедуры, а именно инъекции филлеров, нитевой лифтинг выполняется лицом без медицинского образования, содеянное выходит за рамки простой врачебной ошибки.

В судебной практике действия таких псевдокосметологов, повлекшие тяжкие последствия в виде некрозов тканей, анафилактических шоков, токсических поражений квалифицируется по совокупности преступлений: по ст. 235 УК РФ (за незаконное занятие медицинской деятельностью без лицензии) и по ст. 238 УК РФ (за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью). Напротив, если дипломированный врач-косметолог допустил оплошность или непредвиденные осложнения в лицензированной клинике, квалификация по ст. 238 УК РФ недопустима, а сама ответственность наступает по ст. 118 УК РФ, но с учётом примечания к ст. 238 УК.

Анализируя правоприменительную практику, следует выявить типичную судебную ошибку — искусственное переквалифицирование неосторожных врачебных дефектов на ст. 238 УК РФ с целью преодоления коротких сроков давности привлечения к ответственности. Таким образом, по ст. 118 УК РФ (преступление небольшой тяжести) срок давности составляет всего 2 года, в то время как по тяжким частям ст. 238 УК РФ он достигает 10 лет. Такая подмена квалификации подвергается жесткой критики в юридической доктрине.

Ведущие учёные-криминалисты (в частности, Алексей Иванович Рарог и др.) неоднократно подчёркивали недопустимость объективного вменения в медицинской сфере [5]. Уголовный закон не должен карать врача за отрицательный результат лечения, обусловленный объективными биологическими особенностями организма пациента или неизбежным профессиональным риском [7, С.118]. Уголовная репрессия должна применяться точечно и корректно: ст. 238 УК РФ — против лиц, игнорирующих базовые стандарты безопасности и использующих контрафакт ст. 118 и 109 УК РФ — для оценки непреднамеренных профессиональных погрешностей добросовестных специалистов [8, С.196].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод: правильная квалификация причинения вреда здоровью при оказании медицинских и косметологических услуг требует строгого дифференцированного подхода. Ключевыми разграничительными маркерами выступают форма вины субъекта, наличие у него официального медицинского статуса и лицензии, а также характер допущенных нарушений [9 С.114]. Примечание к ст. 238 УК РФ служит важным правовым гарантом защиты медицинских работников от необоснованного вменение умышленных преступлений за неосторожные врачебные ошибки. В то же время деятельность нелегальных «специалистов» в сфере инвазивной косметологии должна получать бескомпромиссную уголовно — правовую оценку по совокупности статей о незаконной медицинской деятельности оказания небезопасных услуг.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
3. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 19. — Ст. 2716.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18: о судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российская газета. — № 142. — 2019.
5. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам // А. И. Рарог. — Москва: Проспект, 2021. — 304 с.
6. Пилипенко П. В. Проблемы разграничения смежных составов преступлений в сфере оказания медицинских и косметологических услуг / П. В. Пилипенко // Уголовное право. — 2023. — № 5. — С. 45–52.
7. Малышева, Ю. Ю. Об уголовной политике в отношении медицинских работников по ст. 238 УК РФ в контексте новейших изменений / Ю. Ю. Малышева // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 31 октября 2025 года. — Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2026. — С. 117–123.
8. Малышева, Ю. Ю. О применении нового варианта статьи 238 УК РФ в отношении медицинских работников в цифровом поле / Ю. Ю. Малышева // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 19 сентября 2025 года. Том 3. — Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2026. — С. 195–199. — EDN XGKJBY.
9. Малышева, Ю. Ю. Преступления против медицинских работников, или «Катаятрические преступления» — новый уголовно-правовой феномен / Ю. Ю. Малышева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2026. — № 3(120). — С. 113–121. — DOI 10.51965/2076–7919_2026_3_113. — EDN AQXXGM.

Конфликт интересов на государственной гражданской службе как объект административно-правового регулирования

Васильев Ильдар Исламгареевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Сергеев Артём Леонидович, кандидат юридических наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий

В статье конфликт интересов на государственной гражданской службе рассматривается как самостоятельный объект административно-правового регулирования. Автор соотносит личную заинтересованность гражданского служащего и конфликт интересов и показывает, что их смешение ведет к ошибкам при квалификации конкретных служебных ситуаций. Анализируется действующая модель предотвращения и урегулирования конфликта интересов, включающая обязанность служащего уведомлять о личной заинтересованности, полномочия представителя нанимателя, работу комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и применение мер юридической ответственности. Особое внимание обращено к позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 26 декабря 2025 г. № 51-П, в котором обосновано разграничение личной заинтересованности, конфликта интересов и нарушения обязанности по его урегулированию. Делается вывод о необходимости в каждом случае отдельно оценивать, как частный интерес влияет на исполнение конкретных должностных полномочий.

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, конфликт интересов, личная заинтересованность, противодействие коррупции, государственный гражданский служащий, служебное поведение, административно-правовое регулирование, утрата доверия.*

Conflict of interest in the state civil service as an object of administrative and legal regulation

The article treats conflict of interest in the state civil service as an independent field of administrative and legal regulation. It gives special attention to the link between a civil servant's personal interest and a conflict of interest, since equating these categories can lead to mistakes when specific official situations are assessed legally. It also analyzes the current system for preventing and resolving conflicts of interest, including the civil servant's duty to report personal interest, the powers of the employer's representative, the work of commissions on compliance with official conduct requirements, and the use of legal liability measures. Particular attention is given to the position of the Constitutional Court of the Russian Federation set out in Resolution No. 51-P of December 26, 2025. It is explained that personal interest, a conflict of interest, and failure to comply with the duty to resolve such a conflict are distinct concepts. The need to assess in each case how private interests affect the exercise of specific official powers is also emphasized.

Keywords: *state civil service, conflict of interest, personal interest, anti-corruption, civil servant, official conduct, administrative and legal regulation, loss of trust.*

Сам по себе конфликт интересов еще не имеет юридического значения из-за того, что у гражданского служащего есть родственные, имущественные или иные частные связи. Оно появляется тогда, когда эти связи пересекаются с конкретными должностными полномочиями. Правовая проблема возникает в тот момент, когда личная заинтересованность может повлиять на объективное и беспристрастное исполнение служебных обязанностей.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] понимает конфликт интересов как ситуацию, когда личная заинтересованность способна повлиять на исполнение должностных обязанностей. Это превентивная конструкция: для применения мер достаточно самой возможности такого воздействия со стороны частного интереса, хотя установить ее на практике бывает непросто. Для государственной гражданской службы эти правила уточняет Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ [2], который закрепляет обязанность уведомлять о конфликте интересов, предусматривает процедуры его урегулирования, отвод и самоотвод, а за нарушение установленных требований допускает меры ответственности вплоть до увольнения в связи с утратой доверия.

Для правильной квалификации важно развести личную заинтересованность и конфликт интересов. Согласно ч. 2 ст. 10 Федерального закона № 273-ФЗ, личная заинтересованность возникает, когда служащий или связанные с ним лица могут получить деньги, имущество, имущественные права, услуги, результаты работ, иные выгоды или преимущества [1]. Но одного этого признака недостаточно, конфликт интересов появляется только тогда, когда есть связь с конкретными должностными полномочиями. Работа родственника гражданского служащего в коммерческой организации сама по себе не говорит о конфликте, пока этот служащий не участвует в решениях, которые могут затронуть интересы этой организации, — при предоставлении субсидии, осуществлении контроля или исполнении государственного контракта. Значит, одного лишь формального установления родственной, имущественной или иной

частной связи мало, юридически значимой она становится только тогда, когда способна повлиять на объективное и беспристрастное исполнение служебных обязанностей.

В сфере государственных закупок такие случаи особенно показательны. Если служащий участвует в выборе поставщика, приемке результата или контроле исполнения контракта и при этом связан личной заинтересованностью с участником закупки, возникает риск, что частный интерес повлияет на служебное решение. Минтруд России рекомендует находить такие ситуации, сопоставляя личные связи служащего с его фактическими функциями в закупочной процедуре [3].

Конфликт интересов не сводится к личной имущественной выгоде, он может возникать, когда решают кадровые вопросы в отношении близких людей, проверяют связанные со служащим организации или дают преимущества заинтересованному лицу. Такое широкое законодательное определение позволяет охватить разные формы заинтересованности, но из-за этого их труднее точно квалифицировать. Это подтверждает и исследование Н. М. Тугучева: при опросе 264 государственных служащих, занимающихся профилактикой коррупции, оценки смоделированных конфликтных ситуаций заметно расходились [4]. Значит, общую норму нужно дополнять типовыми моделями, которые учитывают содержание конкретных должностных полномочий.

Регулирование нацелено на то, чтобы не допустить влияния личной заинтересованности на служебное решение. Статья 11 Федерального закона № 273-ФЗ требует принимать меры против конфликта интересов и сообщать о нем либо о возможности его возникновения [1], а та же обязанность для гражданского служащего закреплена в ст. 15 Федерального закона № 79-ФЗ [2]. Поэтому своевременное уведомление служит способом предупредить нарушение, а не подтверждает, что оно уже совершено. Добросовестное раскрытие личной заинтересованности и уклонение от уведомления нуждаются в разной правовой оценке.

После получения уведомления к урегулированию конфликта подключается и представитель нанимателя. В зависимости от обстоятельств применяют изменение служебного положения, отстранение от исполнения отдельных обязанностей, отказ от выгоды, отвод или самоотвод [1]. Конкретную меру выбирают по тому, насколько личный интерес связан со служебными полномочиями служащего.

Способ урегулирования должен соотноситься с тем, какой риск обнаружен. Если конфликт возник один раз, может хватить того, что служащего не допускают к рассмотрению конкретного вопроса. Если же личная заинтересованность устойчиво пересекается со служебной компетенцией, уже нужно перераспределять обязанности или менять служебное положение. Поэтому одинаковые внешние связи могут получать разную правовую оценку в зависимости от того, какими фактическими полномочиями обладает служащий.

Существенную роль в этой процедуре играют комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. При разборе ситуации они смотрят на должностные полномочия служащего, характер его связи с заинтересованным лицом, его участие в принятии решения, возможную выгоду, своевременность уведомления и уже принятые меры. При этом законодатель использует оценочные категории «иные близкие отношения», «выгоды (преимущества)», «может повлиять», и потому между личной заинтересованностью и конкретным служебным полномочием нужно мотивированно устанавливать связь.

Значимую для правоприменения позицию Конституционный Суд РФ сформулировал в постановлении от 26 декабря 2025 г. № 51-П [5]. Хотя дело было связано с лицами, замещающими муниципальные должности, выводы Конституционного Суда раскрывают общий подход к конфликту интересов. При его оценке нельзя ограничиваться лишь формальным совпадением внешних признаков, нужно установить личную заинтересованность, ее влияние или возможность влияния на осуществление публичных полномочий, а также оценить поведение лица в сложившейся ситуации [5]. Такой подход делает более строгими требования к фактическому обоснованию решений о наличии конфликта интересов и о применении мер ответственности.

В правоприменении нужно разграничивать риск возникновения конфликта, уже возникший конфликт интересов и нарушение обязанности по его предотвращению или урегулированию. В первом случае частный интерес еще не пересекся с конкретным полномочием, но такое пересечение уже возможно, например когда служащего собираются включить в комиссию, которая будет рассматривать вопрос в отношении организации близкого лица. Возникший конфликт уже показывает прямую связь личной заинтересованности с исполняемой функцией, но сам по себе еще не означает коррупционного правонарушения. Основание для юридической ответственности появляется тогда, когда не исполняют установленные обязанности, скрывают известные обстоятельства, продолжают участвовать в принятии решения или не принимают мер по урегулированию конфликта. Напротив, своевременное уведомление и воздержание от соответствующих действий означают исполнение предусмотренной законом превентивной обязанности.

Такое разграничение нужно и при увольнении в связи с утратой доверия. Эта мера влечет гораздо более тяжелые последствия, чем организационное изменение обязанностей или отвод от рассмотрения отдельного вопроса. Поэтому основанием ответственности должно быть установленное неисполнение антикоррупционной обязанности, а не сам по себе факт частных связей у гражданского служащего.

Федеральный закон № 79-ФЗ допускает увольнение в связи с утратой доверия лишь в случаях, прямо предусмотренных антикоррупционным законодательством [2]. Но при применении этой меры нужно учитывать поведение служащего: добросовестное уведомление и меры по предотвращению конфликта интересов нельзя ставить в один ряд с сознательным сокрытием личной заинтересованности.

Трудность сохраняется и при толковании категории «иные близкие отношения». Личная заинтересованность возникает не только из родства, но и из деловых, финансовых либо устойчивых личных связей. Однако сам по себе такой факт еще не означает конфликта, нужно показать, что из него могла последовать выгода или преимущество и что частный интерес был связан с конкретным должностным полномочием.

Проблема здесь состоит не в том, чтобы расширять законодательное определение, а в том, чтобы точно юридически квалифицировать ситуацию. При такой оценке смотрят на содержание личного интереса, связь служащего с заинтересованным лицом, характер его полномочий, возможность повлиять на итог решения и те действия, которые были предприняты после выявления конфликта. Особенно важно соблюдать именно эту последовательность при косвенной заинтересованности, потому что промежуточные связи делают границу между реальным конфликтом и обычными социальными отношениями менее определенной.

А. С. Телегин обращает внимание на сложность юридической конструкции конфликта интересов и на необходимость совершенствовать порядок его предупреждения и урегулирования [6]. Однако сегодня главная проблема правоприменения состоит прежде всего в переходе от установленных фактических обстоятельств к обоснованной юридической квалификации.

Профилактика конфликта интересов должна исходить из того, какие именно должностные полномочия есть у человека. Одного повторения ст. 10 и 11 Федерального закона № 273-ФЗ мало, потому что в контрольной, кадровой и закупочной деятельности коррупционные риски разные. Н. М. Тугучев тоже указывает на необходимость подбирать модели поведения с учетом специфики государственного органа [4, с. 25–26]. Поэтому профилактическую работу разумно строить на типовых ситуациях и картах коррупционных рисков, чтобы еще до принятия юридически значимого решения увидеть возможное пересечение личной заинтересованности со служебными полномочиями.

Цифровизация госуправления делает раннее выявление конфликта интересов более доступным. Автоматическое сопоставление данных о юридических лицах, государственных контрактах, имущественных правах и кадровых связях помогает находить потенциальные риск-индикаторы. Но одно совпадение еще не означает конфликта интересов: информационная система способна связать факты, однако не всегда видит реальный объем полномочий служащего, его возможность повлиять на решение и уже принятые меры по урегулированию ситуации. Поэтому цифровые инструменты оправданны как предварительный фильтр риска, но не как замена юридической оценки конкретных обстоятельств.

Чтобы дальше улучшать административно-правовое регулирование конфликта интересов, нужно сместить внимание с того, сколько связей выявлено, на то, насколько качественно их оценивают. Сам по себе рост числа уведомлений еще не говорит о том, что государственная служба стала работать хуже. Напротив, он может означать, что служащие лучше замечают потенциально конфликтные ситуации и заранее пользуются предусмотренной законом процедурой, не дожидаясь негативных последствий.

На ведомственном уровне лучше закрепить единый порядок мотивированной оценки уведомлений. В заключении по итогам рассмотрения нужно отдельно отмечать личную заинтересованность, соответствующее должностное полномочие, связь между ними, риск для объективности решения, поведение служащего и достаточность выбранной меры урегулирования. Такой порядок не меняет законодательное определение конфликта интересов, зато его применение становится проверяемым.

Принцип индивидуализации ответственности нужно проводить последовательно. Иначе должны оцениваться своевременное уведомление, самостоятельный отказ от участия в решении, полнота сообщенных сведений и содействие урегулированию, а иначе — сокрытие заинтересованности и использование полномочий в частных целях. При одном и том же формальном признаке, то есть при наличии личной заинтересованности, правовое содержание поведения может быть совершенно разным.

Анализ показывает, что конфликт интересов на государственной гражданской службе — это не отдельный антикоррупционный запрет, а превентивный административно-правовой режим. Его предметом выступает ситуация риска для беспристрастного осуществления публичного полномочия. Личная заинтересованность здесь лишь исходное обстоятельство, а юридическое значение она получает только в связи с конкретными должностными функциями служащего.

Основная трудность правоприменения здесь не в том, что конфликт интересов не определен, а в том, как оценить фактические связи между людьми. Само по себе установление родства, знакомства, имущественной зависимости или прежней профессиональной связи еще не показывает, каким образом такая заинтересованность может повлиять на служебное решение. И другая крайность — ждать уже совершившегося неправомерного результата — тоже неверна, потому что институт носит превентивный характер.

Рабочая модель регулирования должна удерживать середину между этими крайностями. Риск в ней выявляют заранее, служащий может сообщить о нем без презумпции виновности, представитель нанимателя выбирает соразмерный способ урегулирования, а ответственность наступает только при доказанном неисполнении установленной обязанности. В такой конструкции конфликт интересов сохраняет свое исходное назначение — не наказывать за сам факт частной жизни и социальных связей, а не допускать их неправомерного влияния на осуществление публичной власти.

Литература:

1. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ : ред. от 25 апреля 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 52, ч. 1. — Ст. 6228.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ : ред. от 8 марта 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 31. — Ст. 3215.
3. Методические рекомендации по проведению в федеральных государственных органах, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, государственных внебюджетных фондах и иных организациях, осуществляющих закупки в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», работы, направленной на выявление личной заинтересованности государственных и муниципальных служащих, работников при осуществлении таких закупок, которая приводит или может привести к конфликту интересов // Минтруд России : официальный сайт. — URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/19
4. Тугучев, Н. М. Конфликт интересов государственных служащих через призму социальных ролей / Н. М. Тугучев // Государственная служба. — 2022. — № 2 (136). — С. 19–26. — DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-2-19-26
5. По делу о проверке конституционности статьи 10, частей 1, 2, 4–6 статьи 11, части 4.1 статьи 12.1 и пункта 1 части 1 статьи 13.1 Федерального закона «О противодействии коррупции», части 10 статьи 29 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», а также части 1 статьи 34, статьи 35 и части 7.1 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2025 г. № 51-П // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522793/
6. Телегин, А. С. Конфликт интересов в системе государственной службы Российской Федерации: юридическая природа / А. С. Телегин // Ex jure. — 2021. — № 3. — С. 84–94. — DOI: 10.17072/2619-0648-2021-3-84-94

Сравнительно-правовой анализ института судебного представительства: национальный и зарубежный опыт

Вахромова Елизавета Николаевна, студент магистратуры
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Статья посвящена сравнительному анализу института представительства в российском и зарубежном законодательстве. Рассмотрены правовые основания приобретения статуса представителя, а также ограничения (исключения), проведены параллели между условиями функционирования данного института в различных государствах.

Ключевые слова: *институт представительства, представитель по гражданским делам, адвокат, судебный представитель в зарубежных странах.*

A comparative legal analysis of the institution of judicial representation: national and foreign experience

The article is devoted to a comparative analysis of the institution of representation in Russian and foreign legislation. The legal grounds for acquiring the status of a representative, as well as restrictions (exceptions), are examined, and parallels are drawn between the conditions for the functioning of this institution in various countries.

Keywords: *institution of representation, representative in civil cases, lawyer, judicial representative in foreign countries.*

Изучая систему законодательства различных стран мира, можно выделить как схожие черты и нормы, так и существенно различающиеся положения. Нормы института гражданского представительства не являются исключением. В действующем российском законодательстве и законодательстве зарубежных стран присутствуют

нормы, которые прямо предусматривают возможность или необходимость судебного представительства, однако эти нормы обладают рядом отличительных признаков.

Так, в одной из работ Кожевникова Е. О. проводится сравнительно-правовой анализ представительства в ряде развитых европейских государств и отмечается, что имеющиеся на сегодняшний день отличия выражаются как в видах такового представительства, так и в требованиях, которые предъявляются к самим представителям [3 с. 154].

Вместе с тем следует, что в ряде случаев нормы законодательства различных государств могут иметь много схожего. К примеру, институт судебного представительства Франции обладает весьма широким спектром сходства с понятиями, закрепленными в Гражданском кодексе (далее — ГК) и Гражданском процессуальном кодексе (далее — ГПК) иных европейских стран.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу, необходимо разграничить уровни правового регулирования. В России общие положения о представительстве закреплены в главе 10 ГК РФ, а судебное представительство — в главе 5 ГПК РФ. Глава 10 ГК РФ объединяет регулирование разных ситуаций: добровольного представительства (на основании доверенности, договора поручения) и законного (когда представитель действует в силу прямого указания закона, например, родители за несовершеннолетнего).

В системе континентального права (Германия, Франция) чаще проводят более чёткое деление по источнику полномочия: выделяют добровольное (консенсуальное — возникает из волевого акта, сделки) и законное (полномочие прямо вытекает из нормы закона или судебного решения; отдельное волеизъявление представляемого не требуется).

В странах общего права (Англия, США) прослеживается иной подход: вся совокупность посреднических отношений часто обобщается в едином понятии «agency» — так называемые агентские отношения. При этом акцент делается на воле представляемого: представительство возникает, когда доверитель даёт агенту поручение действовать от его имени.

В Гражданском кодексе Франции отсутствуют общие нормы, касающиеся представительства, однако определение данного института раскрывается в Титуле XIII. Данный нормативно-правовой акт посвящен правовому регулированию отношений, вытекающих из договора поручения [5, с. 39].

В соответствии со ст. 1984 ГК Франции поручение представляет собой сделку, в рамках которой одно лицо передает другому собственные полномочия в вопросе совершения конкретных действий в отношении доверителя, действуя от его имени. Необходимо понимать, что институт представительства Франции сформирован на писаного права, при этом значительную роль играет судебная практика; его можно определить, как правоотношения двух лиц, где представитель осуществляет деятельность в области защиты интересов принципала.

Существенным отличием института представительства во Франции является то, что понятие представительства раскрывается через договор поручения, который в определённой степени схож с представительством, однако не является абсолютно тождественным.

Далее разберем становление и развитие института представительства в Германии. Полномочиями по представлению интересов в судебном процессе, согласно законодательству Германии, наделен адвокат, который выступает в качестве независимого советника и представителя интересов своего клиента. Отметим, что адвокат обладает полномочиями представлять клиента во всех делах, а не только в гражданско-правовых спорах. Подтверждением тому выступает параграф 78 ГПК Германии, согласно которому выступления сторон на рассмотрении дел высших инстанций допускается исключительно через адвокатов.

Согласно законодательству Германии, адвокат должен обладать рядом качеств, среди которых:

– высшее юридическое образование;

– сдача соответствующего экзамена на базе университета;

– наличие должного уровня квалификации.

Если сторона разбирательства не может самостоятельно найти адвоката в случае обязательного представительства, суд может назначить адвоката; назначение оформляется председательствующим судьёй.

С точки зрения отличий от отечественного института представительства немецкие правоведы отнеслись к квалификации представителя более строго В России достаточно обладать юридическим образованием в то время как наличие статуса адвоката для представителя обязательным условием не является. [3, ч. 217].

Так же как в России и Германии, представители в Англии должны обладать профессиональными навыками, без которых невозможно выступать судебным представителем. Вместе с тем, представительство в Англии разделено на две категории барристеров и солиситоров.

Барристеры (от английского barrister — адвокат в судах общей юрисдикции) — адвокаты, которые обладают значительным опытом выступления в судах и имеют исключительные права представительства.

Солиситоры (от английского solicitor — поверенный, юрист) — представители, сущность работы которых заключается в подготовке судебных документов для адвокатов-барристеров, а также осуществлении взаимодействия с клиентами. Такая работа не запрещает трудовую деятельность в организациях, а права представительства для солиситоров ограничиваются низшими судебными инстанциями. Однако после ряда экзаменов им предоставляется право выступать также в судах более высоких инстанций [4, с. 25].

Стоит понимать, что такое разделение представителей, как на барристеров и солиситоров или приблизительно в такой же форме больше не встречается ни в одном государстве Европы. Более того, мировая практика не знает подобных примеров. Вероятно, это связано с тем, что право Англии в значительной степени зависит от судебных прецедентов, что послужило основанием для введения двух видов представителей. Тем не менее после ряда судебных реформ в правовой системе Великобритании различия между бар-

ристерами и солиситорами начинают сокращаться, а полномочия уравниваться. Помимо этого, на сегодняшний день в Англии вовсе отменена необходимость обязательного участия судебного представителя в разбирательствах, где цена иска крайне мала, а также расширен спектр лиц, которые могут являться представителями в гражданском судопроизводстве, определенные категории дел вовсе рассматриваются в упрощенном и ускоренном порядке.

Если говорить о российском законодательстве, необходимо понимать, что допуск представителей к участию в разбирательстве осуществляется совершенно иным и самобытным образом. Подчеркнем, что представитель в гражданском судопроизводстве, по общему правилу, должен обладать высшим юридическим образованием, однако иметь статус адвоката по данной категории дел не обязательно.

Необходимо отметить, что в зависимости от судебной инстанции наличие высшего юридического образования не является обязательным. Так, в ст. 49 части 2 ГПК РФ указано, что представителям в гражданском процессе необходимо иметь высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности, за исключением представительства в районных судах и у мировых судей. В данном случае представителям в судах первой инстанции не обязательно должны обладать юридическим образованием, однако ему необходимо иметь доверенность, которая подтверждает полномочия представителя.

Проводя аналогию с Англией, отметим, что наличие адвокатского статуса не требуется, если лицо представляет себя самостоятельно и отказалось от адвоката. Однако, в таком случае лицо должно обладать достаточной квалификацией и профессионализмом в связи со сложностью законодательства и высоким уровнем пассивности суда в процессе.

Кроме того, стоит отметить, что в ноябре 2022 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о том, что все представители в РФ должны обладать статусом адвоката [8]. По нашему мнению, данная мысль имеет как положительный, так и отрицательный аспект. Положительной динамикой является тот факт, что такое решение снизит уровень проблем в сфере представительства, кроме того, это позволит дополнительно проработать пробелы и противоречия в действующем законодательстве в данном направлении. Однако, необходимо также понимать, что статус адвоката накладывает на представителя дополнительные требования, как профессиональные, так и материальные. Часть представителей, которые ведут не сложные дела в судах первой инстанции фактически не нуждаются в этом, напротив, это возложит на них лишь дополнительную финансовую нагрузку, которая, в свою очередь отразится на гражданах, обращающихся за защитой.

Тем не менее данная идея заслуживает внимания. Однако перед ее реализацией должна быть проведена большая работа по внесению изменения в законодательство и учтены все возможные последствия. Опыт Германии показывает, что введение обязательного адвокатского статуса вполне реализуемо и способствует повышению уровня профессиональной подготовки правозащитников.

Стоит отметить, что целесообразно произвести сравнительно-правовой анализ института представительства со странами СНГ. Так, в Республике Беларусь существует положение о том, что каждый гражданин в суде имеет право иметь добровольно избранного представителя. Данная норма указана в ст. 62 Конституции Республики Беларусь. В данном случае стоит обратить внимание, что Конституция данного государства прямо указывает на то, что лица, нуждающиеся в юридической помощи, могут воспользоваться услугами представителя.

Сравнивая нормы, регулирующие деятельность представителя, с российским законодательством, необходимо обратить внимание на ст. 72 Гражданского процессуального Кодекса Республики Беларусь. Данная норма содержит положение о том, что представителями могут быть дееспособные граждане, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия, однако в статье отсутствует положение о наличии высшего юридического образования. В то же время в данной статье присутствует перечень лиц, которые могут быть представителями в суде. К ним относятся:

1) адвокаты;
2) работники юридических лиц — по делам этих лиц;
3) уполномоченные общественных объединений, которым законодательными актами предоставлено право представлять и защищать в суде права, свободы и законные интересы членов этих общественных объединений;
4) уполномоченные государственных органов и юридических лиц, которым законодательными актами предоставлено право обращаться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц, а также государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц);
5) законные представители;
6) близкие родственники, супруг (супруга);
7) представители, назначенные судом;
8) один из процессуальных соучастников — по поручению этих соучастников;
9) патентные поверенные;
10) иные лица в случаях, предусмотренных законодательными актами.

В данном перечне указан адвокат как лицо, которое может выступать в качестве судебного представителя от имени и в интересах своего доверителя. Стоит отметить, что адвокаты имеют высшее юридическое образование и обладают адвокатским статусом. Данная норма, полагаем, имеет диспозитивный характер, поскольку не обязывает представителя иметь высшее юридическое образование, однако при участии адвоката в судебном процессе предполагается, что соответствующий уровень образования у него имеется.

Однако несмотря на данное отличие от системы российского законодательства, необходимо отметить, что нормы ГПК Республики Беларусь достаточно схожи с нормами российского законодательства. Точно также, как и в Беларуси, в ст. 46 Конституции РФ указано, что

каждый гражданин имеет право на судебную защиту. Однако в российском процессуальном законодательстве отсутствует перечень лиц, которые могут быть судебными представителями: указаны только условия, которые необходимо соблюсти, для судебного представительства и лица, которые не могут быть представителями.

На основании проведённого сравнительно-правового анализа можно сделать вывод, что изначально природа института представительства в отечественной и зарубежной практике отличается. В российской доктрине и практике подчёркивается, что полномочие — это производное от правоспособности представляемого: представитель не может получить больше прав, чем есть у него самого. В рассмотренных зарубежных системах сильнее акцентируется внимание на том, что полномочие должно быть чётко выражено (прямо зафиксировано в доверенности, судебном акте).

В заключение отметим, что в рамках проведённого сравнения институтов судебного представительства в РФ, странах Европы и странах СНГ можно сделать вывод: данные направления крайне многогранны, напрямую зависят от исторического развития каждого государства и имеют как общие черты, так и кардинальные отличия.

При изучении института представительства необходим комплексный подход к его сравнительно-правовому анализу. Именно поэтому необходимо рассмотрение стадий его формирования и развития в различных государствах, поскольку с помощью опыта зарубежных стран представляется возможным выявить новые подходы к его совершенствованию и развитию.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, 23 февраля 2026 г. № 8 ст. 989.
3. Кожевникова, Е. О. Сравнительная характеристика гражданского процессуального представительства в странах постсоветского пространства / Е. О. Кожевникова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2017. — № 4. — С. 154–164
4. Магомедов, Г. Г. Сравнительный анализ представительства в гражданском и арбитражном судопроизводстве / Г. Г. Магомедов, А. М. Нурбалаева // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 8(195). — С. 217–219
5. Шадрин, Е. И. Сравнительно-правовой анализ института представительства в Англии и Российской Федерации / Е. И. Шадрин // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 апреля 2022 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. — С. 24–26
6. Яковлева, Д. А. Сравнительная характеристика гражданского процессуального представительства в РФ и в некоторых странах Европы / Д. А. Яковлева // Актуальные вопросы современной науки и ОБРАЗОВАНИЯ: сборник статей XXXI Международной научно-практической конференции. В 2 ч., Пенза, 15 августа 2023 года. Том Часть 2. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. — С. 39–42/
7. Определение Конституционного Суда № 1663-О/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23072020-n-1663-o/?ysclid=muebfwh02e868665157 (дата обращения 21.09.2026 гг.).
8. Проект федерального закона № 235526-8 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (об унификации норм гражданского процессуального законодательства): внесен Верховным Судом Рос. Федерации 15 ноября. 2022 г. // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество».

Виды представительства в российском гражданском процессе: сравнительно-правовой анализ

Вахромова Елизавета Николаевна, студент магистратуры
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В настоящей статье анализируются виды судебного представительства в гражданском процессе. Формулируется определение судебного представительства, изучаются причины возникновения института представительства в России, а также систематизируются их виды. Отдельное внимание уделено изучению требований к лицу, которое намерено выступать представителем. Раскрыт объем полномочий добровольного и обязательного представителя.

Ключевые слова: *законный представитель, добровольный представитель, представитель в гражданском судопроизводстве, судебное представительство.*

Types of representation in Russian Civil Procedure: a comparative legal analysis

This article examines the types of judicial representation in civil proceedings. It formulates a definition of judicial representation, explores the origins of the institution of representation in Russia, and categorizes its various types. Particular attention is paid to the requirements for a person intending to act as a representative, and the scope of authority of both voluntary and mandatory representatives is outlined.

Keywords: *legal representative, voluntary representative, representative in civil proceedings, judicial representation.*

Действующая на сегодняшний день правовая система России включает в себя значительное количество отраслей права и правовых институтов, которые в свою очередь должны модернизироваться, опираясь на современные реалии, и совершенствоваться вслед за динамично развивающимися социально-экономическими, цифровыми и правовыми сферами жизни общества. Судебное представительство не является исключением.

Под судебным представительством в гражданских правоотношениях необходимо понимать правоотношения, в которых одно лицо в пределах предоставленных ему компетенций осуществляет необходимые процессуальные действия в интересах иного лица — доверителя, что, в свою очередь, порождает процессуальные права и обязанности. Таким образом, судебное представительство представляет собой процессуальную деятельность одного лица, которая используется в пользу другого.

Современное законодательство выделяет несколько объективных причин возникновения представительства, основными из которых являются [4, с. 273]:

– невозможность самостоятельного участия заинтересованного лица в процессе;

– необходимость оказания профессиональной юридической помощи.

Согласно действующему законодательству, представителем может быть дееспособное лицо, которое обладает корректным образом оформленными полномочиями на ведение дела в суде. Представителями не могут быть граждане, категории которых прямо перечислены в Гражданском процессуальном кодексе (далее — ГПК РФ) [1], а именно: судьи, прокуроры, следователи при условии, если они не представляют интересы соответствующих органов или не являются законными представителями.

Указанные выше причины возникновения представительства порождают и определенные их виды, а именно:

– законное представительство недееспособных или частично дееспособных, а также граждан, которые были официально признаны без вести пропавшими. Однако, даже из этого правила есть исключения. В качестве примера стоит привести Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2022 № 53-КГ21–14-К8 (УИД 24RS0041–01–2020–001654–91). В данном случае гражданин, будучи признанным недееспособным самостоятельно просил суд в восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы ссылаясь на то, что у него нет средств к существованию и оплаты услуг представителя, а также законных опекунов. Верховный Суд восстановил пропущенный срок недееспособному гражданину, указав на необходимость обеспечения доступа к правосудию даже при отсутствии законных представителей [7];

– представительство адвоката по назначению суда. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 содержится порядок разъяснения прав на ведение дела через представителя, требования к оформлению полномочий и назначение представителя при отсутствии ответчика (представительство по назначению суда) [8];

– добровольное представительство, которое также называется договорным. Осуществляется как от имени граждан, так и от имени организаций;

– представительство от имени организации и ее органов, которое может представляться как единоличным, так и коллегиальным. Допускается представительство ликвидируемой организации в лице ликвидационной комиссии. Также представительством могут заниматься обособленные подразделения, к примеру филиалы, а также субъекты РФ, муниципальные образования. [5, с. 241].

Необходимо понимать, что юридического интереса представитель в рассмотрении дела не может иметь, он лишь наделен процессуальными правами в осуществлении действий от имени лица, которого представляет.

К числу условий, предъявляемых к лицу, желающему быть представителем, относится:

– полная дееспособность;

– надлежаще оформленные полномочия на ведение дела;

– отсутствие в законе обстоятельств, которые препятствуют осуществлению представительской деятельности [3, с. 62].

Согласно п. 121 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, полномочия представителя могут быть основаны на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного органа [9].

Для добровольных представителей граждан в качестве документа, удостоверяющего права представителя необходима доверенность. Для добровольных представителей организаций необходима доверенность от лица организации, подписанная руководителем и удостоверенная печатью.

Для адвокатов требуется адвокатский ордер, который выдается адвокатским образованием, а также доверенность в случаях, прямо указанных в законодательстве. Для законных представителей основанием является свидетельство о рождении либо усыновлении, либо же удостоверение опекуна.

Примечательно, что в других видах судопроизводства деятельность адвоката регулируется иным образом. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 N 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» в пункте 20 содержится положение о том, что полномочия адвоката в арбитражном процессе подтверждаются доверенностью. Кроме того, стоит отметить, что в данном пункте отсутствует указание на возможность предъявления адвокатского ордера при подтверждении своих полномочий.

Гражданское и арбитражное судопроизводство существенно отличаются в отношении документов, подтверждающих полномочия адвоката. Арбитражный процесс характеризуется императивностью: закон указывает только на наличие доверенности в качестве документа, подтверждающего полномочия представителя. Пункт 20 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 разъясняет, что в арбитражном процессе полномочия адвоката подтверждаются доверенностью, а возможность предъявления адвокатского ордера не предусмотрена [10]. Гражданское судопроизводство отличается определенной лояльностью и предоставляет право выбора адвокату.

Существует прощенный порядок оформления представительства. Оно осуществляется непосредственно в суде на основании устного заявления, что вносится в протокол судебного заседания [6, с. 138].

В суды вышестоящих инстанций необязательно предоставлять оригинал документа о высшем юридическом образовании представителя. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) разъяснен порядок заверения копий документов об образовании представителя и допустимость их представления в суды вышестоящих инстанций. К надлежащим способам заверения относятся:

1. заверение копии документа нотариусом;
2. заверение копии документа учреждением и организацией, от которых исходит соответствующий документ;
3. заверение копии документа организацией, в которой представитель работает
4. заверение копии документа судьей, в чьем производстве находится дело.

В случае представления надлежащим образом заверенной копии документа об образовании представления оригинала документа не требуется.

Также стоит рассмотреть объем полномочий добровольного и законного представителя. Добровольный представитель потенциально обладает двумя категориями:

– общие полномочия, которые заключаются в праве совершения основных процессуальных действий от лица представляемого, как лицо, которое напрямую участвует в судебном разбирательстве за исключением обжалования постановлений суда;

– специальные полномочия: включают в себя более расширенный круг действий, которые представитель вправе осуществлять от лица представляемого. К данным действиям относятся: подпись в исковом заявлении, подача искового заявления в суде, передача рассмотрения дела в третейские суды, представление встречного иска равно, как и отказ от ранее предъявленных исковых требований, заключение мирового соглашения, обжалование судебных постановлений. Наличие у добровольного представителя специальных полномочий требует дополнительного оформления, которое заключается в отметке в договоре или доверенности либо же устном волеизъявлении о предоставлении таких полномочий представляемым лицом непосредственно в судебном заседании.

Законные представители обладают всей полнотой прав, которыми обладает их представляемый и вправе совершать абсолютно все процессуальные действия с исключениями, которые прямо указаны в законе.

Необходимо понимать, что роль судебного представителя в гражданском судопроизводстве трудно переоценить, поскольку позволяет лицам, не имеющим возможности представлять собственные интересы самостоятельно, воспользоваться правом на судебную защиту. Именно поэтому институт представительства динамично развивается в условиях современной действительности.

Проведенный сравнительно-правовой анализ видов судебного представительства в гражданском процессе позволяет констатировать, что действующая модель правового регулирования характеризуется дифференциацией требований к оформлению полномочий в зависимости от вида представительства и категории судопроизводства. Наиболее дискуссионным остается вопрос о допустимости адвокатского ордера в качестве единственного документа, подтверждающего полномочия представителя в гражданском процессе, тогда как арбитражное процессуальное законодательство требует обязательного наличия доверенности. Представляется, что унификация данных подходов и закрепление в ГПК РФ единых стандартов подтверждения полномочий представителя будут способствовать повышению процессуальной определенности и снижению рисков судебных ошибок, связанных с ненадлежащим оформлением представительских полномочий.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // СЗ РФ от 18 ноября 2002 г. № 46 ст. 4532.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) (ред. от 04.08.2026 г.) // СЗ РФ от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301.
3. Ковалева, П. Е. Законное представительство в гражданском процессе: понятие и виды / П. Е. Ковалева // Сфера науки. — 2025. — № 2. — С. 61–64.
4. Матисакова, З. У. Юридическая сущность видов представительства в суде / З. У. Матисакова // Бюллетень науки и практики. — 2025. — Т. 11, № 1. — С. 272–275.
5. Меркулова, К. В. Законное представительство в гражданском процессе: понятие и виды законных представителей / К. В. Меркулова // Молодой ученый. — 2023. — № 44(491). — С. 241–243.
6. Сухатерина, Е. Д. Институт представительства в гражданском праве: современное состояние и развитие / Е. Д. Сухатерина // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 112–4. — С. 137–139.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2022 N 53-КГ21–14-К8 (УИД 24RS0041–01–2020–001654–91). Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации (дата обращения 20.09.2026 г.).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 N 15 О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // «Российская газета», N 117, 02.06.2026
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», N 140, 30.06.2015
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 N 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // «Российская газета», N 7, 14.01.2022

Ретроспективный анализ уголовно правовых норм о причинении вреда здоровью

Вишталюк Валерия Игоревна, студент магистратуры
Научный руководитель: Уварова Анастасия Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье проводится историко-правовое исследование становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью. Автором выделены основные этапы эволюции правовых норм: от Русской Правды до современного УК РФ 1996 года. Особое внимание уделено изменению подходов к дифференциации тяжести вреда, появлению категорий «опасный для жизни» и «расстройство здоровья». В работе выявлены тенденции гуманизации наказания и усложнения конструкций составов преступлений. Сформулированы выводы о цивилизационном влиянии на правотворчество и предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: *вред здоровью, уголовное право, история права, Русская Правда, Уложение 1903 года, УК РСФСР, объективная сторона, степень тяжести.*

Институт уголовной ответственности за причинение вреда здоровью является одним из древнейших и наиболее стабильных в правовой системе. Однако его содержание и границы претерпевали значительные изменения в зависимости от уровня развития медицины, социальной этики и государственного устройства. Современный этап развития уголовного права требует осмысления исторического опыта для выработки эффективных механизмов правовой защиты здоровья человека.

Первые упоминания об ответственности за нанесение ущерба здоровью на Руси встречаются в тексте Русской Правды. Данный правовой памятник не содержал разработанной градации повреждений по степени их серьёзности и не формулировал чётких оценочных оснований в современном понимании. Фокус внимания в документе смещался в сторону контекста и способа причинения вреда, а не анализа его отдалённых последствий для организма. Тем не менее, в более поздних редакциях Русской Правды уже просматривается связь между тяжестью последствий и размером материального взыскания (виры). Так, за насильственные действия в отношении чужеземца полагался штраф величиной в три гривны (ст. 31) [6, с. 128]. Таким образом, можно утверждать, что уже

в этот исторический период действовал функциональный принцип оценки тяжести вреда.

Судебники 1497 и 1550 годов, будучи первыми систематизированными сводами законов единого государства, впервые закрепили нормы о преступлениях против личности, куда вошли и телесные повреждения. Несмотря на это, данные кодексы не предложили разграничения вреда по степени тяжести, продолжая опираться на казуистический метод. Отдельные статьи описывали конкретные противоправные ситуации (словесное оскорбление, избиение, нанесение ран) и предписывали за них определённые кары. Жёсткость санкции варьировалась в зависимости от социального положения пострадавшего и деталей инцидента [8, с. 179]. Закреплённые положения были порождением средневековой правовой мысли, исповедовавшей идею талиона с поправкой на сословный статус, но без привлечения медицинских знаний для оценки ущерба. Следовательно, в основе лежала всё та же утилитарная логика, где наказание было реакцией на социальный урон и инструментом возмещения.

Знаковым шагом в развитии системы оценки стало Соборное Уложение 1649 года, которое законодательно утвердило функциональный подход к анализу телесных повреждений. Оно ввело юридическое различие между двумя ключевыми видами: ранами и увечьем, под которым понималось наиболее тяжкое повреждение, влекущее за собой утрату частью тела своей естественной функции [9, с. 232]. Особый состав преступления образовывало умышленное тяжкое увечье — действия, направленные на причинение серьёзного урона здоровью, выражавшегося в существенном подрыве функциональности организма (лишение конечности, органа чувств, нанесение обезображивающих повреждений). По сути, наибольшую общественную опасность усматривали в том вреде, который делал человека неполноценным (калекой), резко снижая его физические возможности и лишая способности нести службу.

Ключевой вехой в развитии отечественного уголовного права стало Соборное Уложение 1649 года, которое закрепило функциональный принцип в оценке телесных повреждений. Данный акт не только провёл правовую дифференциацию таких повреждений по видам и степени тяжести, но и расширил круг учитываемых обстоятельств. Помимо характера последствий, значение придавалось орудию и способу совершения деяния, а также личности потерпевшего, для отдельных категорий которых (например, родителей или представителей власти) устанавливалась усиленная правовая охрана [4, с. 409]. При этом основополагающим квалифицирующим признаком продолжало выступать увечье, под которым понималось стойкое нарушение анатомической целостности или необратимое снижение функциональных возможностей организма.

В период правления Петра I уголовно-правовая система сохранила преемственность в оценке вреда здоровью, взяв за основу тот же функциональный подход. Наиболее тяжким преступлением против личности признавалось именно увечье, то есть повреждение, приводящее к невосстановимой утрате функций органа или конечности, в отличие от ран или побоев, не влекущих долгосрочных последствий. Знаковым нововведением стала криминализация членовредительства — умышленного причинения себе увечий для уклонения от военной службы. Усиленная строгость санкций и подобная детализация ответственности были напрямую обусловлены государственной потребностью в сохранении боеспособности армии, где физическое здоровье военнослужащих являлось ключевым ресурсом.

Принципиально новым этапом стало принятие «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года — первого в российской истории систематизированного уголовного кодекса. В нём была впервые законодательно закреплена трёхуровневая классификация телесных повреждений: увечья (подразделявшиеся на тяжкие и менее тяжкие), раны, иные расстройства здоровья. Историческое значение данного документа заключается в формировании комбинированной (синтетической) модели оценки вреда, которая интегрировала как формально-юридические дефиниции, так и положения медицинского характера, содержащиеся в Врачебном уставе. Законодатель, хотя и использовал анатомо-функциональные критерии (утрата органа, потеря его функции), интерпретировал их в русле утилитарной доктрины: максимальная тяжесть приписывалась тем повреждениям, которые наносили наибольший урон социальной полезности и дееспособности индивида.

Уголовное уложение 1903 года, сохранив трёхзвенную структуру квалификации (тяжкие, менее тяжкие и лёгкие телесные повреждения), по сути, развивало уже устоявшиеся функционально-анатомические критерии. В тексте закона присутствовал детализированный перечень признаков тяжкого вреда: опасность для жизни, потеря зрения, слуха, языка, конечности и т. д. Несмотря на значительные достижения судебной медицины начала XX века, экономическая составляющая (оценка утраты трудоспособности) так и не была полноценно концептуализирована в законе. Это подтверждает тезис о том, что в дореволюционный период в основе определения тяжести вреда лежали прежде всего медико-биологические последствия для организма, а не стоимостная оценка ущерба как работнику.

До принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. насилием признавалось только причинение вреда здоровью человека, то есть деяние, повлекшее какое-либо заболевание либо телесные повреждения. В указанном нормативном акте впервые в советском уголовном законодательстве термин «насилие» стал охватывать причинение физической боли, не повлекшее расстройства здоровья человека: удары, побои или иное насилие, например дранье за уши, таскание за косу, а равно лишение свободы. Так, во втором разделе пятой главы «Телесные повреждения и насилия над личностью» насилием признавались умышленное на-

несение удара, побоев или иное насильственное действие, причинившее физическую боль, и незаконное лишение человека свободы. [11, с.95]

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года продолжил традицию трёхстепенной дифференциации ответственности, основанной на функциональном критерии (утрата органа, его функции, обезображивание). При этом сам кодекс не конкретизировал содержание этих признаков, отсылая к сложившейся практике. Прорывным шагом стало введение ведомственной регламентации экспертной деятельности: совместным постановлением Наркомздрава и Наркомюста РСФСР в 1922 году были утверждены «Правила для составления заключений о тяжести повреждений», впервые возложив на судебно-медицинских экспертов обязанность по официальной классификации вреда здоровью.

Кардинальные изменения принесла реформа 1926 года. Новый УК РСФСР не только перешёл к двухуровневой системе (тяжкие и лёгкие телесные повреждения), но и впервые на законодательном уровне закрепил экономический признак в качестве определяющего. Понятие «иное расстройство здоровья, соединённое со значительной утратой трудоспособности» заменило собой критерий «непосредственной опасности для жизни». Для преодоления оценочного характера этой новеллы в 1928 году были приняты «Правила составления заключения о тяжести повреждения здоровью», установившие процентные пороги стойкой утраты трудоспособности. Эта реформа ознаменовала окончательный переход к трудовой концепции оценки здоровья, когда его ценность стала измеряться прежде всего через призму способности человека к труду.

Экономико-трудовой подход к оценке тяжести вреда здоровью, сформировавшийся в период индустриализации 1920–1930-х годов как отражение государственной политики в отношении человеческого капитала, оказался исключительно устойчивой правовой конструкцией. Несмотря на все последующие реформы, его базовые принципы продолжают определять квалификацию соответствующих деяний. Показательно, что УК РСФСР 1960 г., осуществив возврат к классической трёхуровневой системе и признаку опасности для жизни, одновременно унаследовал и дуалистическую схему оценки, впоследствии транслированную в современный Уголовный кодекс РФ.

Развитие оценочных критериев в СССР носило комплексный характер, происходя параллельно в законодательной и ведомственной плоскостях. После первоначальных Правил 1922 г. последовала их существенная переработка в инструкциях Наркомздрава 1928 г. Однако принятие новых общесоюзных уголовных кодексов в 1960-х гг. вновь актуализировало проблему унификации. Обновлённое законодательство, формально восстановив трёхзвенную градацию, наполнило определение тяжкого вреда признаками, отражавшими синтез медицинских и экономических аспектов: непосредственная угроза жизни, длительное расстройство здоровья, стойкая утрата трудоспособности (не менее 1/3). Этот синтез ознаменовал окончательное становление дуалистической модели в советской уголовно-правовой доктрине.

Современный УК РФ 1996 г. осуществил прежде всего терминологическую модернизацию, закрепив в ст. 111–115 категории тяжкого, средней тяжести и лёгкого вреда здоровью. Данная новация символизировала переход от охраны телесной неприкосновенности к защите здоровья как комплексного социального блага [1]. Законодатель тем самым признал полиформный характер причинения вреда, не ограниченный физическим насилием. Тем не менее, содержательное ядро квалификационных критериев осталось прежним. Подзаконные акты, детализирующие положения УК РФ, по сути, ретранслируют советские правовые подходы. Яркий пример — Медицинские критерии 2008 г. (приказ № 194н), которые представляют собой адаптацию прежней системы к обновлённой терминологии [2].

В доктрине уголовного права справедливо констатируется, что введение в 1996 г. понятия «вред здоровью» не разрешило концептуальных противоречий. Эта дефиниция остаётся одной из самых дискуссионных в отечественной юриспруденции. Законодательные формулировки степеней вреда носят бланкетный характер, отсылая правоприменителя к специальным медицинским стандартам, утверждаемым Правительством РФ. Таким образом, сохраняется уникальная ситуация, когда ключевой для квалификации вопрос решается не непосредственно уголовным законом, а нормами судебно-медицинского характера.

В этой связи центральное значение приобретает анализ современного взаимодействия юридических и судебно-медицинских критериев. Действующая система оценки базируется на Правилах определения степени тяжести вреда, эволюционировавших от первоначальной редакции 1978 г. до действующей версии 1996 г.

Этими нормами установлен комплекс медицинских критериев, включающий объективные параметры повреждения (локализация, характер), временной фактор (длительность расстройства здоровья) и функционально-экономический показатель (процент стойкой утраты общей трудоспособности). В отдельных составах дополнительным элементом выступает эстетический критерий (неизгладимое обезображивание лица). Несмотря на внешнюю устоявшуюся логику, данный подход продолжает порождать серьёзные теоретические и практические вопросы.

Существующая система разграничения степеней тяжести вреда здоровью, при внешней логичности, страдает от ряда глубинных внутренних противоречий. Её базовой проблемой выступает концептуальный разрыв между абстрактными правовыми категориями Уголовного кодекса и конкретными, сугубо клиническими формулировками ведомственных медицинских инструкций. Эта пропасть между законом и медициной порождает обширную

«серую зону» на практике, где оценка ущерба становится неоднозначной и зависимой от экспертного усмотрения.

Центральный изъян системы — её укоренённость в прошлом. Несмотря на периодические обновления, медицинские критерии десятилетиями вращаются в узкой парадигме, фокусируясь почти исключительно на соматических травмах, их влиянии на анатомо-физиологические функции, длительности лечения и проценте стойкой утраты способности к труду. Доминирующий экономико-функциональный подход, унаследованный из иной социально-экономической эпохи, продолжает довлеть над оценкой. Между тем, спектр способов причинения ущерба здоровью в XXI веке драматически расширился. Многие из них, особенно связанные с психологическим воздействием, действующая система де-факто не признаёт, переводя в категорию «нематериального» или «нерегистрируемого» вреда, что оставляет потерпевших без уголовно-правовой защиты.

Безусловно, определённый прогресс в регламентах последних лет присутствует. Можно выделить несколько позитивных тенденций:

1. Нормативные акты приобрели более логичную структуру и ясность изложения.

2. Произошло уточнение терминологии, устранение ряда двусмысленностей, более чёткое описание критериев тяжкого вреда при повреждениях жизненно важных органов, позвоночника, органов зрения и слуха, а также сложных травм опорно-двигательного аппарата.

3. Усилились требования к процедуре экспертизы — к квалификации экспертов, составу и оформлению медицинской документации, допустимым методам исследований.

Однако указанные улучшения затрагивают форму, а не содержание. Они не разрешают системных концептуальных тупиков, которые можно свести к трём ключевым проблемам:

1. Даже в проектах модернизации сохраняется ориентация на сугубо медицинские параметры. Не преодолён коренной порок — смешение юридической квалификации (оценки общественной опасности деяния) и медицинской диагностики (констатации биологических последствий). Критерии продолжают излагаться языком клинициста, а не правоведа, что оставляет пространство для разночтений при правоприменении.

2. Наиболее уязвимым местом остаётся отсутствие работающих критериев для квалификации психического вреда средней и лёгкой степени. Расстройства адаптации, посттравматические стрессовые реакции, тяжёлые тревожные расстройства, не подпадающие под понятие «душевной болезни», часто оказываются вне правового поля. В доктрине справедливо констатируется отсутствие консенсуса в понимании тяжкого психического вреда [7, с. 185]. Расширение охраны на психоэмоциональную сферу требует не косметических поправок, а создания новых уголовно-правовых составов, о чём учёные-криминалисты говорят давно.

3. Система не приспособлена для оценки вреда, причиняемого без прямого физического контакта. Реалии цифровой эпохи — систематическая травля в сети (кибербуллинг), психологическое насилие в быту или на работе (моббинг), доведение до тяжёлого психического состояния путём шантажа или преследования — остаются за рамками действующих критериев. Уголовный закон, опирающийся исключительно на медицинские показатели физического ущерба, не видит этих современных форм виктимизации.

Таким образом, необходим не эволюционный, а парадигмальный сдвиг. Требуется переход от узко-медицинской к комплексной междисциплинарной модели оценки вреда здоровью. Такая модель должна интегрировать различные аспекты ущерба:

– традиционные телесные повреждения;

– клинически диагностируемые психологические и психосоматические расстройства;

– длительное снижение качества жизни, социальной адаптации и общего благополучия, даже при незначительной утрате трудоспособности в классическом понимании.

Именно такая всеобъемлющая модель позволит праву адекватно защищать здоровье человека в соответствии с его современным, холистическим определением, принятым ВОЗ, — как состояние полного физического, душевного и социального благополучия. Без этого реформирование будет оставаться полумерой, неспособной закрыть растущий разрыв между законом и реальностью.

Современная правоприменительная деятельность наглядно свидетельствует о необходимости коренной трансформации методологии соотношения правовых и клинических принципов определения тяжести вреда здоровью. Актуальная законодательная база систематически исключает из сферы регулирования целые категории социально опасных последствий, в первую очередь связанных с психическим воздействием, что создаёт правовой вакуум для жертв подобных посягательств [5, с.121].

Многолетний опыт применения действующих норм выявляет устойчивый перекос в использовании установленных параметров оценки. При формальном сохранении экономического индикатора (выраженного в процентах потери общей работоспособности) реальный приоритет повсеместно отдаётся функциональному подходу. В экспертной практике доминирует ориентация на клинико-функциональные характеристики: угроза жизни либо устойчивая дисфункция конкретного органа автоматически признаются исчерпывающими признаками тяжкого вреда, что находит отражение в официальной ведомственной статистике.

Даже новейшие инструктивные документы, в том числе актуальный регламент (зарегистрированный Приказом Минздрава РФ № 172н от 08.04.2025), закрепили эту тенденцию, практически полностью нивелировав значимость экономического показателя. При этом базовый методологический каркас оценки не претерпел изменений: степень

тяжести продолжает определяться исключительно через систему медико-биологических характеристик, жёстко привязанных к нарушениям функций тела [3]. Следовательно, все изменения носят поверхностный, процессуальный характер, не затрагивая глубинных основ, заложенных в прошлом веке.

Историческая ретроспектива позволяет сделать вывод о поразительной устойчивости базовой концепции на всех этапах развития российского уголовного права. Несмотря на коренные изменения общественного устройства и революционные достижения в области здравоохранения, юридическая оценка ущерба здоровью продолжает руководствоваться узко-утилитарной доктриной. Эта доктрина имплицитно рассматривает человека как «ресурсную единицу»: тяжесть последствий прямо коррелирует со степенью утраты телесной целостности или способности индивида исполнять предписанные социумом обязанности (доминирующей среди которых исторически является трудовая деятельность).

Сложившаяся функционально-утилитарная модель сегодня подвергается все более жесткой и аргументированной критике. Она находится в непримиримом конфликте с современной гуманистической трактовкой здоровья, сформулированной Всемирной организацией здравоохранения как интегрального состояния физического, душевного и социального благополучия. Законодательная конструкция, унаследованная от производственно-ориентированной эпохи, последовательно сводит здоровье к работе «биологической системы», а причинённый ущерб — к сбоям в её функционировании.

В современном обществе здоровье воспринимается как фундаментальная нематериальная ценность личности, чья важность не может быть измерена лишь показателями работоспособности или полезности. Нарастает число научных публикаций, указывающих на системную ошибку в виде доминирования узкопрофессиональных медицинских подходов при юридической квалификации деяний. Это приводит к размыванию чёткости правовых норм, подмене уголовно-правового анализа ведомственным клиническим заключением и, в конечном итоге, к эрозии гарантий восстановления прав и защиты достоинства пострадавшего. Речь идёт уже не о частичных поправках, а о необходимости смены господствующей парадигмы, которая перенесла бы фокус оценки вреда в область всесторонней охраны всех компонентов человеческого благополучия.

Проведённый анализ даёт основания для вывода о преемственности основных подходов: от древнейших источников права до актуальных норм Уголовного кодекса и ведомственных предписаний наблюдается удивительная устойчивость утилитарно-функционального понимания вреда. Эта, исторически сложившаяся, парадигма в современном контексте выявляет свою методологическую несостоятельность и настоятельно требует обновления. Требуется движение к формированию новых оценочных стандартов, ставящих во главу угла достоинство человека и целостную ценность здоровья как неотъемлемого блага. Только фундаментальная ревизия сложившихся правовых конструкций может обеспечить соответствие механизмов уголовно-правовой защиты актуальным научным представлениям и гуманистическим принципам.

Исследование выявило, что ныне действующая модель градации ответственности по степени тяжести причинённого здоровью ущерба утратила адекватность современным социальным реалиям. Несмотря на кажущуюся структурную завершённость, данный правовой институт страдает от внутренних коллизий и содержит значительные пробелы, что становится особенно очевидным при квалификации многих общественно опасных деяний. К центральным нерешенным вопросам можно отнести:

– разрыв и отсутствие непротиворечивой связи между правовыми и судебно-медицинскими критериями оценки;

– отсутствие вменяемой уголовно-правовой характеристики вреда, причинённого психической сфере личности;

– существование ряда деяний, связанных с физическим и психологическим принуждением, которые остаются вне пределов уголовно-правового регулирования.

Современная теория ответственности за преступления против здоровья нуждается не в усовершенствовании, а в принципиальной смене научно-правовой парадигмы. Установлено, что частичные изменения отдельных положений не устраняют системных дефектов и не гарантируют устойчивой и действенной защиты в перспективе. Напротив, созрела необходимость в отходе от господства редукционистских, экономико-клинических методов оценки к пересмотру фундаментальных оснований квалификации, вплоть до рассмотрения возможности конструирования формальных составов. Крайне важно преодолеть узкую интерпретацию понятия «вред здоровью» как явления исключительно биологического порядка и законодательно закрепить его расширительное толкование, интегрирующее все аспекты благополучия индивида — соматический, психологический и социальный. Такой подход уравняет в правовом статусе психический урон и социальную дезинтеграцию с физическими травмами, что позволит снять накопившиеся сложности в правоприменении. Учитывая прямую зависимость между обеспеченностью охраны здоровья населения и состоянием национальной безопасности, предлагаемая новая концептуальная модель придаёт соответствующему уголовно-правовому институту требуемую содержательную основательность и стратегический вес.

Тренд развития правового регулирования явно смещается от единичных корректив в сторону системной реформы, базирующейся на интегральном, межотраслевом осмыслении феномена здоровья. Предлагаемая концепция, обладая новизной и всеохватностью, не противоречит кардинальным началам уголовного права — законности и правовой определённости. Наоборот, она направлена

на преодоление существующей смысловой размытости, опираясь на согласованные позиции смежных областей познания (биомедицины, клинической психологии, социологии), и тем самым способствует усилению научной аргументированности юридических решений. Всесторонность предлагаемого подхода заключается в его применимости ко всему многообразию посягательств на здоровье, что находится в русле утвердившейся в уголовной политике линии на первостепенную защиту личности.

Первые сигналы кристаллизации новой парадигмы уже налицо: осуществляется разработка подзаконных актов, конкретизирующих медико-биологические параметры вреда. Логическим продолжением должна стать реализация изложенных концептуальных положений в конкретных нормах закона, что создаст условия для действенной и отвечающей духу времени уголовно-правовой защиты здоровья в контексте динамичной социальной трансформации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17 июня 1996 г. — № 25. — Ст. 2954.
2. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 № 12118). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79398/
3. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н (ред. от 19.08.2025) (Зарегистрировано в Минюсте России 02.06.2025 № 82483). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506943/
4. Васильева, Т. С. История развития законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека / Т. С. Васильева // Молодой ученый. — 2021. — № 4 (346). — С. 408–412.
5. Векленко, В. В. Уголовно-правовая оценка вреда здоровью в условиях изменения научной парадигмы / В. В. Векленко, А. М. Чихрадзе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2025. — № 4 (108). — С.117–126.
6. Зубкова, В. И. Преступления против личности по законодательству России: история, законодательство и практика: монография / В. И. Зубкова. — Москва: Юрлитинформ, 2016. — 280 с.
7. Полубинская, С. В. Психическое расстройство как признак вреда здоровью: правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации / С. В. Полубинская // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 21–22 мая 2024 г. — Екатеринбург: Уральский юридический институт СК России, 2024. — С. 183–188.
8. Серегин, А. В. Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского права): учеб. пособие / авт.-соств.: канд. юрид. наук А. В. Серегин, докт. филос. наук М. А. Черкасова. — Москва: Юрлитинформ, 2020. — 376 с.
9. Филимонова, Е. Э. Преступления против личности: от Древней Руси до Российской Федерации / Е. Э. Филимонова // Молодой ученый. — 2021. — № 26 (368). — С. 230–235.
10. Чихрадзе, А. М. Эволюция критериев определения степени тяжести вреда здоровью в уголовном праве россии: от древнерусского права к современности / А. М. Чихрадзе // Правопорядок: история, теория, практика. — 2025. — № 4 (47). — С.96–100.
11. Дмитренко А. П., Подгайный А.М, Сарницкий С. Н. История криминализации насилия в уголовном законодательстве России советского периода / Дмитренко А. П., Подгайный А.М, Сарницкий С. Н. // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2019. — № 4. — С.93–97

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: научно-правовой анализ

Власов Богдан Игоревич, студент
Научный руководитель: Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается правовая природа мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и особенности их применения в условиях цифровизации государственного управления. Анализируются процессуальные проблемы замены понятых видеозаписью, порядок составления электронных протоколов, использование

цифровых сервисов при доставлении, а также специфика изъятия электронных носителей информации. Предлагаются пути совершенствования положений главы 27 КоАП РФ.

Ключевые слова: *меры обеспечения производства, административное правонарушение, цифровизация, электронный протокол, видеозапись, административное пресечение, электронная подпись.*

Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the context of digitalization: scientific and legal analysis

Vlasov Bogdan Igorevich, student
Scientific advisor: Priymak Yelena Nikolayevna, candidate of sciences in psychology, associate professor
Don State Technical University (Rostov-on-don)

The article examines the legal nature of measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses and the specifics of their application under the digitalization of public administration. Procedural issues of replacing attesting witnesses with video recording, compiling electronic protocols, using digital services during delivery, as well as seizing electronic storage media are analyzed. Ways to improve the provisions of Chapter 27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation are proposed.

Keywords: *measures to ensure proceedings, administrative offense, digitalization, electronic protocol, video recording, administrative suppression, electronic signature.*

Активное внедрение информационных технологий в государственную сферу заметно меняет привычный порядок работы правоохранительных и контрольно-надзорных органов. Там, где еще недавно инспектор вручную заполнял бумажные бланки и останавливал попутные машины ради привлечения понятых, всё чаще используются служебные планшеты, нагрудные видеорегистраторы и удаленные базы данных. Грамотное использование цифровых инструментов в государственном управлении помогает решить целый ряд проблем, связанных с «человеческим фактором», ускорить обмен сведениями и повысить открытость работы органов власти [4]. Вместе с тем наиболее острой точкой пересечения новых технологий и конституционных прав граждан остается институт мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, закрепленный в главе 27 КоАП РФ [1].

В науке административного права меры обеспечения производства рассматриваются в тесной связи с мерами административного предупреждения и пресечения. Важной особенностью принудительных мер пресекательного характера выступает то, что основанием для их применения служит само по себе противоправное поведение, хотя вина лица еще не установлена вступившим в законную силу постановлением судьи или должностного лица [7]. Само административное пресечение представляет собой урегулированную правом властную деятельность уполномоченных органов, которая выражается в ограничениях личного или имущественного характера и направлена на прекращение нарушения и создание условий для привлечения виновного к ответственности [7]. Похожую конструкцию закрепляет и ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ, подчиняя доставление, задержание, досмотр и изъятие вещей целям пресечения правонарушения, установления личности нарушителя и составления протокола [1].

Крупным шагом к цифровизации этих процедур стало разрешение использовать видеозапись вместо приглашения понятых. Закон позволяет проводить досмотр вещей (ч. 2 ст. 27.7 КоАП РФ), осмотр помещений юридических лиц (ч. 3 ст. 27.8 КоАП РФ), досмотр транспорта (ч. 2 ст. 27.9 КоАП РФ), изъятие вещей и документов (ч. 2 ст. 27.10 КоАП РФ), отстранение от управления и освидетельствование на состояние опьянения (ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ), а также задержание транспортного средства (ч. 3 ст. 27.13 КоАП РФ) под видеозапись без понятых, сохраняя их обязательное участие только при личном досмотре (ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ) [1]. На первый взгляд, камера решает старую практическую проблему поиска очевидцев ночью на трассе. Но дает ли видеофайл, снятый самим сотрудником полиции, ту же гарантию объективности, что и присутствие стороннего наблюдателя? Отсутствие в КоАП РФ четких требований к непрерывности съемки приводит к появлению в судах обрывочных записей без момента разъяснения прав [1]. Примечательно, что электронный файл не привязан к одному материальному носителю и без специальной защиты может быть легко перезаписан [5].

Не меньше вопросов вызывает перевод процессуальных документов в электронный формат. Согласно п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ, электронным документом считается документированная информация в электронной форме, которая пригодна для восприятия человеком через компьютер, а также для передачи по сетям и обработки в информационных системах [2]. Юридическая сила таких документов подтверждается электронной подписью по правилам Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ, который делит подписи на простую, неквалифицированную и усиленную квалифицированную (ст. 5) [3]. Документ, подписанный квалифицированной подписью, приравнивается к бумажному

документу с собственноручной подписью во всех случаях, кроме прямого запрета в законе (ч. 1 ст. 6) [3]. При этом для признания юридической силы электронного документа обязательно требуется соблюсти порядок его оформления, достоверность реквизитов и возможность точно установить подписавшее лицо [5].

При отправке готовых постановлений или подаче жалоб через портал «Госуслуги» электронный документооборот работает вполне удобно [4]. Однако меры обеспечения производства применяются быстро и часто в конфликтной обстановке прямо на улице или дороге — при задержании (ст. 27.3 КоАП РФ), досмотре машины (ст. 27.9 КоАП РФ) или аресте товаров (ст. 27.14 КоАП РФ) [1]. Инспектор может составить электронный протокол на служебном планшете и подписать его своей квалифицированной подписью [3]. А как должен подписать этот файл гражданин, чьи права ограничиваются прямо сейчас? Статьи 27.4, 27.7, 27.9 и 27.10 КоАП РФ обязывают ознакомить лицо с протоколом, записать замечания и выдать копию [1]. Обычный гражданин не носит с собой флешключ с квалифицированной подписью, а фиксация отказа от подписи только из-за севшего телефона нарушает процессуальные гарантии главы 27 КоАП РФ [1].

Постепенно меняются и основания для доставления (ст. 27.2 КоАП РФ) и задержания (ст. 27.3 КоАП РФ) [1]. Развитие государственных электронных сервисов и запуск единой биометрической системы позволяют быстро проверить личность гражданина без паспорта прямо на месте [4]. Если сведения о человеке подтверждены через служебный планшет за пару минут, везти его в отдел полиции уже нет смысла, так как цель по ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ достигнута [1]. На практике же доставление «для проверки по базам» сохраняется из-за разобщенности информационных систем разных ведомств: несовпадения форматов хранения данных (XML и JSON), дублирования реестров, устаревшего оборудования без обмена данными в реальном времени и нехватки техники в регионах [4]. Лишь объединение ведомственных баз на единой платформе «ГосТех» позволит избежать лишнего ограничения свободы граждан [8].

Цифровые технологии повлияли также на выявление правонарушений и изъятие доказательств. При больших потоках товаров и транспорта должностным лицам, особенно в таможенных органах, невозможно эффективно пресекать нарушения без технических средств контроля и автоматизированной системы управления рисками [6]. Алгоритмы анализа рисков помогают заранее выделить объект для проведения досмотра транспорта (ст. 27.9 КоАП РФ) или изъятия вещей и документов (ст. 27.10 КоАП РФ) [1]. В то же время представление о том, что цифровизация способна полностью исключить человеческий фактор из госуправления, ошибочно: автоматика берет на себя лишь рутинную обработку данных, а оценка нестандартных ситуаций и принятие решений всегда требуют участия специалиста [4]. В самой же ст. 27.10 КоАП РФ вместо физического изъятия компьютеров и серверов, останавливающего работу компаний, стоит закрепить приоритет копирования электронных файлов на внешние носители [1].

Хранение в базах видеозаписей досмотров и электронных актов медосвидетельствования (ст. 27.12.1 КоАП РФ) ставит вопрос об информационной безопасности [1]. Надежная многоуровневая защита персональных данных выступает главным условием доверия граждан к государственным электронным платформам, что подтверждается усилением ответственности операторов по ст. 13.11 КоАП РФ за утечки информации [4]. Поскольку разбросанность норм о принудительных мерах по разным актам ослабляет защиту граждан и требует четкого закрепления процедур и гарантий их прав [7], целесообразно дополнить главу 27 КоАП РФ рядом правил [1]. Следует закрепить непрерывность видеозаписи досмотра с загрузкой в защищенное хранилище, запретить в ст. 27.2 КоАП РФ доставление человека при возможности проверить его личность на месте через цифровые сервисы [1] и разрешить гражданам подписывать электронные протоколы через приложение «Госуслуги» простой или неквалифицированной подписью (ч. 2 ст. 6 Закона № 63-ФЗ) [3].

Подводя итог, можно сказать, что цифровизация мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не сводится к простой замене бумажных бланков на электронные формы. Она меняет сам порядок сбора доказательств, проверки личности и общения должностного лица с гражданином на базе единых цифровых платформ [8]. Электронный протокол, видеозапись досмотра и автоматизированные системы оценки рисков позволяют заметно сократить время проведения процедур и снизить вероятность злоупотреблений [6]. Однако обновление главы 27 КоАП РФ принесет реальную пользу только в том случае, если развитие технологий будет сопровождаться надежной защитой персональных данных, объединением межведомственных баз и сохранением понятных процессуальных гарантий для каждого гражданина [4].

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
3. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

4. Алексеева М. В., Подройкина И. А., Рыбак С. В. Процессы цифровизации государственного управления: анализ и формирование рекомендаций по повышению эффективности // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2026. Т. 30. № 3. С. 528–547.
5. Алексеева М. В., Рыбак С. В., Смоленский М. Б. Информационное право: учебное пособие. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2022. 190 с.
6. Алексеева М. В., Шевцов Д. А. Основные способы предупреждения таможенными органами административных правонарушений // Профессионал года 2017: сборник статей V Международного научно-практического конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 140–143.
7. Алексеева М. В., Шевцов Д. А. Сотрудничество таможенных органов стран ЕАЭС в области пресечения и предупреждения административных правонарушений // Лучшая научная статья 2017: сборник статей X Международного научно-практического конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 196–199.
8. Цифровые платформы и экосистемы в государственном управлении: монография / под ред. Е. В. Васильевой, Б. Б. Славина. М.: ИНФРА-М, 2024. 204 с.

Актуальные проблемы реализации законодательства в сфере гражданской обороны

Гаджибалаев Марсель Зиявудинович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор рассматривает проблемы реализации законодательства о гражданской обороне после его концептуального обновления. Анализируются вопросы разграничения подготовки и ведения гражданской обороны, согласованности документов планирования, оценки готовности должностных лиц и учета объектов гражданской обороны. Обосновывается необходимость установления единых требований к межведомственному информационному взаимодействию, предлагается дополнение статьи 4.1 Федерального закона «О гражданской обороне».

Ключевые слова: *гражданская оборона, законодательство, планирование, информационное взаимодействие, защитные сооружения, государственный надзор, подготовка населения, объекты гражданской обороны, правоприменительная практика.*

Реформирование законодательства о гражданской обороне, связанное с принятием Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 240-ФЗ, изменило исходные условия ее ведения. Новая редакция базового закона уточнила временные периоды возникновения опасностей, защита от которых образует содержание гражданской обороны. К ним отнесены период мобилизации, период действия военного положения и военное время [4, с. 10]. Одновременно сохранена заблаговременная подготовка государства к ведению гражданской обороны и выполнение части мероприятий в мирное время. Подобная конструкция последовательно разграничивает подготовку и непосредственное ведение гражданской обороны. Для правоприменения из нее следует обязанность соотносить планы, перечни мероприятий, обучение, создание запасов и содержание защитных сооружений с вероятными условиями их использования, хотя юридический факт начала ведения гражданской обороны еще не наступил.

Практическая реализация указанного разграничения, прежде всего, проявляется в планировании гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций. Правовые и информационные основания такого планирования остаются недостаточно согласованными. Указанные виды публичной деятельности различаются по основаниям применения, составу мероприятий и порядку введения планов в действие. Вместе с тем, их осуществляют преимущественно одни и те же органы управления. При оповещении, эвакуации и первоочередном жизнеобеспечении используются взаимосвязанные сведения о населении, территориях, силах, транспорте и объектах инфраструктуры. Л. В. Андриченко, А. Е. Постников связывают недостаточную согласованность регулирования в данной области с дублированием управленческих инструментов и размыванием ответственности за конечный результат [5, с. 120]. В. П. Малышев, С. Н. Азанов, О. В. Виноградов также указывают на необходимость консолидации нормативной базы при сохранении особенностей гражданской обороны и единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [6, с. 35].

Сопоставление указанных режимов следует проводить по трем критериям: юридическим основаниям, документам планирования и информационным ресурсам. По первому критерию объединение режимов невозможно, поскольку оно устранило бы различие между чрезвычайной ситуацией природного или техногенного характера и опасностями, указанными в ст. 1 Закона о гражданской обороне. По второму критерию самостоятельность планов обеспечи-

вает связь каждого комплекса мероприятий с компетенцией и порядком его введения. По третьему критерию обособленное ведение одинаковых исходных данных создает риск расхождения численности эвакуируемых, характеристик защитных сооружений, перечней техники и пропускной способности маршрутов. Следовательно, нормативно оправдано единство первичных сведений при раздельности правовых решений, принимаемых на их основе.

Действующая редакция ст. 4.1 Закона о гражданской обороне предусматривает координацию деятельности органов публичной власти и организаций. Она же закрепляет информационное взаимодействие через органы повседневного управления единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В 2024 г. учреждена государственная информационная система «Автоматизированная информационно-управляющая система единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». Ее назначение включает сбор, обработку и обмен сведениями между участниками системы [4, с. 12]. Однако, Закон о гражданской обороне пока не устанавливает единых требований к составу и актуализации данных, используемых в двух видах планирования. Наличие канала обмена само по себе не обеспечивает тождество справочников, идентификаторов объектов и дат обновления сведений.

Практическое разрешение проблемы предполагает межведомственную сверку исходных данных до утверждения планов. Необходимо закрепление ответственного владельца каждого набора сведений и автоматизированный контроль противоречий. Сведения о численности населения, местах его размещения, транспортных средствах, защитных сооружениях и запасах должны однократно вводиться уполномоченным субъектом и повторно использоваться в пределах предоставленного доступа. Решения о характере и очередности мероприятий остаются в соответствующих планах. Такой подход предполагает, что согласование полномочий в сфере защиты населения требует процессуальных правил межведомственного взаимодействия, позволяющих установить источник информации и лицо, отвечающее за ее достоверность.

Другая проблема относится к оценке готовности должностных лиц и населения. Нормативная база предусматривает подготовку руководителей, работников, личного состава формирований и иных групп населения. Она же регламентирует проведение учений и тренировок. Так, в 2024 г. обучение прошли свыше 206 тыс. руководителей и должностных лиц. Различными формами подготовки было охвачено более 52 млн. работающих граждан. Значение показателя своевременной подготовки необходимого числа должностных лиц в области защиты от чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны составило 90 % [7, с. 303]. Эти данные позволяют оценить масштаб организационной работы, но не отражают в полном объеме способность обученных лиц принять решение при отказе связи, изменении маршрута эвакуации или неполной готовности защитного сооружения.

В научной литературе обоснованно отмечается, что правовое регулирование тренировок содержит пробелы в части единообразия их организации и оценки результатов [8, с. 184]. Сопоставление количественного показателя обучения и качественного показателя готовности проводится по различным предметам измерения: фиксации прохождения установленной формы подготовки, отражения правильности действий в заданной обстановке и времени выполнения операции. Поэтому количество обученных лиц не может использоваться как единственный критерий исполнения обязанности по обеспечению гражданской обороны. Для устранения формального подхода надзорная и ведомственная оценка должна учитывать результаты практических заданий. Она также должна принимать во внимание устранение недостатков, выявленных на предшествующей тренировке, и готовность дублирующих способов оповещения населения. Эти меры могут быть реализованы в рамках действующих полномочий МЧС России и положений о подготовке населения. Отдельное расширение федерального закона для данной ситуации не требуется.

Одна из проблем состоит в расхождении документального учета объектов гражданской обороны и их фактической пригодности. Обязанности по созданию, сохранению и поддержанию защитных сооружений распределены между Российской Федерацией, субъектами РФ, муниципальными образованиями и организациями. Технические требования зависят от вида сооружения, его вместимости и инженерного оснащения. В. Н. Лукин, Е. В. Папырина, А. В. Мусиенко относят неудовлетворительное состояние части защитных сооружений и устаревание их оборудования к устойчивым недостаткам управления гражданской обороной [9, с. 52]. Юридически значима подтвержденная возможность объекта выполнить защитную функцию в установленный срок, при этом запись в паспорте такого объекта служит исходным доказательством и подлежит проверке по фактическому состоянию.

Судебная практика показывает два самостоятельных вида споров. В первом устанавливается объем публичной обязанности по приведению сооружения в готовность. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном определении от 5 июня 2024 г. № 33-КАД24–1-К3 указала на необходимость соотносить возлагаемые судом работы с видом сооружения и применимыми техническими нормами. Абстрактная ссылка на правила эксплуатации недостаточна для определения конкретного способа исполнения [10, с. 250]. Во втором виде споров исследуется принадлежность сооружения и основание владения им. Так, при пересмотре дела о защитном сооружении в Бердске Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации потребовала установить обстоятельства создания объекта, последовательность перехода прав и характер заявленного публичным собственником требования [11, с. 52]. Эти позиции препятствуют автоматическому возложению всех расходов на лицо, указанное

в одном реестре. Они требуют проверки правового статуса, технического состояния, содержания договора и источника финансирования.

Разрешение проблемы возможно посредством сопоставления реестровой записи, технического заключения и акта, определяющего ответственное лицо. Расхождение между ними должно влечь обследование и корректировку учета до выдачи предписания. В самом предписании необходимо указывать конкретное нарушение, обязательную норму, технически достижимый результат и срок с учетом характера работ. Такой порядок соответствует риск-ориентированному государственному надзору и позволяет отличить отсутствие документа от утраты защитной функции [12, с. 196]. Универсальная обязанность немедленно восстановить любой числящийся в реестре объект гражданской обороны без исследования его характеристик способна привести к неисполнимому судебному акту, что также не обеспечивает рационального расходования средств бюджета.

Использование защитного сооружения в мирное время дополнительно осложняет распределение обязанностей. Хозяйственная эксплуатация допустима при сохранении возможности привести объект в готовность в установленный срок, поэтому договор передачи должен определять текущий ремонт, обслуживание специального оборудования, доступ уполномоченных органов и финансирование капитальных работ. Если договор регулирует только гражданско-правовую плату и общую обязанность содержать помещение, из него нельзя автоматически вывести обязанность заменить специальное оборудование за счет пользователя сооружения. Одновременно собственник не вправе ссылаться на передачу объекта, когда за ним сохранены решения о реконструкции сооружения и выделено на это бюджетное финансирование. Юридическая оценка проводится по предмету каждой работы:

— техническое обслуживание сопоставляется с функциями эксплуатирующей организации;

— восстановление конструктивных элементов соотносится с обязанностями собственника и условиями договора;

— изменение вида сооружения связывается с компетенцией органа, ведущего учет.

Такое распределение обеспечивает исполнимость предписания без новой общей нормы федерального закона. Достаточны обязательная фиксация обязанностей при передаче объекта и применение Верховным Судом РФ критерия технической индивидуализации требований.

Выявленные проблемы имеют общий информационный элемент. Правовые решения принимаются на основании сведений, которые ведутся разными субъектами и обновляются с различной периодичностью. В связи с этим предлагается дополнить ст. 4.1 Закона о гражданской обороне пунктом 4 следующего содержания. «4. Информационное взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций в области гражданской обороны осуществляется на основании единых требований к составу, форматам и периодичности актуализации сведений о населении, территориях, силах и средствах, объектах гражданской обороны и маршрутах эвакуации, используемых при разработке планов гражданской обороны и планов действий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Указанные требования устанавливаются Правительством Российской Федерации с учетом законодательства Российской Федерации о государственной тайне и иной охраняемой законом тайне».

Предлагаемая норма не изменяет основания введения планов в действие и не объединяет гражданскую оборону с единой государственной системой предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Ее предмет ограничен качеством исходных данных. Правительство РФ получает прямое полномочие определить обязательные форматы, периодичность обновления и правила доступа. Поправка согласуется с действующим п. 3 ст. 4.1 Закона о гражданской обороне, поскольку конкретизирует содержание уже предусмотренного информационного взаимодействия. Реализация нормы на базе создаваемой государственной информационной системы исключит параллельное создание еще одного ресурса. Она позволит сосредоточить расходы на совместимости данных и защите информации.

Применение законодательства о гражданской обороне нуждается в согласовании данных планирования. Требуется переход от учета факта обучения к проверке практического результата. Необходимо приведение реестровых сведений об объектах гражданской обороны в соответствие с их техническим состоянием и правовым статусом, для чего действующие нормы предоставляют необходимые организационные и надзорные средства. Их результат зависит от индивидуализации требований и проверки исполнения. Обязательные единые требования к межведомственным данным могут быть установлены только нормативным предписанием, адресованным всем участникам.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.02.98 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» (в ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ).
2. Федеральный закон от 23.07.2025 № 240-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданской обороне»
3. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.06.2024 N 33-КАД24–1-К3 по делу N 2–408/2022 (УИД 47RS0010–01–2022–000419–46)
4. Дуганов, В. А. Обновление нормативной правовой базы в области гражданской обороны / В. А. Дуганов, Е. К. Назаренко // Технологии гражданской безопасности. — 2026. — Т. 23, № 1(87). — С. 9–14.

5. Андриченко Л. В., Постников А. Е. Модернизация системы правовых инструментов управления в области гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 118–123
6. Малышев В. П., Азанов С. Н., Виноградов О. В. Возможные направления консолидации нормативной правовой базы в области гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций // Технологии гражданской безопасности. 2023. Т. 20. № 1 (75). С. 35.
7. Чириков, А. Г. Основные направления совершенствования нормативного правового пространства в области гражданской обороны / А. Г. Чириков, С. С. Джиоев // Актуальные вопросы оперативного управления мероприятиями РСЧС и ГО в территориальных органах управления и спасательных воинских формированиях МЧС России: Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Химки, 13 ноября 2024 года. — Химки: Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика, 2024. — С. 301–307.
8. Ткаченко, П. Н. Совершенствование нормативно-правового регулирования гражданской обороны в современных условиях: компромиссный подход / П. Н. Ткаченко, Ю. А. Ткаченко, А. А. Рохлин // Актуальные вопросы инженерной защиты населения и территорий: Сборник трудов Международной научно-практической конференции, Химки, 28–29 апреля 2025 года. — Химки: Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика, 2025. — С. 182–188.
9. Лукин В. Н., Папырина Е. В., Мусиенко А. В. Гражданская оборона: проблемы управления // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2023. № 4 (44). С. 52–54.
10. Максименко, Д. И. К вопросу о правовом регулировании гражданской обороны как элемента обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Д. И. Максименко // Административное право и административный процесс: прошлое, настоящее, будущее: сборник статей по материалам круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Н. Г. Салищевой, Москва, 17 октября 2024 года. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. — С. 248–258.
11. Забара, К. С. Основные проблемы развития гражданской обороны в Российской Федерации и методы их решения / К. С. Забара, И. Н. Губайдуллина // Охрана труда и техносферная безопасность на объектах промышленности, транспорта и социальных инфраструктур: Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 26–27 февраля 2024 года. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. — С. 51–54.
12. О составе административного правонарушения за невыполнение требований и мероприятий в области гражданской обороны / А. В. Осипов, С. И. Хлобыстин, А. В. Фирсов [и др.] // Теория и практика экономики гражданской защиты на страже безопасности жизнедеятельности современного общества: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25 декабря 2024 года. — Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2025. — С. 194–200.

Проблемные вопросы реализации полномочий и ответственности субъектов обеспечения гражданской обороны

Гаджибалаев Марсель Зиявудинович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор исследует проблемные аспекты реализации полномочий и ответственности субъектов обеспечения гражданской обороны, анализирует распределение обязанностей между органами публичной власти, организациями и должностными лицами. Рассматриваются вопросы разграничения ответственности собственника и арендатора защитных сооружений, коллизии между административно-деликтным законодательством и обновленным определением гражданской обороны. Предлагаются точечные изменения нормативного регулирования.

Ключевые слова: *гражданская оборона, полномочия, ответственность, защитные сооружения, административная ответственность, должностное лицо, разграничение компетенции, государственный надзор.*

Система субъектов обеспечения гражданской обороны охватывает федеральные органы государственной власти, региональные органы, местное самоуправление, организации и граждан. Полномочия этих субъектов различаются по юридической природе. Органы публичной власти принимают обязательные решения и финансируют

мероприятия в пределах своего уровня. Организации обеспечивают подготовку работников и создание формирований при наличии предусмотренных законом оснований. Граждане проходят подготовку и соблюдают установленные правила. Ответственность каждого субъекта выводится из конкретного полномочия, обеспеченности ресурсами и фактической возможности исполнения.

Федеральный закон от 12 февраля 1998 года № 28-ФЗ «О гражданской обороне» закрепляет распределение полномочий по уровням публичной власти [1, ст. 1]. Одновременно данный акт устанавливает личную ответственность руководителей федеральных органов исполнительной власти, высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, глав местных администраций и руководителей организаций за организацию и проведение мероприятий. В научной литературе такое построение характеризуется как сочетание отраслевого управления МЧС России с ответственностью руководителя каждого органа за состояние гражданской обороны в подведомственной сфере [2, с. 301]. Личная ответственность имеет организационное значение, поскольку руководитель обязан распределить функции, обеспечить планирование, контроль и ресурсы. Она не образует безусловной административной ответственности за любое нарушение, допущенное подчиненным работником.

На уровне субъектов РФ и муниципальных образований трудность возникает при выполнении мероприятий, для которых одновременно необходимы региональная инфраструктура и решения местной администрации. К ним относятся эвакуация, оповещение, приспособление помещений для укрытия и первоочередное обеспечение населения. Статьи 8 и 18 Закона о гражданской обороне связывают организационную обязанность и финансирование с уровнем, на котором осуществляется мероприятие. Однако фактическая граница расходов зависит от принадлежности объекта гражданской обороны, охвата населения и содержания утвержденного плана. При смешанном значении объекта общая ссылка на совместную деятельность не позволяет определить заказчика работ и срок выделения средств.

Правильное распределение полномочий требует последовательного установления нескольких обстоятельств. Необходимо выяснить, кем утверждено мероприятие, в чьей собственности находится объект гражданской обороны, какой субъект вправе принять обязательное решение о его использовании и за счет какого бюджета оно финансируется. Фиксация этих обстоятельств в плане, соглашении или акте о передаче имущества предупреждает спор об ответственном лице. Если решение принято органом, который не располагает правомочием в отношении объекта и не определил источник финансирования, формальное включение мероприятия в план не создает исполнимой обязанности для другого субъекта.

Реформа местного самоуправления, проведенная Федеральным законом от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ, сохраняет отнесение гражданской обороны и защиты населения к публичным функциям местного уровня [3, ст. 1]. Вместе с тем, она требует актуализации муниципальных актов с учетом новой организации местного самоуправления. Изменение наименования органа или перераспределение функций между муниципальными образованиями не должно прерывать ведение планов, учет защитных сооружений и эксплуатацию систем оповещения. Правопреемство по документам, имуществу и заключенным договорам следует оформлять одновременно с организационным преобразованием, иначе, в период передачи полномочий возникает разрыв между ответственностью главы местной администрации и фактической возможностью распорядиться объектом гражданской обороны.

Для организаций основная неопределенность связана с разграничением ответственности руководителя, работника, уполномоченного на решение задач гражданской обороны, собственника имущества и его законного владельца. Назначение уполномоченного работника обеспечивает профессиональное выполнение текущих функций, но не переносит на него весь объем обязанностей организации. Руководитель утверждает план, определяет структуру и выделяет ресурсы. Уполномоченный работник готовит документы, организует обучение и контролирует исполнение в пределах должностных полномочий. При квалификации правонарушения необходимо исследовать локальный акт о распределении обязанностей, должностную инструкцию, предоставленные полномочия и причинную связь между действием лица и нарушением.

Делегирование функции имеет значение только при фактическом предоставлении работнику права запрашивать сведения, давать обязательные указания и инициировать расходы на гражданскую оборону. Возложение обязанности приказом при отсутствии этих прав сохраняет организационный дефект на уровне юридического лица и руководителя. Обратная ситуация возникает, когда работник получил полномочия и ресурсы, был ознакомлен с требованием, но не совершил предусмотренных действий в установленный срок. Тогда его бездействие может образовывать самостоятельную вину должностного лица. А. В. Дронов, В. Н. Григорьев отмечают, что бланкетный характер ст. 20.7 КоАП РФ требует точного указания нарушенного обязательного требования и надлежащего субъекта ответственности [4, с. 20]. Особые затруднения возникают при распределении обязанностей между собственником и арендатором защитного сооружения. Этот вывод подтверждается практикой рассмотрения имущественных споров. В определении от 28 января 2025 года № 67-КГ24–14-К8 Верховный Суд Российской Федерации не признал достаточными отдельные реестровые сведения и потребовал исследовать всю последовательность юридических фактов, определяющих принадлежность объекта гражданской обороны. Из этой позиции следует более общий критерий -обязанность по сохранению или восстановлению защитного сооружения возлагается на лицо после установления его правового титула и содержания принятого им обязательства. Административная

ответственность дополнительно предполагает доказанную возможность соблюсти конкретное требование.

Правоприменение по ч. 2 ст. 20.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях показывает, что предметом доказывания часто становятся неполнота планирующих документов, отсутствие обучения, несоздание запасов или невыполнение мероприятий по поддержанию готовности гражданской обороны [5, ст. 20.7]. Для разграничения ответственности организации и должностного лица недостаточно воспроизвести акт проверки. Протокол и постановление должны содержать ссылку на норму, устанавливающую обязанность именно данного лица, срок ее исполнения и фактические обстоятельства бездействия. Одновременное привлечение организации и должностного лица допустимо лишь при самостоятельном установлении вины каждого. Организационный недостаток юридического лица и виновное неисполнение должностной функции имеют разное содержание.

Федеральный государственный надзор в области гражданской обороны осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ и Положением, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 года № 1007 [6, ст. 5394]. Риск-ориентированный порядок позволяет соотнести интенсивность контроля с возможным вредом. Вместе с тем, результативность надзора зависит от качества квалификации нарушения. Проверка только наличия плана, журнала или приказа может выявить нарушение документооборота, но не всегда доказывает невыполнение мероприятия по защите населения. Проверка фактической готовности без указания нормативного срока и ответственного лица, напротив, создает риск неисполнимого предписания. Юридически значимым является соединение документального и фактического контроля, в данном случае — документ определяет субъекта и срок, а обследование подтверждает реальное состояние.

Формы государственного реагирования также имеют различный предмет. Предписание направлено на прекращение нарушения и восстановление требуемого состояния. Административное наказание выражает оценку уже совершенного виновного деяния. Иск прокурора обеспечивает судебную защиту публичного интереса, когда обязанность не исполнена добровольно. Одно фактическое состояние может послужить основанием для применения нескольких форм реагирования, но в каждой из них отдельно устанавливаются адресат, нормативное основание и достижимый результат. Назначение штрафа не освобождает от исполнения обязанности устранить нарушение. Судебное возложение работ само по себе также не подтверждает вину должностного лица. Так, в деле № 33-КАД24–1-К3 Верховный Суд РФ отменил судебные акты именно вследствие недостаточной проверки применимых технических требований, хотя наличие неудовлетворительного состояния сооружения не оспаривалось. Публичная опасность объекта не устраняет требований к законности способа защиты. Для надзорного органа это означает необходимость разделять в материалах проверки описание состояния, квалификацию нарушения и обоснование ответственного субъекта. Для суда необходимо проверять компетенцию ответчика и соответствие каждого требуемого действия обязательной технической норме. Для органа, рассматривающего дело об административном правонарушении, необходимо устанавливать вину независимо от выводов о необходимости восстановительных работ.

Самостоятельная проблема возникла после изменения определения гражданской обороны Федеральным законом от 23 июля 2025 года № 240-ФЗ. С 20 января 2026 года ст. 1 Закона о гражданской обороне связывает защищаемые опасности с периодом мобилизации, периодом действия военного положения и военным временем [7, ст. 1]. Диспозиция ч. 2 ст. 20.7 КоАП РФ по-прежнему указывает на опасности, возникающие при ведении военных действий или вследствие этих действий. Объемы двух формулировок различаются. Административно-деликтная норма не воспроизводит период мобилизации и период действия военного положения, хотя именно она обеспечивает ответственность за невыполнение соответствующих мероприятий. Данное расхождение нельзя устранить только систематическим толкованием. Принцип законности административной ответственности требует, чтобы состав правонарушения был определен самим КоАП РФ. Расширительное толкование диспозиции ухудшало бы положение привлекаемого лица. Одновременно сохранение прежнего текста затрудняет квалификацию нарушений, связанных с неполным или недостаточным осуществлением мероприятий, присущих гражданской обороне, содержание которых изменилось после вступления в силу Федерального закона № 240-ФЗ. Корректировка должна затронуть предмет правонарушения, сохранив действующие санкции и круг субъектов.

Для этой ситуации предлагается ч. 2 ст. 20.7 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «Невыполнение мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц от ста тысяч до двухсот тысяч рублей». Поправка обеспечивает терминологическое соответствие ч. 2 ст. 20.7 КоАП РФ и ст. 1 Закона о гражданской обороне. Объективная сторона сохраняется в виде невыполнения обязательного мероприятия, а указание на периоды определяет круг опасностей, применительно к которым это мероприятие установлено. Для правоприменителя остается обязательным установить конкретное требование, адресата, срок и вину. Тем самым устраняется пробел во временной характеристике объекта защиты без превращения общей личной ответственности руководителя, закреп-

ленной в ст. 11 Закона о гражданской обороне, в автоматическое основание наказания.

Вопрос о дальнейшем уточнении субъектов ч. 2 ст. 20.7 КоАП РФ следует решать сдержанно. Закрытый перечень должностных лиц в диспозиции не учтет разнообразие организационных структур. Возложение ответственности исключительно на руководителя исключит оценку полномочий уполномоченного работника. Действующее общее понятие должностного лица позволяет индивидуализировать ответственность при условии исследования локального распределения его функций. Основное значение имеет качество доказывания, включая наличие ресурса и реальную возможность исполнить требование. Указанный подход согласуется с научным выводом В. А. Дуганова, Е. К. Назаренко о необходимости разграничивать ответственность организации и ее работников по характеру допущенного нарушения независимо от формального указания должности [8, с. 9].

Проведенный анализ позволяет определить три правила реализации полномочий. Организационная ответственность руководителя охватывает планирование, распределение функций и контроль, но административное наказание основывается на доказанной вине. Публичная обязанность по объекту гражданской обороны или мероприятию должна быть связана с правом распоряжения, источником финансирования и технически определенным результатом. Ответственность организации и конкретного должностного лица разграничивается по содержанию нормативной и должностной обязанности. Предлагаемая редакция ч. 2 ст. 20.7 КоАП РФ дополняет эти правила точным указанием периодов возникновения опасностей и восстанавливает согласованность охранительной нормы с действующим определением гражданской обороны.

Совершенствование правового регулирования обеспечения гражданской обороны не требует механического увеличения числа обязанностей и составов правонарушений. Выявленные дефекты имеют точечный характер. В ст. 4.1 Закона о гражданской обороне требуется закрепить правовую основу единых данных планирования. В ч. 2 ст. 20.7 КоАП РФ представляется целесообразным синхронизировать временную характеристику введенного правового режима с профильным законом. Остальные рассмотренные дефекты правового регулирования могут быть разрешены посредством надлежащего установления правового статуса, компетенции, источника финансирования, конкретного обязательного требования и вины. Такое сочетание узконаправленных изменений законодательства с целью унификации правоприменения обеспечивает определенность обязанностей по обеспечению гражданской обороны без дублирования действующих норм.

Литература:

1. Федеральный закон от 12 февраля 1998 года № 28-ФЗ «О гражданской обороне» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 799.
2. Чириков А. Г., Джиоев С. С. Основные направления совершенствования нормативного правового пространства в области гражданской обороны // Актуальные вопросы оперативного управления мероприятиями РСЧС и ГО в территориальных органах управления и спасательных воинских формированиях МЧС России: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Химки: Академия гражданской защиты МЧС России, 2024. С. 301–307.
3. Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.09.2026).
4. Дронов А. В., Григорьев В. Н. Некоторые вопросы нормативного регулирования при осуществлении государственного надзора в области гражданской обороны // Технологии гражданской безопасности. 2024. Т. 21, № 2(80). С. 20–24.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 года № 1007 «О федеральном государственном надзоре в области гражданской обороны» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5394.
7. Федеральный закон от 23 июля 2025 года № 240-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданской обороне» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 30. Ст. 4127.
8. Дуганов В. А., Назаренко Е. К. Развитие гражданской обороны: анализ изменений, внесенных в Федеральный закон от 12 февраля 1998 года № 28-ФЗ «О гражданской обороне» // Технологии гражданской безопасности. 2025. Т. 22, № 4(86). С. 7–21.

Окончание предварительного следствия: исторический аспект

Галямова Алиса Ахатовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Миролюбов Сергей Леонидович, кандидат юридических наук, доцент
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье рассматривается историческое становление института окончания предварительного следствия с обвинительным заключением в российском уголовном процессе. Сделан вывод о том, что современный порядок окончания предварительного следствия сложился в результате последовательной эволюции отечественного уголовно-процессуального законодательства и основан на сочетании задач уголовного преследования с обеспечением прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, предварительное следствие, окончание предварительного следствия, обвинительное заключение, судебная реформа 1864 года.*

Completion of the preliminary investigation: historical aspect

Galyamova Alisa Akhatovna, master's student
Scientific advisor: Mirolyubov Sergey Leonidovich, candidate of sciences in law, associate professor
Kazan Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev

This article examines the historical development of the institution of concluding a preliminary investigation with an indictment in Russian criminal proceedings. It concludes that the modern procedure for concluding a preliminary investigation has evolved through the consistent evolution of Russian criminal procedural legislation and is based on combining the objectives of criminal prosecution with ensuring the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: *criminal proceedings, preliminary investigation, concluding a preliminary investigation, indictment, judicial reform of 1864.*

Исследование современного процессуального порядка окончания предварительного следствия с обвинительным заключением невозможно без обращения к историко-правовым предпосылкам формирования данного института. Исторический анализ позволяет установить закономерности развития представлений о назначении предварительного расследования, процессуальном положении обвиняемого, функциях прокурора, формах судебного контроля и значении итогового обвинительного документа. Институт окончания предварительного следствия складывался одновременно с развитием отечественной модели уголовного судопроизводства и в настоящее время сохраняет черты, обусловленные предшествующими этапами развития российского права.

В дореформенный период российский уголовный процесс преимущественно носил розыскной характер. Производство по уголовным делам отличалось соединением в деятельности государственных органов функций расследования, обвинения и разрешения дела. Участие лица, привлекаемого к ответственности, в доказывании было существенно ограничено, а письменные материалы расследования имели решающее значение при принятии итогового решения. Следствие по существу понималось как деятельность власти по выявлению обстоятельств преступления и лица, его совершившего, без полноценного процессуального равенства сторон [6, с. 122].

Существенные изменения были связаны с Судебной реформой 1864 г. и принятием Устава уголовного судопроизводства. Данная реформа закрепила более последовательное разграничение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, ввела институт судебного следователя, а также усилила значение суда и прокурорского надзора в уголовном процессе. Предварительное следствие стало рассматриваться как самостоятельная стадия, предназначенная для собирания и проверки доказательств до передачи дела в суд. Именно в этот период формируются предпосылки современного понимания окончания следствия как процессуального перехода от расследования к судебному разбирательству.

В то же время дореволюционная модель не являлась в полной мере состязательной в современном смысле. Судебный следователь занимал особое положение: он был призван действовать объективно, собирая как обвинительные, так и оправдательные доказательства. Итоговые материалы расследования направлялись прокурору, который оценивал достаточность оснований для поддержания обвинения в суде. Тем самым уже в законодательстве второй половины XIX века прослеживается конструкция, близкая к современному порядку: завершение расследования, подготовка итогового процессуального документа, проверка дела прокурором и передача дела в суд [7, с. 87].

Значение судебной реформы 1864 г. состоит также в том, что она закрепила идею предварительного расследования как вспомогательной по отношению к суду деятельности. Следователь не разрешал вопрос о виновности

лица окончательно, а лишь создавал доказательственную основу для будущего судебного рассмотрения. Эта идея сохраняет актуальность и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве: обвинительное заключение не является судебным актом и не предрешает вывод суда о виновности обвиняемого.

После Октябрьской революции 1917 г. система органов расследования и уголовного судопроизводства была существенно преобразована. Ранние советские нормативные акты формировались в условиях отказа от значительной части дореволюционных институтов. Однако объективная потребность в предварительном установлении обстоятельств преступления, выявлении лиц, причастных к его совершению, и подготовке материалов для судебного рассмотрения обусловила сохранение и дальнейшее развитие предварительного расследования.

Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 [2] и 1923 [3] гг. закрепили советскую модель предварительного следствия, в которой значительное место занимали органы дознания, следователи и прокуратура. Предварительное следствие в указанный период было тесно связано с задачей борьбы с преступностью и охраны интересов государства. Вместе с тем постепенно развивались процессуальные формы привлечения лица в качестве обвиняемого, предъявления обвинения, производства следственных действий и направления дела в суд.

Особое значение для дальнейшего развития института имело принятие УПК РСФСР 1960 г. [4] Кодекс достаточно подробно регламентировал окончание предварительного следствия. В частности, были закреплены процедуры объявления обвиняемому об окончании следствия, предъявления материалов уголовного дела для ознакомления обвиняемому и защитнику, разрешения ходатайств, составления обвинительного заключения и направления дела прокурору. По существу именно в УПК РСФСР 1960 г. получила нормативное оформление конструкция, которая в модернизированном виде была воспринята УПК РФ 2001 г. [1]

Следует учитывать, что уголовный процесс советского периода имел преимущественно публичный характер. Центральное место занимала деятельность государственных органов, а права личности обеспечивались в рамках иной правовой и политической модели. Возможности стороны защиты на стадии окончания расследования были существенно уже, чем в настоящее время. В частности, не всегда обеспечивались равные условия для ознакомления с материалами дела и участия в формировании доказательственной базы. Впоследствии развитие конституционных гарантий, института адвокатуры и судебного контроля потребовало пересмотра подходов к обеспечению прав личности в досудебном производстве.

Важным этапом развития российского уголовного процесса стало принятие Конституции РФ 1993 г. Конституционные положения о признании и гарантировании прав и свобод человека и гражданина, судебной защите, презумпции невиновности, состязательности и равноправии сторон оказали принципиальное влияние на содержание уголовно-процессуального регулирования. Окончание предварительного следствия стало рассматриваться не просто как завершающий организационный этап работы следователя, но и как совокупность процессуальных гарантий, обеспечивающих обвиняемому возможность знать содержание обвинения, ознакомиться с доказательствами стороны обвинения, заявить ходатайства и подготовиться к судебной защите.

Действующий УПК РФ, вступивший в силу с 1 июля 2002 г., сохранил предварительное следствие в качестве одной из форм предварительного расследования. При этом законодатель более детально закрепил права участников уголовного судопроизводства в завершающей части расследования. В частности, ст. 215–219 УПК РФ устанавливают порядок уведомления участников об окончании следственных действий, ознакомления с материалами уголовного дела, разрешения заявленных ходатайств и предъявления дополнительных материалов. Статьи 220–222 УПК РФ регулируют составление обвинительного заключения, направление уголовного дела прокурору и решения прокурора по поступившему делу.

Современное понимание окончания предварительного следствия формируется под влиянием двух взаимосвязанных тенденций. Первая связана с необходимостью обеспечить эффективность уголовного преследования, соблюдение разумных сроков расследования и надлежащее качество направляемых в суд уголовных дел. Вторая обусловлена последовательным расширением процессуальных гарантий личности, обеспечением права на защиту, состязательности, права потерпевшего на доступ к правосудию и судебного контроля за соблюдением законности.

В современной юридической литературе обращается внимание на то, что окончание предварительного следствия не следует отождествлять исключительно с моментом подписания обвинительного заключения. Оно включает комплекс действий следователя, направленных на принятие итогового процессуального решения, извещение участников процесса, реализацию ими права на ознакомление с материалами дела, рассмотрение ходатайств, устранение выявленных недостатков и подготовку дела для прокурорской проверки [5, с. 38].

Исторически сформировавшаяся связь окончания предварительного следствия с деятельностью прокурора сохраняет принципиальное значение. Прокурор не осуществляет предварительное расследование вместо следователя, однако проверяет законность и обоснованность решения о направлении дела в суд. В этом проявляется особая роль прокуратуры как органа, обеспечивающего надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, а также поддерживающего государственное обвинение в суде.

Современный этап развития института характеризуется усложнением уголовных дел, увеличением объема

цифровой информации, использованием электронных носителей доказательств, необходимостью обеспечения доступа участников процесса к материалам в электронном виде. Эти обстоятельства обусловливают потребность в дальнейшем совершенствовании порядка окончания предварительного следствия. Вместе с тем основные исторически сложившиеся элементы института сохраняются: принятие следователем решения о завершении расследования; обеспечение права сторон на ознакомление с материалами; подготовка обвинительного заключения; прокурорская проверка; направление дела в суд.

Таким образом, историческое развитие института окончания предварительного следствия показывает его эволюцию от преимущественно розыскной процедуры к процессуальному механизму, основанному на сочетании публичных интересов уголовного преследования и гарантий прав участников уголовного судопроизводства. Современная регламентация данного института является результатом длительного развития отечественного уголовно-процессуального права, воспринявшего отдельные достижения дореволюционной, советской и современной правовых моделей.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р. С. Ф. С. Р».) // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230 (утратило силу).
3. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р. С. Ф. С. Р». (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р. С. Ф. С. Р».) // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106 (утратило силу).
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592 (утратил силу).
5. Григорьева Н.В, Жамкова О. Е., Угольникова Н. В. Научный взгляд на понятие окончания предварительного следствия // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 36–39.
6. Сагалаков Э. А. Развитие органов дознания и предварительного следствия в истории права России // Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 23 апреля 2026 года. Абакан: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2026. С. 121–122.
7. Суханова К. А. Органы предварительного следствия России: исторические аспекты возникновения и становления // Современная наука и образование: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 марта 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 86–88.

Принципы и гарантии обеспечения законности

Германов Александр Александрович, студент
Научный руководитель: Полонский Дмитрий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Научная статья посвящена исследованию теоретико-правовых основ, нормативных принципов и юрисдикционных гарантий законности в системе государственного контроля (надзора) Российской Федерации. Автор анализирует эволюцию контрольно-надзорного законодательства, разграничивает правовые дефиниции «контроль» и «надзор», а также раскрывает практическое содержание концепции «хорошей администрации». В статье рассматриваются трехстадийная система специально-юридических гарантий, надзорная деятельность органов прокуратуры и превентивные механизмы профилактики нарушений.

Ключевые слова: *государственный контроль, административный надзор, законность, принципы хорошей администрации, соразмерность, гарантии законности, прокурорский надзор, индикаторы риска.*

Трансформация государственного управления в Российской Федерации преобразила характер контрольно-надзорных процедур. Принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» зафиксировало смену приоритетов административного воздействия [1]. Законодатель сместил вектор от карательных проверок в сторону профилактики нару-

шений обязательных требований и управления рисками причинения вреда [7, с. 581; 8, с. 1414].

Укрепление правопорядка требует строжайшего соблюдения норм административного процесса. Нарушения процедурных правил инспекторами, неполное выравнивание властных правомочий и частных интересов, а также формализм применения риск-ориентированной модели снижают уровень общественного доверия к структурам исполнительной власти [5, с. 4; 11, с. 2]. Названные обстоятельства обусловливают необходимость комплексного теоретического анализа нормативных принципов и юрисдикционных гарантий законности в этой сфере публично-правовых отношений.

Законность характеризует степень развитости правовой системы и определяет границы властного вмешательства государства в сферы жизнедеятельности граждан и организаций [5, с. 6; 10, с. 128]. Отечественная правовая мысль трактует данную категорию в трех нормативных измерениях:

— Руководящий ориентир функционирования государственных органов и должностных лиц [5, с. 7];

— Общественно-политический режим строгого правопорядка [10, с. 129];

— Всеобщее требование неукоснительного выполнения нормативных актов всеми участниками правоотношений [5, с. 8; 10, с. 129].

В сфере публичной администрации законность устанавливает предел полномочий проверяющих лиц. Нормативное регулирование обязывает властные структуры действовать строго в рамках предоставленной компетенции по официально прописанным правилам [11, с. 3]. Профессиональная дисциплина служащих выступает нормативным проводником законности, претворяя правовые предписания в ежедневную служебную практику [11, с. 3].

Ввод в действие Закона № 248-ФЗ нормативно укрепил систему принципов «хорошей администрации», заимствованную из современной доктрины публичного управления [6, с. 73; 9, с. 221]. Нормы главы 2 названного закона перевели базовые установки из категории абстрактных идей в статус прямых регуляторов административных правоотношений [6, с. 75]:

1. Принцип законности и обоснованности (ст. 7). Обязывает проводить мероприятия исключительно по нормативным актам, выносить мотивированные решения и соблюдать пределы компетенции [6, с. 76; 9, с. 222]. Концептуально принцип опирается на верховенство закона (*Vorrang des Gesetzes*) и обязательность законодательного основания обременяющих действий (*Vorbehalt des Gesetzes*) [6, с. 77].

2. Принцип соразмерности вмешательства (ст. 9). Ограничивает властное принуждение, предписывая соответствие проверяющих действий потенциальному вреду охраняемым законом ценностям [6, с. 81]. Проверка пропорциональности включает оценку пригодности мер, их необходимости и сопоставления финансовых издержек проверяемого лица с предотвращаемым ущербом [6, с. 82].

3. Принцип стимулирования добросовестности (ст. 8, 23, 48). Перевел презумпцию добросовестности в практический правовой метод. Отсутствие нарушений со стороны организации учитывается при снижении категории риска и предоставляет право на поощрительные меры [2, с. 314; 6, с. 85].

4. Принцип запрета злоупотребления правом (ст. 11). Устанавливает запрет на использование инспекторами полномочий для препятствования работе объектов, а проверяемыми лицами — для затягивания контрольных процедур [6, с. 88].

Дискуссионным вопросом административного права остается соотношение понятий «контроль» и «надзор» [2, с. 313; 9, с. 220]. В академической среде сложились два исследовательских направления [9, с. 220]. Сторонники первой позиции рассматривают эти категории как синонимы, объединенные единой целью предупреждения правонарушений, что нашло отражение в понятийном аппарате Закона № 248-ФЗ [2, с. 313; 9, с. 221]. Представители второй позиции проводят разграничение по предмету и объему полномочий: контроль допускает оценку целесообразности действий объекта и право прямого вмешательства в его оперативно-хозяйственную деятельность, тогда как надзор ограничен установлением факта соблюдения или нарушения правовых норм без права вмешательства в текущие производственные процессы [7, с. 582; 9, с. 221].

Гарантии законности представляют собой комплекс нормативных условий, специализированных способов и институциональных средств, обеспечивающих неукоснительное исполнение правовых предписаний [5, с. 9; 10, с. 129]. Разделение гарантий по их юридической направленности включает четыре функциональные группы [10, с. 130]:

— Превентивные средства, предотвращающие отклонения от нормы до возникновения вредных последствий;

— Пресекательные средства, призванные оперативно прекратить начавшееся противоправное поведение;

— Восстановительные механизмы, компенсирующие ущерб и возвращающие стороны в первоначальное положение;

— Штрафные санкции, обеспечивающие реализацию мер административной и иной юридической ответственности [10, с. 130].

В контрольно-надзорном производстве специально-юридические гарантии действуют на всех трех этапах процедурного процесса [4, с. 101]:

— Стадия инициации и планирования. Гарантии законности проявляются в нормативном закреплении оснований проверок, утверждении ежегодных планов, процедурах согласования визитов и применении категорий риска [3, с. 64; 4, с. 101].

— Стадия непосредственного инспектирования. Права проверяемых лиц охраняются законодательным ограничением сроков проверки, запретом истребования сторонних документов, обязанностью предъявления ре-

квизитов служебных решений и привлечением нарушивших процедуру инспекторов к ответственности по статье 19.6.1 КоАП РФ [3, с. 65; 4, с. 102].

— Стадия подведения итогов и принятия решений. Процессуальная защита выражается в праве подачи письменных возражений на акт, процедурах досудебного и судебного оспаривания, а также отмене результатов проверки, проведенной с грубыми нарушениями установленных правил [4, с. 103].

В системе правозащитных способов обеспечение законности прокуратурой занимает ведущую позицию [3, с. 63; 8, с. 1415]. Предметом прокурорского надзора выступает исполнение законов федеральными министерствами, инспекциями и их должностными лицами [3, с. 64].

Придание прокурорам полномочий по формированию сводного плана проверок и санкционированию внеплановых мероприятий превратило прокуратуру в институциональный барьер против административного давления [3, с. 64; 8, с. 1416]. Надзорное ведомство администрирует Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ), без регистрации в котором любые проверки юридически ничтожны [3, с. 65].

Практика прокурорского реагирования подтверждается высокими статистическими показателями [3, с. 65; 8, с. 1417]:

— В ходе рассмотрения проектов планов проверок на 2024 и 2025 годы прокуроры отклонили до 70 % заявок контролеров, сохраняя инспектирование только для объектов высокой и чрезвычайно высокой опасности [3, с. 66];

— При обращении за санкциями на внеплановые визиты прокуроры отсеивают до двух третей обращений контролеров по причине отсутствия реальной угрозы вреда [3, с. 66; 8, с. 1418];

— Федеральный закон от 08.08.2024 № 192-ФЗ по инициативе Генеральной прокуратуры РФ пресек практику подмены контрольно-надзорных процедур протоколами органов внутренних дел [3, с. 67];

— Федеральный закон от 28.12.2024 № 540-ФЗ нормативно закрепил положения о моратории (Постановление Правительства РФ № 336), введя обязательное согласование с прокурором внеплановых документарных проверок и контроля за предписаниями [3, с. 68].

Развитие системы гарантий связано также с преобладанием профилактических процедур (профилактических визитов, консультирования, предостережений) над проверочными мероприятиями [7, с. 583; 8, с. 1419]. Названный подход уменьшает административную нагрузку на добросовестные организации [2, с. 315].

Совершенствование контрольно-надзорной сферы требует решения ряда актуальных задач [3, с. 69; 8, с. 1420]:

— Законодательное ограничение применения индикаторов риска на неопасных объектах проведением исключительно профилактических визитов [3, с. 70];

— Исключение формализма индикаторов риска путем внедрения четких математических параметров расхождения показателей деятельности [3, с. 70; 8, с. 1420];

— Введение механизмов приостановления предписаний при заключении соглашений об устранении нарушений под контролем прокурора [3, с. 71];

— Установление персональной юридической ответственности должностных лиц за нарушение принципов «хорошей администрации» для преодоления их нормативной декларативности [2, с. 315; 6, с. 91].

Таким образом, исследование теоретических основ, нормативных принципов и практики гарантирования законности позволяет сделать вывод о глубокой трансформации отечественного контрольно-надзорного права. Переход от силового инспектирования к превентивному регулированию и принципам «хорошей администрации» обеспечил нормативное укрепление правового статуса поднадзорных лиц. Разграничение функций контроля и надзора, развитие стадийной системы юридических гарантий, жесткий прокурорский фильтр над внеплановыми мероприятиями и цифровизация реестров образуют надежную основу поддержания правопорядка. Направлением дальнейшего развития публичного администрирования выступают преодоление формализма индикаторов риска и законодательное закрепление юридической ответственности за нарушение процедурных принципов законности.

Литература:

1. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 04.08.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/b36deb04ea24c7f479f9a2d58340ea49713115af/. — (дата обращения: 01.11.2026).
2. Беляев, Н. В. Принципы государственного контроля (надзора) / Н. В. Беляев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 48 (547). — С. 313–315.
3. Бут, Н. Д. Сохранение и развитие прокуратурой достигнутого уровня правовых гарантий предпринимателей в сфере государственного контроля (надзора) и муниципального контроля / Н. Д. Бут, Д. А. Егупов. — Текст: непосредственный // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2025. — № 2 (106). — С. 63–71.
4. Жеребцов, А. Н. Правовые средства обеспечения законности при проведении государственного контроля (надзора) / А. Н. Жеребцов. — Текст: непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2017. — № 3 (37). — С. 100–103.

5. Кожевников, В. В. Проблема гарантий законности и правопорядка в современной теоретико-правовой мысли: критический анализ / В. В. Кожевников. — Текст: непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2008. — № 4 (31). — С. 3–13.
6. Мицкевич, Л. А. Принципы «хорошей администрации» в сфере государственного контроля (надзора) / Л. А. Мицкевич, А. Ф. Васильева. — Текст: непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2022. — № 2 (49). — С. 72–93.
7. Оганнисян, Л. М. Государственный контроль и надзор в России: актуальное состояние и проблемы развития / Л. М. Оганнисян. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 51 (602). — С. 581–583.
8. Хусяйнова, С. Г. Вопросы обеспечения законности в сфере государственного контроля (надзора), муниципального контроля в Российской Федерации в современных условиях / С. Г. Хусяйнова, М. Н. Кузнецов. — Текст: непосредственный // Baikal Research Journal. — 2024. — Т. 15, № 4. — С. 1413–1421.
9. Цветкова, Е. Ф. Понятие и принципы государственного контроля (надзора) / Е. Ф. Цветкова. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2023. — Т. 2, № 10 (67). — С. 220–224.
10. Чомаев, А. А. Обеспечение законности на современном этапе / А. А. Чомаев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 26 (212). — С. 128–130.
11. Юрко, Д. Д. Обеспечение законности и дисциплины в государственном управлении: научные основы и цифровые технологии / Д. Д. Юрко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 44 (647). — С. 1–5.

Трансформация правового механизма обеспечения национальной безопасности России в современных геополитических условиях

Германов Александр Александрович, студент
Научный руководитель: Комнатная Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена исследованию процессов трансформации государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях обострения геополитических противоречий и проведения специальной военной операции. На основе анализа актуальных нормативных правовых актов, обновленной Стратегии национальной безопасности 2021 года и новейших научных исследований рассматривается эволюция публично-правовых институтов. Внимание уделено укреплению приоритета национального права над международными обязательствами, корректировке уголовно-правовых норм по защите суверенитета, установлению особых административно-правовых режимов в приграничных субъектах, а также консолидации усилий органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере сбережения народа и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: *национальная безопасность, геополитическая нестабильность, Стратегия национальной безопасности, суверенитет, специальная военная операция, правовые режимы, уголовная политика, сбережение народа, традиционные ценности.*

Начало XXI века ознаменовалось кардинальной перестройкой всей архитектуры международных отношений, сопровождающейся разрушением привычных балансов и эскалацией глобальной нестабильности [3, с. 41]. События последних лет убедительно демонстрируют, что внешнее давление на Российскую Федерацию принимает комплексный, гибридный характер [4, с. 14]. Международно-правовые договоренности, создававшиеся десятилетиями для поддержания всеобщей безопасности, утрачивают действенность под воздействием односторонних санкционных мер и попыток формирования однополярного правопорядка [1, с. 29].

Затяжной геополитический конфликт и проведение специальной военной операции детерминировали необходимость оперативной адаптации отечественной системы публичного управления к качественно новым рискам [4, с. 13]. Возникающие опасности затрагивают фундамент российской государственности, требуя формирования упреждающей системы защиты национального суверенитета и территориальной целостности [2, с. 192]. В сложившейся обстановке исследование направлений модернизации юридического механизма обеспечения национальной безопасности приобретает первостепенное научное и практическое значение.

Фундаментальный импульс обновлению доктринально-правовых оснований государственной безопасности дала конституционная реформа 2020 года [1, с. 30]. Закрепление в Основном Законе страны положений о защите суверенитета, поддержании гражданского мира, а также включение вопросов цифровой безопасности

и оборота данных в ведение Федерации предопределило вектор дальнейшего законодательного развития [1, с. 30; 11, с. 36]. Новая редакция Стратегии национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400, зафиксировала тесную взаимосвязь между защитой государства и социально-экономическим развитием общества [1, с. 30; 9, с. 12].

Первостепенной целевой установкой государственного планирования провозглашено сбережение народа России и развитие человеческого потенциала [1, с. 30; 9, с. 26]. Если прежние редакции стратегических документов ставили на первое место внешнеполитические и оборонные параметры, то Стратегия 2021 года ориентирована на внутренние драйверы устойчивости [9, с. 26; 8, с. 121]. Высший смысл государственного существования видится в гармоничном сочетании мощи страны и благополучия ее граждан [1, с. 30].

Принципиальным сдвигом в правовой политике стало окончательное обоснование верховенства национального конституционного права над международными договорами в сфере государственной безопасности [2, с. 192]. Нарастающая турбулентность международных институтов и деструктивные шаги недружественных государств побудили законодателя установить барьеры против автоматического исполнения актов заграничных органов, противоречащих Конституции РФ [2, с. 192; 10, с. 75]. Нормативное закрепление данного принципа в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике Верховного Суда РФ сформировало прочный суверенный заслон [2, с. 193].

Сопоставление прежней редакционной линии 2015 года с концепцией 2021 года наглядно показывает глубину произошедшего поворота [1, с. 30; 9, с. 26]. Прежний документ делал упор на внешнеполитическую обороноспособность и реагирование на сформировавшиеся угрозы [9, с. 26]. Обновленная же модель фокусируется на народосбережении, технологическом суверенитете и сбережении человеческого капитала [1, с. 30]. Ранее признаваемый приоритет международно-правовых установлений сменился концептуальным утверждением верховенства отечественной Конституции [2, с. 192]. Ведомственная разрозненность органов власти уступила место полноценной консолидации государственных структур и институтов гражданского общества [1, с. 31].

Практическая реализация новой парадигмы безопасности потребовала существенного обновления репрессивного и предупредительного законодательства [2, с. 191]. Динамика изменений Уголовного кодекса РФ указывает на устойчивый вектор усиления ответственности за посягательства на основы конституционного строя и государственную безопасность [2, с. 191; 8, с. 58]. Законодатель расширил составы преступных деяний в главе 29 УК РФ, установив жесткие санкции за дискредитацию Вооруженных Сил РФ, публичные призывы к антигосударственной деятельности и конфиденциальное сотрудничество с иностранными структурами [2, с. 193].

Возобновление применения конфискации имущества по делам о преступлениях против безопасности государства служит мощным материальным сдерживающим фактором [2, с. 196]. Анализ судебной практики свидетельствует о росте числа приговоров по статьям о государственной измене и шпионаже, что отражает активизацию работы правоохранительной системы в ответ на действия зарубежных спецслужб [2, с. 196].

Особые условия, вызванные проведением специальной военной операции, потребовали использования специфических юридических режимов [4, с. 14; 10, с. 23]. Введение военного положения на территориях новых субъектов Российской Федерации и режима среднего уровня реагирования в приграничных регионах позволило оперативно перераспределить полномочия органов власти [4, с. 14; 8, с. 55]. Местные администрации получили права по усилению охраны критической инфраструктуры, ограничению движения транспорта, формированию отрядов территориальной обороны и досмотровым мероприятиям [4, с. 14].

Параллельно происходит адаптация документов высшего стратегического порядка. Корректировка ядерной доктрины РФ в конце 2024 года отразила опыт противостояния гибридным угрозам, зафиксировав право на ядерное сдерживание в отношении неядерных государств, допускающих использование своей территории для агрессии со стороны третьих сил [4, с. 14].

Успешное функционирование системы безопасности немыслимо без слаженной координации государственных органов и широкой поддержки со стороны населения [1, с. 31; 12, с. 22]. Механизм управления под руководством Президента РФ и при координирующей роли Совета Безопасности РФ объединяет усилия министерств, ведомств и региональных властей [1, с. 31; 9, с. 40; 12, с. 122]. При этом Стратегия 2021 года впервые четко включила институты гражданского общества в число участников обеспечения безопасности [1, с. 31].

Институциональная архитектоника отечественной системы безопасности построена по четкому иерархическому принципу [1, с. 31; 12, с. 122]. Верхний уровень руководства занимает Президент Российской Федерации, определяющий стратегические векторы и утверждающий базовые документы планирования [1, с. 31; 9, с. 40]. Координационную функцию выполняет Совет Безопасности РФ, обеспечивающий глубокий анализ обстановки и выработку решений по нейтрализации угроз [12, с. 122]. Непосредственное исполнение возложено на государственные силы и средства — Вооруженные Силы РФ, органы безопасности (ФСБ России), органы внутренних дел (МВД России) и силовые ведомства [1, с. 31; 8, с. 11]. Низовой, но фундаментальный уровень образует негосударственная подсистема, включающая институты гражданского общества, волонтерские и казачьи объединения, а также граждан страны [1, с. 31; 8, с. 154].

Народные дружины, казачество, волонтерские объединения и общественные организации правоохрани-

тельной направленности оказывают содействие органам внутренних дел в поддержании правопорядка и профилактике правонарушений [1, с. 31; 8, с. 154]. Подобный синтез государственного руководства и общественной инициативы создает надежную основу для предотвращения внутренних социальных и этноконфессиональных конфликтов [1, с. 31; 12, с. 149].

Составной частью национальной защищенности признается сохранение духовного суверенитета страны [7, с. 277]. В условиях массированной информационной войны, направленной на насаждение чуждых ценностей и размывание исторической памяти, охрана культуры и традиционных духовно-нравственных ориентиров возведена в ранг государственного приоритета [7, с. 278; 8, с. 277]. Закрепление Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 Основ государственной политики по сохранению традиционных ценностей установило нормативный заслон на пути деструктивного идеологического воздействия [8, с. 277].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что трансформация правового механизма обеспечения национальной безопасности России носит глубокий, системный характер. Изменения охватывают все уровни нормативного регулирования — от конституционных положений и концепций стратегического планирования до норм уголовного, административного и специального законодательства. Главный вектор происходящей эволюции заключается в укреплении государственного суверенитета, установлении приоритета национального права, переориентации системы на сбережение народа, а также оперативном внедрении специальных правовых режимов в ответ на внешние вызовы. Сочетание высокой готовности силовой составляющей государства с консолидацией гражданского общества и защитой традиционных духовно-нравственных ценностей обеспечивает надежный заслон против любых форм гибридной агрессии, гарантируя устойчивое развитие Российского государства в изменяющемся мире.

Литература:

1. Воронов, А. М. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021: анализ правовых новаций / А. М. Воронов. — Текст: непосредственный // Научный портал МВД России. — 2022. — № 1 (57). — С. 29–35.
2. Залетова, Т. А. Государственная безопасность как уголовно-правовой приоритет: современные тенденции российского законодательства / Т. А. Залетова, Н. А. Сидоркина. — Текст: непосредственный // Уголовно-правовые науки. — 2025. — № 3. — С. 191–199.
3. Аюпов, А. Р. Геополитика России в вопросах национальной, общественной и правоохранительной безопасности человека, общества и государства в свете политических и геополитических тенденций международного развития государственности XXI века / А. Р. Аюпов, А. В. Майоров. — Текст: непосредственный // Вестник экономики, управления и права. — 2024. — Т. 17, № 4. — С. 41–51.
4. Никифоров, Н. С. Политико-правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции на Украине / Н. С. Никифоров, А. А. Курасов, Г. А. Савелов, Г. П. Калач. — Текст: непосредственный // Международный научный журнал. — 2025. — № 2. — С. 13–17.
5. Сексте, Я. А. Правовое обеспечение национальной безопасности РФ: основные направления, состояние и тенденции развития / Я. А. Сексте, И. Л. Ляпин. — Текст: непосредственный // Ленинградский юридический журнал. — 2019. — № 3 (53). — С. 73–78.
6. Алексеев, С. Н. Военная доктрина Российской Федерации: современное состояние и перспективы / С. Н. Алексеев. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. — 2023. — С. 15–21.
7. Кузьмина, М. В. Охрана культуры и духовности общества как компонент реализации охранительной функции государства в рамках Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / М. В. Кузьмина. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. — 2023. — С. 277–282.
8. Ефимцева, Т. В. Актуальные вопросы правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография / Т. В. Ефимцева, М. В. Кузьмина. — М.: ИНФРА-М, 2023. — 289 с. — Текст: непосредственный.
9. Зорин, В. М. Основы национальной безопасности: методическое пособие к курсу лекций / В. М. Зорин, П. Е. Голосов, А. В. Гыскэ, С. Н. Мореева. — М.: РАНХиГС, 2025. — 413 с. — Текст: непосредственный.
10. Овчинников, А. И. Основы теории национальной безопасности: учебное пособие / А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, А. Г. Кравченко. — М.: РИОР, 2014. — 252 с. — Текст: непосредственный.
11. Чеботарева, И. Ю. Государственно-правовое обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации: электронное учебное пособие / И. Ю. Чеботарева, Ф. Н. Удычак, З. А. Мамишева. — Майкоп: ЭлИТ, 2023. — 128 с. — Текст: электронный.
12. Прохожев, А. А. Общая теория национальной безопасности: учебник / А. А. Прохожев. — М.: Изд-во РАГС, 2005. — 344 с. — Текст: непосредственный.

Система законодательства о государственной гражданской службе: федеральные нормативные правовые акты о государственной службе, законодательство субъектов Российской Федерации по вопросам государственной службы

Германов Александр Александрович, студент
Научный руководитель: Полонский Дмитрий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена анализу двухуровневой конструкции законодательства о государственной гражданской службе Российской Федерации, объединяющей федеральные нормативные правовые акты и законотворческую практику субъектов РФ. На основе исследования конституционных положений, Федеральных законов № 58-ФЗ и № 79-ФЗ, а также эмпирических данных служебных проверок рассматриваются нормативные механизмы обеспечения служебной дисциплины. Раскрываются специфические проблемы разграничения компетенции между центральными и региональными органами власти, дублирования федеральных норм в областных кодифицированных актах и наличия процедурных коллизий при проведении служебных проверок и привлечении служащих к ответственности, включая коррупционные проступки. Сформулированы научно обоснованные предложения по уточнению понятийного аппарата и оптимизации процессуальной формы дисциплинарного производства.

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, служебное законодательство, законодательство субъектов РФ, служебная дисциплина, дисциплинарная ответственность, служебная проверка, коррупционный проступок, увольнение в связи с утратой доверия.*

Разграничение полномочий в сфере публичной службы выступает исходным ориентиром построения отечественной правовой системы. Согласно пункту «т» статьи 71 Конституции Российской Федерации, федеральная государственная служба, а равно установление ограничений для замещения государственных должностей и должностей службы находятся в ведении Российской Федерации [7, с. 6]. Принятие конституционных поправок 2020 года существенно укрепило публично-правовой статус гражданских служащих, закрепив нормативный запрет на наличие иностранного гражданства, вида на жительство за рубежом, а также на открытие счетов и хранение наличных денежных средств в иностранных банках [7, с. 6]. Данные конституционные требования сформировали вектор жесткой регламентации служебного поведения лиц, осуществляющих функции государства.

Система федеральных актов характеризуется строгой соподчиненностью. На вершине законодательной пирамиды находится Федеральный закон от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», определяющий базовые организационные построения публичной службы [1, с. 1]. Непосредственное регулирование профессиональной деятельности гражданских служащих осуществляет Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1, с. 1]. Статья 5 указанного закона закрепляет развернутый перечень источников служебного права, охватывающий Конституцию РФ, федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, акты федеральных органов исполнительной власти, а также региональное законодательство [1, с. 2].

В структуре Федерального закона № 79-ФЗ определяющее нормативное содержание отведено институту служебной дисциплины. Статья 56 определяет дисциплину как обязательное соблюдение служебного распорядка государственного органа и должностного регламента [1, с. 12; 3, с. 325]. Законодатель дифференцирует меры юридического воздействия, разграничивая общую дисциплинарную ответственность, регулируемую Трудовым кодексом РФ, и специальную дисциплинарную ответственность гражданских служащих [7, с. 4]. Перечень специальной ответственности включает замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии и увольнение со службы [1, с. 12; 7, с. 4].

Правовой анализ нормативных конструкций выявляет специфические характеристики отдельных взысканий. Э. Б. Хашагульгова и М. М. Дикажев подчеркивают двойственный характер предупреждения о неполном должностном соответствии: данная мера сочетает воспитательное воздействие, направленное на исправление поведения, с предупредительной функцией, информирующей о риске расторжения служебного контракта [7, с. 4]. Законодатель в 2013 году исключил из статьи 57 Федерального закона № 79-ФЗ наказание в виде освобождения от замещаемой должности [7, с. 5]. Указанная корректировка объясняется стремлением исключить субъективные трактовки со стороны представителя нанимателя, когда освобождение от должности использовалось для ухода от увольнения виновного лица или для смещения неугодных сотрудников [7, с. 5].

Регулирование отношений на гражданской службе субъектов Российской Федерации опирается на положения статьи 72 Конституции РФ, относящие вопросы организации службы к совместному ведению [4, с. 34]. Статья 4 Федерального закона № 79-ФЗ провозглашает принцип единства правовых и организационных основ

федеральной службы и службы субъектов РФ [1, с. 2]. В этой связи базовые институты прохождения службы устанавливаются на федеральном уровне, тогда как региональному законодателю доверена детализация норм с учетом территориальной специфики [4, с. 34].

Изучение нормативных актов субъектов РФ позволяет вычленить две основные концепции регионального законотворчества [4, с. 34]. Первая концепция состоит в принятии объемных кодифицированных актов, объединяющих нормотворческий материал федерального и регионального уровней. Иллюстрацией служит Закон Омской области от 22 декабря 2004 года № 601-ОЗ «Кодекс о государственных должностях Омской области и государственной гражданской службе Омской области» [4, с. 34]. Н. И. Петренко отмечает изъяны подобной практики, выражающиеся в нецелесообразном дублировании норм федеральных законов и небесспорном объединении правового статуса лиц, замещающих государственные должности, и гражданских служащих [4, с. 34–35].

Второй подход ориентирован на принятие точечных законов субъекта РФ, регулирующих узкий круг вопросов региональной компетенции [4, с. 34]. Подобные акты получают названия «О некоторых вопросах гражданской службы» или «О регулировании отношений в области гражданской службы» [4, с. 34]. Научные изыскания подтверждают целесообразность закрепления отдельных процедур посредством законов и подзаконных актов субъекта РФ, утверждающих реестры должностей, порядок формирования кадрового резерва, квалификационные требования к стажу и условия выплаты денежного содержания [4, с. 35].

Проблема построения стройной системы региональных актов усложняется медленными темпами обновления нормативной базы на федеральном уровне. Н. И. Петренко указывает, что в ряде регионов функции органов управления гражданской службой возложены на аппараты глав субъектов РФ либо региональные советы, поскольку специализированные структуры до сих пор не созданы [4, с. 35]. Автор обосновывает целесообразность принятия Федерального закона о статусе лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ, а также разработки целевой программы государственной поддержки реформирования региональной службы [4, с. 35–36].

Обеспечение соблюдения установленных правил поведения в государственных органах требует четкого процессуального регламента. Согласно исследованиям Я. А. Волынчук и Э. В. Королёвой, служебная дисциплина выступает организующим началом, упорядочивающим внутриведомственные отношения [2, с. 257]. Нарушение служебного распорядка влечет возбуждение дисциплинарного производства, главным этапом которого становится служебная проверка [2, с. 259–261]. Проведение проверки позволяет всесторонне изучить обстоятельства совершения проступка, установить степень вины и выработать обоснованные рекомендации для представителя нанимателя [2, с. 262–263].

Практика проведения служебных проверок в Департаменте государственной гражданской службы и кадров администрации Приморского края за 2013–2017 годы показывает динамичный рост числа проведенных расследований [2, с. 267–268]. За указанный пятилетний период проведен 1271 учетный процесс, по результатам которого наложено 373 дисциплинарных взыскания [2, с. 268]. Число проведенных проверок увеличилось со 161 в 2013 году до 348 в 2017 году [2, с. 268]. Авторы объясняют такую тенденцию увеличением представлений прокуратуры, ростом числа служебных записок руководителей подразделений и повышением активности граждан [2, с. 268–269].

Статистический анализ приморского опыта раскрывает интересную особенность: при росте числа проверок в 2017 году зафиксировано резкое падение количества наложенных взысканий — до 50 случаев против 97 в 2016 году (снижение составило 55,3 %) [2, с. 268, 272]. Указанный сдвиг свидетельствует об укреплении превентивного воздействия проверок и реальном сокращении числа тяжелых правонарушений [2, с. 270–272]. При этом доля решений о неприменении взыскания при установленной вине служащего выросла с 59 в 2013 году до 101 в 2017 году, что объясняется квалификацией проступков как незначительных либо наличием технических ошибок [2, с. 268–269].

Вместе с тем процессуальный порядок привлечения к ответственности содержит ряд нормотворческих коллизий. Д. Э. Кыргыс указывает на противоречие между пунктом 2 статьи 58 Федерального закона № 79-ФЗ, устанавливающим обязательность служебной проверки перед наложением взыскания, и пунктом 1 статьи 59 того же закона, где проверка ставится в зависимость от решения представителя нанимателя либо заявления служащего [3, с. 327]. Для устранения процедурных задержек Д. Э. Кыргыс предлагает закрепить в законе упрощенный порядок применения взыскания без проведения служебной проверки в случаях, когда совершение незначительного проступка очевидно и виновный не отрицает своей вины [3, с. 328].

Другая исследовательская проблема касается концентрации дисциплинарных полномочий. Д. Э. Кыргыс, опираясь на научные труды М. В. Преснякова и С. Е. Чаннова, отмечает затруднительность реализации дисциплинарных мер единоличным руководителем ведомства [3, с. 329]. В качестве решения предлагается делегировать право наложения дисциплинарных взысканий (без права применения мер поощрения) непосредственным руководителям служащих с сохранением возможности обжалования решений представитель нанимателя [3, с. 329].

Особый субинститут служебного права образуют нормы о дисциплинарной ответственности за коррупционные проступки. А. В. Таталина определяет данную ответственность как форму административного принуждения, применяемую представителем нанимателя к служащему за нарушение антикоррупционных обязанностей [5, с. 185]. Нормативную основу образуют статьи 59.1, 59.2 и 59.3 Федерального закона № 79-ФЗ [1, с. 17–18; 5, с. 185]. Наложение взысканий за коррупционные нару-

шения опирается на результаты антикоррупционной проверки, проводимой специализированным кадровым подразделением [5, с. 186].

В законодательство 2023 года внесено новое положение (часть 2 статьи 59.1 79-ФЗ), допускающее освобождение служащего от ответственности за коррупционный проступок, если нарушение вызвано не зависящими от него обстоятельствами [5, с. 185]. При этом служащий обязан в течение трех рабочих дней уведомить о произошедшем комиссию по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов [5, с. 185–186]. Наряду с этим, законодатель установил возможность привлечения к ответственности до момента полного расторжения служебного контракта, включая период отработки после подачи заявления об увольнении по собственному желанию [5, с. 186].

Категорией самых строгих мер выступает увольнение в связи с утратой доверия, регламентированное статьей 59.2 Федерального закона № 79-ФЗ [1, с. 17–18; 5, с. 186]. Основаниями служат непредставление сведений о доходах и расходах, утаивание зарубежных счетов или непринятие мер по предотвращению конфликта интересов [5, с. 186]. Судебная практика кассационных судов общей юрисдикции подтверждает строгость подходов к спорам о восстановлении на службе [5, с. 186–187]. Однако А. В. Таталина подчеркивает необходимость соблюдения принципов разумности и справедливости: безусловное увольнение за непредставление уведомления о конфликте интересов без глубокого исследования вины служащего может приводить к перегибам, поскольку служащий может объективно не знать о возникших обстоятельствах [5, с. 187].

Дополнительные законотворческие проблемы отражены в трудах А. В. Фахрутдиновой. Исследователь отмечает отсутствие в Федеральном законе № 79-ФЗ легальных дефиниций служебного распорядка и примерного распорядка государственного органа, что заставляет ведомства копировать нормы обычного трудового права [6, с. 60]. Помимо этого, А. В. Фахрутдинова указывает на коррекцию формулировки статьи 57 закона: исчерпывающий перечень оснований для увольнения создает неверное впечатление, что прочие нарушения служебной дисциплины вообще исключают возможность применения высшей меры взыскания [6, с. 61].

Таким образом, действующая система законодательства о государственной гражданской службе образует сложносочиненную двухуровневую конструкцию. Федеральный пласт правового регулирования закладывает единые принципы и нормы специальной дисциплинарной ответственности, усилившиеся после конституционной реформы 2020 года. Региональное нормотворчество призвано уточнять федеральные установки, избегая избыточного дублирования и кодификационных ошибок.

Дальнейшая модернизация служебного законодательства требует устранения понятийных пробелов в Федеральном законе № 79-ФЗ, введения упрощенных процедур дисциплинарного производства по очевидным проступкам и оптимизации структуры дисциплинарных полномочий. Реализация названных мер позволит гармонизировать правовые основы государственной службы на федеральном и региональном уровнях, укрепив дисциплинарный режим и правопорядок в системе публичного управления.

Литература:

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 02.11.2026).
2. Волынчук, Я. А. Служебные проверки в государственных органах в системе обеспечения служебной дисциплины государственных гражданских служащих (на примере Департамента государственной гражданской службы и кадров администрации Приморского края) / Я. А. Волынчук, Э. В. Королёва. — Текст: непосредственный // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2018. — Т. 7, № 3 (24). — С. 304–308.
3. Кыргыс, Д. Э. Служебная дисциплина на государственной службе и правовые механизмы ее обеспечения / Д. Э. Кыргыс. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 45 (492). — С. 327–330.
4. Петренко, Н. И. Проблемы совершенствования правовых основ гражданской службы в субъектах Российской Федерации / Н. И. Петренко. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 7. — С. 34–36.
5. Таталина, А. В. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих за коррупционные проступки / А. В. Таталина. — Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 4 (232). — С. 185–187.
6. Фахрутдинова, А. В. Совершенствование российского законодательства о дисциплинарной ответственности на государственной гражданской службе / А. В. Фахрутдинова. — Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. — 2022. — № 5–3 (128). — С. 60–61.
7. Хашагульгова, Э. Б. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих в свете последних поправок в Конституцию Российской Федерации / Э. Б. Хашагульгова, М. М. Дикажев. — Текст: непосредственный // Юридический факт. — 2021. — № 1 (19). — С. 3–7.

Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы правового регулирования и правоприменения

Гончарова Анастасия Олеговна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются теоретические и правоприменительные проблемы допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются нормативные основания признания доказательств недопустимыми, соотношение процессуальной формы и юридической пригодности доказательственной информации. Особое внимание уделено разграничению существенных нарушений уголовно-процессуального закона и недостатков, не препятствующих проверке происхождения и содержания доказательства. Рассматриваются современные научные подходы и позиции Верховного Суда Российской Федерации. Обосновывается необходимость нормативного уточнения критериев оценки нарушений, влияющих на допустимость доказательств.

Ключевые слова: *доказательства, допустимость доказательств, уголовное судопроизводство, доказывание, недопустимые доказательства, процессуальная форма.*

Допустимость доказательств в российском уголовном судопроизводстве не сводится к формальной проверке правильности составления процессуального документа. Ее назначение состоит в определении правовых границ доказательственной деятельности: сведения могут соответствовать действительности и иметь отношение к обстоятельствам уголовного дела, однако утрачивают возможность процессуального использования, если способ их формирования несовместим с установленными законом гарантиями. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (далее — Конституция РФ) в части 2 статьи 50 запрещает использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона [1]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (далее — УПК РФ) конкретизирует данный запрет в части 1 статьи 75, связывая недопустимость с нарушением требований Кодекса [2].

Уже в соотношении этих предписаний обнаруживается проблема нормативной конструкции. Конституционный запрет сформулирован шире, поскольку охватывает нарушение федерального закона вообще, тогда как часть 1 статьи 75 УПК РФ указывает непосредственно на нарушение требований УПК РФ. Такое различие не позволяет толковать уголовно-процессуальную норму изолированно. Законность происхождения доказательственной информации должна оцениваться с учетом того, затронуло ли нарушение иной федеральной нормы предусмотренный УПК РФ порядок собирания и закрепления сведений, компетенцию субъекта либо процессуальные права участников. Иначе институт допустимости либо неоправданно сужается, либо превращается в средство исключения доказательств за любой дефект, не имеющий отношения к качеству процессуального доказывания.

Отсутствие в УПК РФ легального определения допустимости усиливает указанную неопределенность. Часть 1 статьи 88 УПК РФ закрепляет обязанность оценивать каждое доказательство в том числе с точки зрения допустимости, но содержание этого свойства раскрывается преимущественно через отрицательную конструкцию статьи 75 УПК РФ. Я. В. Гордей обоснованно отмечает, что «допустимость доказательств представляет собой подлежащее оценке свойство доказательственной информации» [6, с. 293]. Такой подход важен тем, что переносит внимание с внешнего наличия протокола на юридическую пригодность сведений, обусловленную источником, субъектом их получения, способом собирания и процессуальным закреплением.

Процессуальная форма при этом не должна противопоставляться установлению фактических обстоятельств дела. А. В. Смирнов пишет, что «средства и способы доказывания, которые обладают необходимой юридической формой, считаются допустимыми» [7, с. 22]. Однако из данного положения не следует равноценность всех нарушений формы. Несоблюдение права на защиту, получение сведений ненадлежащим субъектом или совершение действия, не предусмотренного уголовно-процессуальным законом, затрагивает сам механизм формирования доказательства. Опечатка либо иной технический недостаток документа, содержание и происхождение которого позволяют проверить обстоятельства получения сведений, по своей природе иным образом воздействует на доказательственную пригодность. Уравнивание этих ситуаций ведет либо к процессуальному формализму, либо к чрезмерному судебному усмотрению.

Именно здесь возникает наиболее спорный аспект правоприменения. Пункт 3 части 2 статьи 75 УПК РФ относит к недопустимым иные доказательства, полученные с нарушением требований Кодекса, не устанавливая критерия существенности нарушения. Вместе с тем пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» ориентирует суды, в частности,

на существенные нарушения порядка собирания и закрепления доказательств, получение их ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами [3]. Тем самым судебное толкование фактически вводит дифференциацию нарушений, прямо не выраженную в статье 75 УПК РФ. В. И. Крупницкая справедливо указывает, что «сложившаяся ситуация, связанная с законодательной регламентацией представляется не вполне совершенной и требует изменений в части определения критериев допустимости» [8, с. 105]. Проблема состоит не в самой дифференциации, а в отсутствии ее четкой законодательной основы.

Практическое значение этой неопределенности проявляется при разрешении ходатайств об исключении доказательств. Часть 4 статьи 235 УПК РФ возлагает на прокурора бремя опровержения доводов стороны защиты о получении доказательства с нарушением требований Кодекса. Пленум Верховного Суда РФ распространил данное правило и на судебное разбирательство. Следовательно, защита должна указать конкретное нарушение и обстоятельства, ставящие под сомнение допустимость, но после такой конкретизации именно сторона обвинения обязана подтвердить правомерность получения спорного доказательства. Формальный ответ суда без исследования характера нарушения противоречит смыслу указанного распределения процессуального бремени.

Показательна позиция Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном определении от 12.03.2026 № 92-УД25–5-К8. Нижестоящий суд отверг показания потерпевшей и свидетеля, данные при первоначальном рассмотрении уголовного дела, как недопустимые вследствие отмены оправдательного приговора. Верховный Суд РФ указал, что сама отмена судебного акта не делает полученные ранее показания недопустимыми, поскольку нарушений уголовно-процессуального закона, способных повлечь недействительность судебного разбирательства и протокола судебного заседания, установлено не было. Данная позиция обоснованно отделяет судьбу судебного решения от юридического качества доказательства: отмена приговора не является самостоятельным основанием утраты доказательством свойства допустимости [5].

Иной аспект прослеживается в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.10.2024 № 5-УД24–82-А1. Рассматривая доводы о нарушениях при назначении экспертизы судом апелляционной инстанции, Верховный Суд РФ признал допущенные нарушения несущественными и не являющимися основанием для отмены судебного решения. Такая оценка показывает фактическое использование критерия влияния процессуального дефекта на гарантии сторон и возможность проверки доказательственной информации. Вместе с тем перенос подобного критерия в сферу статьи 75 УПК РФ требует осторожности: категория существенности не должна служить универсальным оправданием отступлений от обязательной процессуальной формы, особенно когда затронуты право на защиту, компетенция субъекта или законность способа получения сведений [4].

Итак, действующая модель допустимости нуждается прежде всего не в расширении перечня недопустимых доказательств, а в нормативном уточнении критериев оценки нарушений. Законодательно оправданно разграничить дефекты, посягающие на конституционные права, надлежащий источник, компетенцию субъекта и установленный способ собирания доказательств, и недостатки, не препятствующие проверке происхождения и содержания сведений. Такое разграничение должно сопровождаться обязательной мотивировкой решения о допустимости каждого спорного доказательства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (ред. от 09.12.2025) // Российская газета. — 2017. — 29 декабря. — № 297.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.10.2024 № 5-УД24–82-А1 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2026 № 92-УД25–5-К8 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации.
6. Гордей Я. В. Недопустимость (непригодность) доказательств в уголовном процессе РФ: теория и судебная практика // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2024. — Т. 34, вып. 2. — С. 290–300.
7. Смирнов А. В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. — 2024. — № 3. — С. 20–23.
8. Крупницкая В. И. Допустимость доказательств и «иные» нарушения уголовно-процессуального закона // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2025. — № 2. — С. 104–111.

Результаты оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-процессуального доказывания

Горгинян Ованес Мисакович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье проанализированы правовые, теоретические и практические аспекты использования результатов ОРД в системе уголовно-процессуального доказывания. Обосновано доказательственное значение результатов ОРД при условии их легализации уголовно-процессуальными средствами, применяемыми субъектами доказывания в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, доказывание, доказательства, оперативная информация, оценка доказательств.*

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) играет исключительно важную роль в расследовании преступлений на любой стадии досудебного производства, начиная с доследственной проверки сообщения о преступлении, заканчивая раскрытием преступления и установлением лиц, причастных к его совершению. При этом в законодательстве и в правоприменительной практике отсутствует единообразное представление об основаниях и порядке использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании.

В законодательстве этот вопрос урегулирован неоднозначно. С одной стороны, в абз. 2 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] (Закон № 144-ФЗ) установлено, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам. С другой стороны, в ст. 89 УПК РФ [9] отражено противоположное общее правило, согласно которому в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Однако при более глубоком анализе положений Закона № 144-ФЗ и УПК РФ становится ясно, что уголовно-процессуальный закон все же допускает использование результатов ОРД в доказывании, но при соблюдении условия об их легализации процессуальными средствами, предусмотренными для доказательств. Поэтому в науке справедливо отмечается, что запрет на использование результатов ОРД в доказывании, предусмотренный ст. 89 УПК РФ, можно считать юридической фикцией, практическое значение которой в установлении фактов по делу, равно как и в защите прав личности, символично [1, с. 11].

В науке вопрос об уголовно-процессуальном статусе результатов ОРД относится к числу дискуссионных. Можно условно выделить три доктринальных подхода к определению роли результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании. Первый предполагает признание доказательственного статуса у результатов ОРД: в качестве уже имеющихся в УПК РФ видов доказательств (документов, аудио- и видеозаписи или вещественных доказательств) [2, с. 9] или в качестве отдельного вида доказательств наравне с другими предусмотренными законом видами доказательств [3, с. 9]. Согласно второму подходу, результаты ОРД не являются доказательствами [4, с. 45], поскольку оперативные сведения получены ненадлежащим субъектом собирания доказательств способом, который не предусмотрен УПК РФ. Третий подход нашел наибольшее распространение в современной науке. Он сводится к тому, что использование оперативной информации и сведений в качестве доказательств по уголовному делу возможно, но только при условии соответствия их требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам [5, с. 51].

Вывод о возможности использования результатов ОРД в доказывании при условии соблюдения процессуальной процедуры легализации следует и из правовых позиций Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал, что результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона № 144-ФЗ, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона. Данная позиция сформировалась еще в конце XX в. [10] и до сих пор отстаивается Конституционным Судом РФ в его современных решениях [11].

Таким образом, из содержания норм Закона № 144-ФЗ и УПК РФ, устоявшихся правовых позиций Конституционного Суда РФ и современных теоретических положений следует, что результаты ОРД сами по себе не являются доказательствами по уголовному делу, но могут обрести такой статус посредством уголовно-процессуальной деятельности субъекта доказывания.

Легализация результатов ОРД предполагает проверку и оценку предоставленной оперативной информации. Это означает, во-первых, что результаты ОРД становятся объектом проверки доказательств, осуществляемой следователем и другими субъектами доказывания. Результаты ОРД сопоставляются с другими доказательствами, выявляются противоречия между ними или, наоборот, единое доказательственное содержание, подтверждающее те или иные факты.

Во-вторых, результаты ОРД являются объектом оценки, которая отличается от традиционной оценки до-

казательств. Так, достаточность результатов ОРД не оценивается, ведь они не могут составлять единственное средство доказывания. Допустимость результатов ОРД предполагает своеобразную двойную оценку: соблюдения закона в части порядка осуществления ОРМ, а также в части порядка представления результатов ОРД следователю или в суд. Относимость, допустимость и достоверность результатов ОРД оцениваются всеми публичными субъектами уголовно-процессуального доказывания: следователем, дознавателем, прокурором и судом.

В настоящее время ОРД и уголовно-процессуальная деятельность не просто сочетаются, а тесно переплетены, и данное обстоятельство по-разному оценивается учеными. По мнению А. Г. Маркушина и Н. А. Аменицкой, объективная тенденция сближения оперативно-розыскной и процессуальной деятельности свидетельствует об усилении борьбы с транснациональной преступностью, организованными ее формами, коррупцией, наркопреступностью именно средствами негласной (оперативно-розыскной) деятельности [6, с. 158]. С точки зрения У. К. Дзабиева, уголовно-процессуальная деятельность существенным образом отличаясь от ОРД, в настоящее время подвергается острому давлению с ее стороны путем внедрения в процессуальное содержание оперативно-розыскных элементов, и сохранение этой тенденции может стать причиной для масштабных (революционных) изменений в основных институтах уголовного судопроизводства, всю значимость которых можно спрогнозировать и оценить негативно [7, с. 11].

Полагаем, переплетение ОРД и уголовно-процессуальной деятельности — неизбежный процесс, который обусловлен спецификой расследования преступлений, особенно тех из них, которые характеризуются высоким уровнем латентности. При этом сращивания ОРД и уголовно-процессуальной деятельности не происходит, о чем свидетельствует практика признания результатов ОРД доказательствами по уголовному делу, а также положения законодательства и разъяснения Конституционного Суда РФ в этой части.

В заключение отметим, что из содержания норм законодательства, правовых позиций Конституционного Суда РФ и современных теоретических положений следует, что результаты ОРД сами по себе не являются доказательствами по уголовному делу, но могут обрести такой статус посредством уголовно-процессуальной деятельности субъекта доказывания в форме проверки и оценки результатов ОРД по правилам, предусмотренным УПК РФ. Проведенный анализ показал, что проверка и оценка результатов ОРД как инструменты их легализации для использования в доказывании отличаются спецификой, обусловленной источниками оперативной информации и сущностью ОРД.

Литература:

1. Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020.
2. Кленов Д. И. Процессуальный порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании на досудебных стадиях производства по уголовным делам: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.
3. Вытовтов А. Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: по материалам уголовных дел экономической направленности: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Омск, 2020.
4. Щибря А. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном процессе России // Вестник магистратуры. 2019. № 8–1 (95).
5. Езерская А. И. Понятие доказательств, их свойств в контексте соотношения с результатами оперативно-розыскной деятельности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2023. № 2 (38).
6. Маркушин А. Г., Аменицкая Н. А. Оперативно-розыскная деятельность полиции в раскрытии и расследовании преступлений: учебник для вузов. М., 2025.
7. Дзабиев У. К. Использование следователем результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.
8. СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
9. СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 809-О // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=807925#fNX65WVE3PRVzXsd2.

Использование технологий искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений

Горгинян Ованес Мисакович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассмотрены правовые, теоретические и организационные аспекты использования технологий искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. Проанализированы законодательные нормы, регулирующие отношения в области использования искусственного интеллекта в современной России. На основе новейших научных исследований охарактеризованы основные перспективные направления использования технологий искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности. В ходе анализа выявлены проблемы и риски, сопровождающие процесс интеграции технологий искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность, предложены пути их решения.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, расследование преступлений, искусственный интеллект, цифровые технологии, информационное обеспечение.*

На сегодняшний день оперативно-розыскная деятельность (ОРД) является одним из основных инструментов выявления и раскрытия преступлений, но проблемы теоретического и прикладного характера, присущие ОРД, не позволяют в полной мере реализовать ее потенциал для целей противодействия преступности. В эпоху развития цифровых технологий ОРД остается достаточно консервативной деятельностью в методологическом аспекте. Степень информатизации и автоматизации ОРД в России не может быть признана достаточной и соответствующей современным тенденциям научно-технического прогресса.

Одним из перспективных направлений информатизации и автоматизации процессов ОРД видится использование технологий искусственного интеллекта (ИИ). Хотя данный вопрос в большей степени освещен применительно к работе следователя, в отдельных литературных источниках представлены конкретные направления использования возможностей ИИ именно в ОРД.

Так, И. С. Репин предлагает применять ИИ для стратегического планирования, построения логических моделей, отражающих вероятность развития оперативной обстановки в каком-либо регионе, на территории отдельной страны или ряда государств [1, с. 129].

Д. А. Веденкин считает перспективным использование ИИ как некого тренажера для оперативных сотрудников в области проведения опроса, который учитывает наличие оперативной информации об опрашиваемом, о его характере, вовлеченности в криминальный мир, особенностях личности и на этой основе выдает условно необходимую оперативную информацию [2, с. 1402].

С точки зрения В. А. Бессонова и О. А. Шутовой, ИИ способен идентифицировать латентные связи между преступлениями, совершенными в разных географических локациях, через обработку массивов данных, криминалистических баз и оперативных сводок [3, с. 37].

В дополнение к представленным научным позициям также следует отметить перспективу использования ИИ для составления типовых документов оперативного назначения, для оформления результатов ОРМ, создания стенограмм переговоров, которые в настоящее время формируются исключительно вручную и требуют от оперативного сотрудника существенных временных затрат.

В то же время внедрение ИИ в ОРД сопровождается рядом проблем и рисков, имеющих фундаментальное значение.

Во-первых, в настоящее время отсутствует достаточная правовая основа использования ИИ в ОРД и расследовании преступлений в целом. Несмотря на принятие Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [5], ставшего долгожданной правовой базой для определения статуса ИИ, в УПК РФ [6] и Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7] нет упоминания об ИИ, что затрудняет его легальное использование в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Во-вторых, абсолютное большинство действующих сотрудников оперативных подразделений не обладают дополнительными профессиональными знаниями и навыками, необходимыми для работы с ИИ, поскольку они имеют в большей степени технический характер и не связаны с оперативной подготовкой. Согласимся с мнением Е. В. Полянской, Д. В. Трофимова и И. М. Коротовой о том, что требуется подготовка и масштабирование количества оперативных сотрудников как высококлассных специалистов в сфере компьютерных, цифровых и информационных технологий, включая ИИ, за счет специализированной профподготовки [4, с. 148].

В-третьих, использование развитых зарубежных моделей ИИ в ОРД создает риск утечки информации, составляющей государственную тайну. В то же время в 2026 г. уже стала заметна тенденция обособления российских моделей ИИ. В новом законодательстве, посвященном ИИ, сделан акцент на развитие «суверенных и национальных больших фундаментальных моделей ИИ». Не являясь сторонниками полного ограничения

использования зарубежных моделей ИИ российскими гражданами и организациями для повседневных бытовых, коммерческих и иных нужд, следует признать необходимость использования отечественных технологий ИИ в тех сферах, которые действительно важны для обеспечения национальной безопасности, в том числе в ОРД.

В-четвертых, обществом неоднозначно воспринимается роль ИИ в юридически значимой деятельности. ИИ должен рассматриваться не как полноценный субъект деятельности, в том числе ОРД, а как инструмент, помощник человека в решении поставленных им задач. Учитывая, что ОРД предполагает ограничение конституционных прав граждан, внедрение ИИ должно быть осторожным и включать механизм контроля принимаемых решений посредством действий человека.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что внедрение ИИ в ОРД является перспективным направлением информатизации и автоматизации процессов оперативно-розыскной работы на современном этапе. Для реализации этого направления требуется разработка следующих мер правового и организационного характера:

1) введение в УПК РФ и Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» норм, устанавливающих основания, порядок и ограничения использования ИИ при производстве следственных действий и проведении ОРМ;

2) введение образовательного курса о технологиях ИИ при подготовке будущих сотрудников оперативных подразделений в профильных вузах, а также системное и повсеместное проведение обучающих семинаров для действующих сотрудников с обязательной аттестацией полученных знаний и навыков;

3) дальнейшее развитие правовой, организационной и технической базы для отечественных моделей ИИ, которые должны использоваться в целях правоохранительной деятельности;

4) установление четких критериев ответственности сотрудника оперативного подразделения за решения, принимаемые с использованием ИИ.

Литература:

1. Репин И. С. Перспективные направления использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 2.
2. Веденкин Д. А. Использование искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сборник научных статей XVII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках IV Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей» / сост. О. И. Городовая, О. С. Кравченко. СПб, 2024.
3. Бессонов В. А., Шутова О. А. Искусственный интеллект в оперативно-розыскной деятельности на современном этапе: технологии, вызовы и перспективы // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: материалы Межведомственной научно-практической конференции / сост. М. Л. Родичев, Е. А. Кургаев. СПб, 2025.
4. Полянская Е. В., Трофимов Д. В., Коротова И. М. Вопросы развития правового направления использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Философия права. 2026. № 1 (116).
5. СЗ РФ. 2026. № 30. Ст. 4089.
6. СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
7. СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

Правовая природа договора участия в долевом строительстве: дуализм потребительского и инвестиционного статуса дольщика

Горшкова Екатерина Анатольевна, студент магистратуры
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В работе исследуется правовая природа договора участия в долевом строительстве. Рассматривается положение дольщика-гражданина, которое сочетает признаки потребителя и инвестора. Проводится разграничение по цели заключения договора, характеру использования объекта, субъектному составу и поведению сторон. Анализируются нормы Федерального закона № 214-ФЗ, Закона РФ «О защите прав потребителей», Федерального закона № 39-ФЗ, а также подходы судебной практики. Уделяется внимание критериям квалификации, проблемам правовой неопределенности и предложениям по совершенствованию регулирования. Сделан вывод: дуализм статуса дольщика не отменяет императивных гарантий, но влияет на объем потребительской защиты. Квалификация зависит от обстоятельств конкретного дела.

Ключевые слова: *долевое строительство, дольщик, потребитель, инвестор, защита прав, 214-ФЗ, эскроу-счет, судебная практика.*

Договор участия в долевом строительстве представляет собой соглашение, в силу которого застройщик обязуется в предусмотренный договором срок своими силами или с привлечением других лиц построить многоквартирный дом или иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию передать соответствующий объект участнику долевого строительства, а участник обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию [3].

Такая конструкция закреплена в Федеральном законе от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ. Экономический смысл состоит в том, что гражданин или организация передают денежные средства застройщику до завершения строительства, а взамен получают право требования передачи помещения. Застройщик привлекает финансирование, дольщик рассчитывает получить объект, стоимость которого к моменту завершения работ может оказаться выше первоначальных вложений [11, с. 34]. В этом сочетаются признаки возмездного договора, направленного на передачу имущества, и элементы инвестиционной деятельности [12, с. 210].

Правовое положение дольщика не является однородным. Если гражданин приобретает жилое помещение для личных или семейных нужд, он выступает как потребитель [2]. Если объект приобретается для извлечения дохода, появляется инвестиционный признак [4]. Возникает вопрос о правовой природе договора. Ответ не может быть одинаковым для всех ситуаций. В одних случаях преобладает потребительская направленность, в других — инвестиционная. Это порождает дуализм статуса дольщика. Дуализм означает, что один и тот же субъект может иметь разные правовые качества в зависимости от цели, объекта, поведения и иных обстоятельств [13, с. 24]. Такое положение влияет на объем защиты, распределение рисков и применение норм [7, с. 112].

Нормативную основу образуют Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ), Федеральный закон № 214-ФЗ, Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей», Федеральный закон от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Специальный закон о долевом строительстве закрепляет требования к застройщику, порядок заключения договора, существенные условия, ответственность за нарушение сроков, гарантии качества [2]. В нем предусмотрены разрешение на строительство, проектная декларация, государственная регистрация договора, эскроу-счета [2]. Эти меры направлены на снижение рисков дольщиков и повышение прозрачности рынка [8, с. 45].

Закон о защите прав потребителей применяется, если гражданин приобретает товары, работы или услуги для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью [2]. Закон об инвестиционной деятельности определяет инвестора как субъекта, осуществляющего вложения и обладающего правами на результаты инвестиционной деятельности [4].

Соотношение этих норм не всегда очевидно. Специальный закон имеет приоритет в отношениях с застройщиком, но он не отменяет потребительские гарантии для граждан [5]. Инвестиционная составляющая также не исчезает, поскольку дольщик принимает риск, связанный со строительством, и рассчитывает на получение экономической выгоды [11, с. 56].

Таким образом, потребительский статус дольщика проявляется в том, что гражданин, приобретающий жилье для проживания, попадает в сферу действия Закона о защите прав потребителей [2]. Это дает ему право на получение необходимой и достоверной информации, на качество объекта, на возмещение убытков, на неустойку за нарушение срока передачи, на компенсацию морального вреда, на штраф за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований [2].

Потребительский статус основан на признании неравенства сторон. Застройщик является профессиональным участником рынка, обладает специальными знаниями, ресурсами и доступом к информации. Дольщик-гражданин выступает как более слабая сторона [7, с. 115]. Законодательство стремится выровнять положение, предоставляя дополнительные гарантии. Например, при нарушении срока передачи объекта дольщик может требовать неустойку в повышенном размере [3].

При существенных недостатках он вправе отказаться от договора и потребовать возврата средств [3]. Судебная практика подтверждает: если жилье приобретается для личных нужд, потребительские нормы применяются [5]. Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 28 июня 2012 года № 17 указал, что к отношениям по долевому строительству с гражданином применяется законодательство о защите прав потребителей в части, не урегулированной специальным законом [5]. Это означает, что потребительская защита не устраняется, а дополняет гарантии специального закона [6].

Однако потребительский статус не является безусловным. Если суд выявит предпринимательскую цель, защита может быть снята [6]. Критерии при этом не всегда ясны. Гражданин может приобрести несколько помещений, но не для продажи, а для членов семьи. Повторяемость сделок может указывать на бизнес, но сама по себе не решает вопрос. Требуется оценка всех обстоятельств [15, с. 26].

Инвестиционный статус дольщика проявляется в том, что он вкладывает средства на раннем этапе и принимает риск [11, с. 34]. Его интерес не сводится к удовлетворению

жилищной потребности. Он может рассчитывать на рост стоимости объекта, на последующую продажу или сдачу в аренду [12, с. 215]. В таком случае отношения приобретают черты инвестиционной деятельности [4].

Для юридических лиц инвестиционный характер более выражен. Организация приобретает объект для использования в предпринимательской деятельности или для получения дохода [9, с. 88]. Гражданин также может действовать как инвестор, если приобретает несколько объектов с целью извлечения прибыли [11, с. 56]. Тогда на него не распространяются некоторые потребительские гарантии. Например, штраф и компенсация морального вреда могут не применяться [6].

При этом инвестиционный статус не означает абсолютного исключения императивных норм специального закона [3]. Застройщик обязан соблюдать требования закона независимо от того, кто является дольщиком [3]. Гарантии по сроку передачи, качеству, ответственности сохраняются [3]. Различие состоит в объеме дополнительной защиты, которая связана с потребительским законодательством [5].

Сама инвестиционная деятельность регулируется Федеральным законом № 39-ФЗ [4]. Инвестор имеет права на результаты вложений, может требовать исполнения обязательств, участвовать в управлении проектом в пределах договора [4, ст. 5]. Но в долевом строительстве его положение определяется специальным законом [2, ст. 4]. Это создает сочетание публичных и частных начал [12, с. 304].

Разграничение потребительского и инвестиционного статуса проводится по нескольким признакам. Основные из них: цель заключения договора; характер использования объекта; количество объектов; субъектный состав; источник средств; повторяемость сделок; поведение сторон [15, с. 25]. Цель заключения договора имеет большое значение. Личные или семейные нужды указывают на потребителя [2]. Извлечение дохода указывает на инвестора [4].

Характер использования объекта также важен. Проживание говорит о потребительском интересе. Продажа или аренда свидетельствуют об инвестиционном интересе [11, с. 57]. Количество объектов может иметь значение. Одно помещение нередко связано с личной потребностью. Несколько объектов могут указывать на бизнес [6].

Субъектный состав не является решающим. Гражданин без статуса предпринимателя нередко признается потребителем. Организация или индивидуальный предприниматель могут быть признаны инвестором [15, с. 26]. Источник средств помогает понять цель. Личные накопления, кредит для личных нужд указывают на потребительский признак, а коммерческий кредит, средства бизнеса указывают на инвестиционный признак [10, с. 58].

Повторяемость сделок может свидетельствовать о предпринимательской деятельности: поведение сторон, переписка, реклама, условия договора, последующие действия помогают определить действительную цель. При этом ни один признак не является решающим. Суд оценивает совокупность доказательств [5]. Это создает гибкость, но одновременно порождает неопределенность, так как участники не всегда могут предвидеть, как будет квалифицирован их статус [15, с. 55].

Судебная практика также играет большую роль в определении статуса дольщика. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что гражданин, приобретающий жилье для личных нужд, является потребителем [5]. К нему применяются нормы о защите прав потребителей. Если же суд выявляет предпринимательскую цель, потребительские нормы не применяются [6].

В ряде дел суды отказывали в компенсации морального вреда и штрафе, когда видели, что гражданин приобрел несколько квартир для последующей продажи [6]. В других делах наличие нескольких объектов не помешало признать потребительский статус, если объекты предназначались для членов семьи. Это свидетельствует о значении конкретных обстоятельств.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о статусе индивидуального предпринимателя. Наличие статуса индивидуального предпринимателя не означает автоматически инвестиционный характер [15, с. 26]. Предприниматель может приобретать жилье для личного использования. И наоборот, гражданин без статуса индивидуального предпринимателя может вести инвестиционную деятельность. Суды оценивают цель, а не формальный статус [5]. Практика также показывает, что застройщик не вправе навязывать условия, ухудшающие положение потребителя [2]. Если такие условия включены в договор, они могут быть признаны недействительными. Это относится к срокам, качеству, ответственности [3]. Кроме того, инвестор в меньшей степени защищен императивными нормами, но общие требования добросовестности и справедливости сохраняются [1].

Кроме того, правовая неопределенность статуса дольщика создает проблемы. Гражданин может не знать, будет ли он признан потребителем или инвестором. Застройщик может использовать это для снижения ответственности [15, с. 57]. Суды вынуждены оценивать множество факторов, что увеличивает сроки рассмотрения дел.

Соответственно, для совершенствования регулирования можно предложить несколько мер:

1. Следует закрепить в законе презумпцию потребительского статуса для гражданина, если не доказано иное. Это упростит защиту слабой стороны;

2. Целесообразно определить критерии инвестиционной деятельности применительно к долевому строительству. Например, указать, что приобретение более трех объектов в течение года может рассматриваться как предпринимательская цель, если не доказано обратное;

3. Необходимо усилить гарантии для всех дольщиков независимо от статуса. Эскроу-счета, страхование, контроль за застройщиком снижают риски;

4. Следует развивать информационную открытость. Дольщик должен понимать последствия заключения договора;

5. Существенно обеспечить единообразие судебной практики. Обзоры Верховного Суда Российской Федерации помогают нижестоящим судам;

6. Баланс интересов требует также сохранения потребительской защиты для граждан, приобретающих жилье для личных нужд. В то же время инвестиционная деятельность должна иметь понятные правила. При этом смешение статусов не должно приводить к злоупотреблениям.

Таким образом, правовая природа договора участия в долевом строительстве не сводится к одной модели. Дольщик может быть потребителем, инвестором или сочетать качества. Квалификация, в свою очередь, зависит от цели, объекта, субъекта, поведения сторон. Потребительский статус обеспечивает защиту гражданина как слабой стороны, а инвестиционный статус отражает риск и доход.

Кроме того, дуализм не означает отрицание императивных гарантий специального закона. Он влияет на объем дополнительной защиты. Для устойчивого регулирования необходимо сохранять гарантии специального закона для всех дольщиков, применять Закон о защите прав потребителей при личной цели, учитывать инвестиционную цель при оценке злоупотреблений, развивать критерии разграничения в законе и практике.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
3. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 40.
4. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 9. — Ст. 1096.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 9.
6. Обзор судебной практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2014. — № 4.
7. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — Москва: Статут, 2002. — 1038 с.
8. Гражданское право: учебник: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. — Москва: Статут, 2019. — Т. 1. — 576 с.
9. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. — Москва: Статут, 2003. — 494 с.
10. Козлова, Е. Б. Договор участия в долевом строительстве: правовая природа и место в системе гражданско-правовых договоров / Е. Б. Козлова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2008. — № 8. — С. 23–29.
11. Майфат, А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования / А. В. Майфат. — Москва: Волтерс Клувер, 2006. — 328 с.
12. Романец, Ю. В. Система договоров в гражданском праве России / Ю. В. Романец. — Москва: Юристъ, 2001. — 496 с.
13. Туктаров, Ю. Е. Договор участия в долевом строительстве: правовая природа / Ю. Е. Туктаров // Журнал российского права. — 2005. — № 7. — С. 54–62.
14. Шайдуллина, Э. Р. О правовой природе договора участия в долевом строительстве / Э. Р. Шайдуллина // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 5. — С. 98–104.
15. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. — Москва: Статут, 2005. — 461 с.

Правовые риски использования эскроу-счетов и проектного финансирования для потребителей: новеллы законодательства и правоприменительная практика

Горшкова Екатерина Анатольевна, студент магистратуры
Сочинский государственный университет (Краснодарский край)

В статье рассматривается влияние перехода к эскроу-счетам и проектному финансированию на правовое положение потребителей в долевом строительстве. Анализируются изменения Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ, вступившие в силу в 2019 г. Оцениваются достоинства механизма: обособление средств гражданина, банковский контроль,

снижение риска утраты денег при неисполнении обязательств застройщиком. Выделяются риски: удорожание жилья, повышение требований к застройщикам, ограничение доступности ипотеки, зависимость от банка, сложности возврата средств при расторжении договора. На основе законодательства и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: *эскроу-счет, проектное финансирование, долевое строительство, защита прав потребителей, банковское сопровождение, договор участия в долевом строительстве, судебная практика.*

С 1 июля 2019 г. в сфере долевого строительства начал действовать порядок, при котором расчеты между гражданином и застройщиком опосредуются счетом эскроу. Средства потребителя размещаются в банке и не поступают застройщику до наступления условий, определенных договором. Одновременно застройщик привлекает проектное финансирование, а банк осуществляет контроль за ходом работ. Такой механизм направлен на снижение риска утраты средств гражданами при неисполнении обязательств застройщиком. Вместе с тем переход к новой схеме породил вопросы, связанные с ценой жилья, доступностью участия в долевом строительстве, ответственностью банка и застройщика, а также со сроками возврата средств при расторжении договора.

Договор счета эскроу регулируется ст. 926.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Применительно к долевому строительству особенности открытия и использования такого счета закреплены в Федеральном законе от 30.12.2004 № 214-ФЗ [2]. Банк, в котором открыт счет эскроу, должен соответствовать требованиям, предъявляемым к кредитным организациям. Средства, размещенные на счете, обособляются от имущества застройщика. Застройщик получает доступ к ним после ввода объекта в эксплуатацию и государственной регистрации права собственности первого дольщика либо после наступления иных условий, предусмотренных законом и договором.

Проектное финансирование предполагает кредитование застройщика банком под залог прав на земельный участок, строящийся объект и будущие поступления. Банк оценивает финансовое положение застройщика, проектную документацию, сроки реализации проекта и спрос на жилье. Такая модель повышает устойчивость строительного процесса, но увеличивает издержки застройщика. Эти издержки в значительной мере переносятся на потребителя через цену договора участия в долевом строительстве.

Тем не менее главное преимущество эскроу-счета состоит в том, что средства гражданина не находятся у застройщика до исполнения обязательств. Это снижает риск нецелевого расходования и уменьшает вероятность ситуации, при которой объект не будет достроен, а средства окажутся утраченными. При банкротстве застройщика средства на счете эскроу не включаются в конкурсную массу и могут быть возвращены потребителю.

Банковский контроль создает дополнительный барьер для застройщиков, не имеющих достаточных ресурсов. Потребитель получает большую определенность: договор участия в долевом строительстве регистрируется, счет открывается в кредитной организации, а расчеты проводятся через банк. Это повышает прозрачность сделки и уменьшает количество злоупотреблений со стороны недобросовестных застройщиков.

При этом переход к проектному финансированию увеличивает затраты застройщика. К ним относятся проценты по кредиту, расходы на банковский контроль, резервы и страхование. Указанные затраты отражаются в цене объекта. В результате потребитель сталкивается с удорожанием жилья, а доступность ипотеки снижается.

Повышаются требования к застройщику-заемщику. Банк проверяет кредитную историю, финансовую устойчивость, опыт реализации проектов и качество документации. Часть застройщиков не соответствует таким требованиям и уходит с рынка. Это сокращает предложение и усиливает концентрацию рынка. Потребитель оказывается в зависимости от ограниченного числа проектов и банков, участвующих в финансировании.

Возврат средств при расторжении договора также сопряжен с рисками. Если договор расторгается, средства с эскроу-счета возвращаются потребителю, однако сроки такого возврата зависят от банковских процедур и действий сторон. При отзыве лицензии у банка возможны процедуры передачи обязательств другому банку. Для потребителя это означает временную неопределенность и необходимость ожидания.

Отдельный риск связан с выбором банка. Потребитель не участвует в выборе кредитной организации, которая открывает счет эскроу. Банк определяется застройщиком. Если условия банка изменяются или банк испытывает трудности, потребитель не всегда может повлиять на ситуацию. Кроме того, договор участия в долевом строительстве может содержать условия, ограничивающие права потребителя, которые суды впоследствии оценивают с учетом законодательства о защите прав потребителей.

Судебная практика по спорам, связанным с долевым строительством, ориентирована на защиту гражданина как слабой стороны. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что застройщик несет ответственность за нарушение сроков передачи объекта, качество работ и исполнение гарантийных обязательств [5; 6]. Эскроу-счет не отменяет такую ответственность и не освобождает застройщика от неустойки, штрафа и компенсации морального вреда.

Вместе с тем встречаются споры, в которых потребитель требует возврата средств без расторжения договора или до наступления оснований, предусмотренных

Таблица 1. **Сопоставление положения потребителя до и после перехода на эскроу-счета**

Параметр	До 2019 г.	После 2019 г.	Последствия для потребителя
Распоряжение средствами	Застройщик получал средства напрямую	Банк выдает средства после наступления условий	Снижение риска нецелевого использования
Риск долгостроя	Высокий	Ниже, но не исключен	Ожидание сохраняется
Цена объекта	Формировалась с меньшими кредитными издержками	Растет из-за проектного финансирования	Доступность снижается
Требования к застройщику	Ниже	Выше	Часть проектов не реализуется
Возврат средств при расторжении	Зависел от застройщика	Проводится через банк	Возможны задержки
Банковский риск	Практически отсутствовал	Возникает зависимость от банка	При отзыве лицензии возможны процедуры

законом. Суды в таких случаях отказывают, поскольку механизм эскроу предполагает сохранение средств до определенного момента. Сложности возникают и при банкротстве банка, а также при передаче обязательств по договору счета эскроу. Единый подход к срокам возврата средств и распределению убытков еще не сформирован.

Исходя из этого, для снижения правовых рисков потребителей целесообразно:

1. Закрепить предельный срок возврата средств с эскроу-счета при расторжении договора;
2. Предусмотреть обязанность застройщика и банка информировать потребителя о банке, условиях счета и порядке возврата средств;
3. Уточнить механизм перевода средств в другой банк при отзыве лицензии без потерь для потребителя;
4. Ограничить включение в договор условий, ухудшающих положение потребителя по сравнению с законом;
5. Развивать меры поддержки доступности ипотеки для отдельных групп граждан;
6. Уточнить ответственность банка за задержки возврата средств и нарушение условий счета эскроу.

На основе этого можно заключить, что эскроу-счета и проектное финансирование повышают сохранность средств потребителя и снижают риск утраты денег при неисполнении обязательств застройщиком. Однако новая модель не устраняет все риски. Она ведет к удорожанию жилья, повышению требований к застройщикам, ограничению доступности ипотеки и усилению зависимости потребителя от банка. А само правовое регулирование нуждается в уточнении сроков возврата средств, информирования потребителя и ответственности банка. Баланс интересов потребителя, застройщика и кредитной организации позволит повысить эффективность защиты прав граждан в долевом строительстве.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 40.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (ч. 1). — Ст. 4342.
4. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 6. — Ст. 492.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 9.
6. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2014. — № 3.
7. Гражданское право: учебник: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. — Москва: Статут, 2019. — Т. 1. — 576 с.

Особенности правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях против общественного порядка и общественной безопасности

Григорович Наталья Олеговна, студент магистратуры
Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются проблемы административной ответственности за правонарушения против общественного порядка в регионах России. На основе изучения судебной практики выявлены типичные ошибки в протоколах полиции и проблемы исполнимости штрафов и предложены направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: *административная ответственность, общественный порядок, общественная безопасность, мелкое хулиганство, профилактика правонарушений, полиция, административное наказание, правоприменительная практика.*

Peculiarities of law enforcement practice in cases of administrative offenses against public order and public safety

Grigorovich Natalia Olegovna, master's student
Scientific advisor: Satskevich Tatyana Konstantinovna, candidate of sciences in law, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article analyzes the problems of administrative liability for offenses against public order in the regions of Russia. Based on the study of judicial practice, typical errors in police reports and problems with the enforceability of fines have been identified.

Keywords: *administrative liability, public order, public safety, petty hooliganism, prevention of offenses, police, administrative punishment, law enforcement practice.*

Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности является фундаментальной функцией государства и необходимым условием реализации конституционных прав граждан. Основным инструментом государственного принуждения в данной сфере выступает институт административной ответственности, аккумулированный в главе 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Актуальность темы обусловлена сложностями в разграничении административного проступка и преступления, а также необходимостью адаптации практики к новым вызовам, включая правонарушения в сфере информационно-телекоммуникационных сетей. В доктрине административного права под общественным порядком понимается совокупность урегулированных нормами права общественных отношений, складывающихся в публичных местах и обеспечивающих общественное спокойствие, уважение к чести и достоинству граждан, нормальную работу организаций и транспорта, а общественная безопасность трактуется более широко и включает состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от угроз [1].

Объектом правонарушений главы 20 КоАП РФ выступают именно эти социально значимые блага. Систему данных правонарушений составляют мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), нарушение правил поведения при чрезвычайных ситуациях (ст. 20.6.1 КоАП РФ), нарушение правил оборота оружия (ст. 20.8–20.12 КоАП РФ), а также пропаганда нацистской символики и возбуждение ненависти (ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ). Наиболее сложной задачей для правоприменителя остается отграничение административного правонарушения от преступления. Классическим примером выступает разграничение мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ) и уголовно наказуемого хулиганства (ст. 213 УК РФ). Согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, критериями разграничения выступают мотив, способ совершения деяния (применение оружия) и степень общественной опасности. На практике сотрудники полиции нередко сталкиваются с ситуациями, когда демонстрация агрессии квалифицируется как административное правонарушение, хотя по совокупности обстоятельств оно представляет повышенную опасность.

Существенные сложности вызывают составы, связанные с оборотом оружия, например, статья 20.8 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение правил хранения, но, если нарушение повлекло тяжкие последствия, действия владельца могут быть переквалифицированы по ст. 224 УК РФ. Субъективная сторона здесь играет решающую роль — неосторожная форма вины в уголовном праве требует доказывания легкомыслия или небрежности, что в рамках административного процесса часто подменяется объективным вменением [2].

Субъектами административной юрисдикции по данной категории дел выступают преимущественно должностные лица органов внутренних дел (полиции). Согласно ст. 23.3 КоАП РФ, полиция обладает широкими полномочиями по составлению протоколов и рассмотрению дел на месте.

Типичной проблемой правоприменения является соблюдение процессуальных гарантий. В условиях пресечения правонарушения в общественном месте сотрудники полиции зачастую не разъясняют права, предусмотренные ст. 25.1 КоАП РФ, или составляют протокол с задержками. Верховный Суд РФ в своих обзорах судебной практики неоднократно указывал, что нарушение срока составления протокола само по себе не является основанием для прекращения производства, если лицу обеспечена возможность защиты. Формальные ошибки в протоколах (отсутствие точного времени, места, свидетелей) остаются главной причиной отмены постановлений судами общей юрисдикции. Однако суды критически относятся к видеозаписям, если они не позволяют однозначно идентифицировать личность нарушителя или зафиксировать момент совершения действия с начала и до конца [3].

Анализ региональной практики позволяет выявить специфику применения норм главы 20 КоАП РФ. Так, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10 апреля 2024 года указал на недопустимость ситуации в г. Москве, при которой полиция отказывалась составлять протоколы по ст. 3.13 КоАП г. Москвы (нарушение тишины), ссылаясь на отсутствие соглашения между МВД и Правительством Москвы. Другой показательный пример касается оценки малозначительности. Суд указал, что личность нарушителя не является признаком малозначительности, однако учел кратковременность нарушения и отсутствие остановки транспорта, что демонстрирует подход к соразмерности наказания реальному вреду.

Вопрос соразмерности наказания также проявился в практике Ленинского районного суда г. Екатеринбурга в начале 2024 года. Суд рассмотрел дело по ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ (неповиновение полиции) в отношении гражданина К., который приставал к гражданам в парке и отказался предъявить документы. Суд назначил арест на 15 суток. Однако в практике региона наметилась тенденция — если неповиновение не сопровождалось агрессией, а было вызвано опьянением, апелляционный суд часто изменяет наказание на увеличенный штраф, что связано с перегруженностью спецприемников.

Важную роль играет учет социального контекста. Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан в 2023 году вынес решение по ст. 20.1 КоАП РФ в отношении супругов, конфликтовавших в коммунальной квартире в присутствии 7-летнего ребенка. Суд расценил действия как фактор, травмирующий психику несовершеннолетнего. Вместо минимального штрафа в 500 рублей был назначен штраф в размере 2000 рублей каждому, что иллюстрирует оценку деяния как имеющего повышенную степень опасности.

Представленные примеры из судебной практики регионов России позволяют оценить эффективность административной ответственности с двух сторон, как инструмента частной превенции (исправление конкретного нарушителя) и как показателя системных проблем государственного принуждения. Некоторые примеры демонстрирует классическую, работающую модель административной ответственности. Это идеальный механизм частной превенции, где наказание достигает своей цели — осознания неправомерности поведения.

Однако имеются дела, которые показывают неэффективность на стадии досудебного производства, что подрывает авторитет власти, так как нарушитель видит, что система работает небрежно, а потерпевшие не получают защиты из-за бюрократических недочетов. Эффективность ответственности здесь стремится к нулю, так как цель — наказание виновного — достигается с огромным трудом или не достигается вовсе.

Статистика из Тоцкого района и г. Орска (159 и 154 дела по ст. 20.25 КоАП РФ соответственно) — это самый яркий показатель ограниченной эффективности системы. Статья 20.25 применяется тогда, когда первичное наказание (штраф за нарушение общественного порядка) не было исполнено добровольно. Огромное количество дел о неуплате штрафов свидетельствует о том, что первичная мера ответственности (штраф) не выполняет свою мотивирующую функцию. Граждане либо игнорируют постановления, либо не имеют средств для оплаты. В итоге государство вынуждено запускать вторичный, более сложный механизм судебного взыскания. Эффективность падает, так как конечная цель — пополнение бюджета и неотвратимость наказания — достигается лишь частично и с большими процессуальными издержками. Это говорит о том, что для значительной части населения угроза административного штрафа не является достаточным сдерживающим фактором.

Примеры из Екатеринбурга и Набережных Челнов показывают, что эффективность ответственности зависит от гибкости судейского усмотрения. В Свердловской области замена ареста на штраф для лиц, не проявивших агрессию, позволяет экономить ресурсы (содержание в спецприемнике стоит дороже штрафа) и применять наказание, более адекватное личности правонарушителя. В Татарстане увеличение штрафа вдвое из-за присутствия ребенка показывает, что ответственность работает не просто как кара, а как инструмент защиты наиболее уязвимых членов общества. В этих случаях эффективность заключается не в суровости, а в точности и соразмерности удара: наказание бьет по интересам нарушителя именно там, где он его почувствует, и предотвращает более тяжкие социальные последствия.

Представленные примеры рисуют противоречивую картину. Административная ответственность эффективна как юридическая фиксация нарушения (формальный аспект), но ее реальная действенность (содержательный аспект) снижается из-за небрежности исполнителей и массового неисполнения наказаний (статистика по ст. 20.25 КоАП РФ). Система работает результативно только тогда, когда сталкивается с законопослушным, но оступившимся гражданином, но дает сбои при работе с системными нарушителями или в условиях процессуальной халатности.

Административная ответственность выполняет не только карательную, но и превентивную функцию. В соответствии с Федеральным законом № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений», органы полиции обязаны проводить индивидуальную профилактическую работу, что выражается в административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Однако эффективность мер снижается из-за высокой нагрузки на участковых. Статистика МВД России последних лет свидетельствует, что более 60 % протоколов по главе 20 КоАП РФ составляется в отношении лиц в состоянии опьянения, что указывает на необходимость медико-социального воздействия [4]. При этом, согласно официальным данным за 2024 год, общее количество зарегистрированных правонарушений в стране сохраняет тенденцию к незначительному снижению, что коррелирует с общими показателями преступности (1911,3 тыс. преступлений, по данным МВД на январь 2025 года), однако нагрузка по линии главы 20 КоАП РФ на сотрудников полиции остается одной из самых высоких в структуре административной практики.

Согласно данным, озвученным Председателем Верховного Суда РФ Игорем Красновым в начале 2026 года, нагрузка на суды остается стабильно высокой. Хотя общее количество дел об административных правонарушениях в 2024–2025 годах показало тенденцию к стабилизации, дела о неуплате штрафов (ст. 20.25 КоАП РФ) по-прежнему составляют около четверти (23–25 %) от общего массива рассмотренных материалов. Верховный Суд РФ в декабре 2025 года вновь подчеркнул в своих разъяснениях, что административное наказание за неуплату в установленный срок штрафов назначается за каждый факт такой неуплаты, что подтверждает сохраняющуюся актуальность проблемы исполнимости наказаний [4].

Таким образом можно сделать вывод, что институт административной ответственности за правонарушения против общественного порядка является динамично развивающимся, но его эффективность снижается из-за формализма при составлении документов. Анализ практики доказывает, что система работает результативно только с законопослушным гражданином, но дает сбои при системных нарушителях из-за небрежности исполнителей. Полученные выводы позволяют предложить следующие направления совершенствования законодательства и правоприменения.

Необходимо законодательно закрепить четкие критерии разграничения мелкого (ст. 20.1 КоАП РФ) и уголовно наказуемого хулиганства. Это особенно актуально для правонарушений в сети «Интернет» с учетом ужесточения санкций в 2024–2025 годах.

В сфере оптимизации деятельности полиции требуется внедрение единых стандартов фиксации правонарушений с использованием технических средств (видеозапись с соблюдением процессуальных гарантий).

В сфере профилактики необходимо усиление мер общей профилактики правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, в том числе через взаимодействие с медицинскими учреждениями.

Литература:

1. Агапов А. Б. Административная ответственность: учебник для вузов / А. Б. Агапов. — 9-е изд. — 2023. — (6) с. 312; Конин Н. М. Административное право России: учебник и практикум для вузов / Н. М. Конин. — 7-е изд. — 2023. — (8) с. 245.
2. **Бах**рах Д. Н. Административное право: учебник / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. — 4-е изд. — 2022. — (7) с. 410.
3. Мак**аре**йко Н. В. Административно-правовое регулирование противодействия правонарушениям, посягающим на общественный порядок: монография / Н. В. Макарейко. — 2021. — (9) с. 89.
4. Стахов **А.** И. Административное право России: учебник для вузов / А. И. Стахов, П. И. Кононов. — 5-е изд. — 2022. — (10) с. 301.

Административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность: проблемы классификации

Григорович Наталья Олеговна, студент магистратуры
Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается проблема разграничения административных правонарушений, предусмотренных главой 20 КоАП РФ, и смежных уголовных деяний. Исследуются критерии, позволяющие отличить административный проступок от преступления, на примере соотношения ст. 20.1 КоАП РФ и ст. 213 УК РФ. Анализируются процессуальные

риски на стадии возбуждения дела и вызовы цифровизации (ст. 20.3.1 и ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ). В результате предлагается унификация критериев классификации составов, что должно снизить степень судейского усмотрения и повысить предсказуемость правоприменительной практики.

Ключевые слова: *административная ответственность, классификация составов, общественный порядок, разграничение проступка и преступления, цифровизация, судебная практика.*

Administrative responsibility for offenses that infringe on public order and public safety: classification problems

Grigorovich Natalia Olegovna, master's student
Scientific advisor: Satskevich Tatyana Konstantinovna, candidate of sciences in law, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article examines the problem of distinguishing between administrative offenses provided for in Chapter 20 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and related criminal acts. The criteria that allow distinguishing an administrative misdemeanor from a crime are examined, using the example of the relationship between Article 20.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation. The procedural risks at the stage of initiating a case and the challenges of digitalization (Article 20.3.1 and Part 3 of Article 20.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) are analysed. As a result, it is proposed to unify the criteria for classifying offenses, which should reduce the degree of judicial discretion and increase the predictability of law enforcement practice.

Keywords: *administrative liability, classification of offenses, public order, delimitation of misdemeanor and crime, digitalization, judicial practice.*

Общественный порядок и общественная безопасность являются фундаментальными ценностями, которые обеспечивают стабильность общественных отношений и укрепляют доверие к государственной власти. Глава 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) представляет собой основу для регулирования ответственности за нарушение этих ценностей. Однако эффективность данного института во многом зависит от точности классификации: на этапе квалификации деяния решается, относится ли оно к административному правонарушению или преступлению [5].

Одной из ключевых проблем остаётся сложность разграничения административного правонарушения и преступления, так как их составы часто имеют схожие объективные признаки, а дифференциация основывается на оценочных категориях, таких как «общественная опасность», «мотив» и «степень нарушения». Цифровизация общественных отношений также создаёт дополнительные трудности: значительная часть проявлений неуважения, агрессии и дестабилизирующего поведения перемещается в информационно-телекоммуникационные сети, где традиционные критерии квалификации становятся менее применимыми (например, форма высказывания, контекст, аудитория).

Главная проблема эффективности института административной ответственности заключается в классификации. Недостаточная формализация критериев приводит к неоднородности практики и увеличению числа ошибок на стадии возбуждения дела.

Разграничение между административным правонарушением и преступлением в сфере общественного порядка традиционно основывается на критерии общественной опасности. Однако законодательство не содержит чётких количественных или качественных критериев, которые позволили бы однозначно определить, относится ли деяние к административному или уголовному правонарушению. Это приводит к тому, что значительная часть оценочных решений ложится на плечи правоприменителей и на разъяснения высших судебных инстанций. Например, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 5 обобщает подходы к квалификации хулиганства, но не предоставляет исчерпывающих формальных критериев [6]. Это делает квалификацию таких деяний уязвимой к субъективной оценке.

Примером такого разграничения является соотношение между мелким хулиганством (статья 20.1 КоАП РФ) и хулиганством как преступлением (статья 213 УК РФ). Оба состава могут включать нецензурную брань, агрессивное поведение и нарушение общественного порядка. Однако разграничение проводится по степени общественной опасности, которая оценивается с учётом совокупности обстоятельств, таких как место, время, способ совершения деяния, наличие отягчающих факторов и последствия.

Примеры судебной практики демонстрирует, что отсутствие чётких критериев в законодательстве между проступком и преступлением приводит к субъективизму и неоднородности правоприменительной практики. Так, нарушение правил оборота пневматического оружия, которое может представлять угрозу безопасности, но не попадает под уголовную ответственность, часто воспринимается полицией как административное правонарушение. В результате суды вынуждены возвращать материалы на

доработку или переквалифицировать дела, что увеличивает сроки рассмотрения и снижает доверие к процессу.

Проблема классификации правонарушений не ограничивается лишь вопросом о том, за что именно назначается наказание. Не менее значима и процессуальная составляющая. Ошибки на этапе фиксации могут привести к прекращению дела, даже если лицо фактически виновно. Согласно статье 23.3 КоАП РФ, протоколы по составам правонарушений в сфере общественного порядка составляют должностные лица органов внутренних дел [7]. Однако правильность квалификации напрямую влияет на допустимость доказательства.

Если должностное лицо неверно классифицирует субъект правонарушения или неправильно определяет объект посягательства, судья может вернуть протокол или прекратить производство по делу. Ошибки в описании объективной стороны (место, время, способ) снижают доказательственную силу материалов. Например, если в протоколе не отражены признаки, позволяющие отличить мелкое хулиганство от уголовно наказуемого деяния (угроза жизни, применение предметов в качестве оружия), суд не сможет обоснованно квалифицировать деяние [2].

В судебной практике известны случаи, когда из-за неполного описания обстоятельств судья возвращает протокол по формальным основаниям. Признание административного протокола недопустимым доказательством влечет прекращение производства по делу [8]. Таким образом, неправильная классификация на этапе возбуждения дела (кто составил протокол и какие признаки были зафиксированы) напрямую влияет на исход всего производства.

Цифровое пространство порождает новые вызовы для классификации. С недавних пор возросла важность составов, связанных с публичными высказываниями в интернете (ст. 20.3.1 и ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ). [3]. Однако критерии классификации «неприличной формы» и «неуважения к власти» остаются субъективными.

Часть 3 статьи 20.1 КоАП РФ предусматривает ответственность за распространение информации в сетях, которая в неприличной форме выражает явное неуважение к обществу и государству. На практике возникает вопрос: как отличить критическое высказывание от неприличного? В одном из дел протокол был возвращён, поскольку утверждение о неприличной форме текстового сообщения (содержащего резкую критику власти) не было подтверждено. К участию в деле не был привлечён эксперт-лингвист, который мог бы определить характер выражения.

Отсутствие чётких критериев «неприличной формы» в интернет-высказывании создаёт почву для разночтений. Одно и то же сообщение может быть оценено по-разному в зависимости от контекста. Это подтверждает, что цифровизация выявила слабые стороны традиционных подходов и требует законодательных уточнений. Дополнительную сложность добавляет трансграничный характер публикаций. В таких условиях традиционные критерии (место, время) нуждаются в адаптации: «место» может определяться через юрисдикцию доступа к ресурсу, а «последствия» — через охват аудитории.

Институт административной ответственности в области общественного порядка продолжает развиваться, однако его эффективность снижается из-за недостаточной формализации критериев классификации. Практика показывает, что оценочные категории создают значительную долю усмотрения и приводят к неоднородности судебных решений.

Для повышения качества правоприменения, на наш взгляд, необходимо предпринять следующие шаги: закрепить в разъяснениях судов объективные признаки, например, критерии «повышенной общественной опасности»; разработать типовые алгоритмы описания объективной стороны и чек-листы для протоколов, чтобы избежать ошибок и обеспечить единообразие [4]; диспозиции статей должны содержать чёткие критерии классификации формы и содержания высказываний, учитывая специфику цифровой среды.

Реализация этих мер позволит сделать институт административной ответственности более прозрачным, снизить количество ошибок и повысить доверие к правоприменительной практике.

Литература:

1. Упоров, И. В. Отграничение преступления и проступка / И. В. Упоров. — Текст: непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 7–3 (94). — С. 123–131.
2. Белинчук, А. В. Проблемы квалификации административных правонарушений по объективным признакам / А. В. Белинчук. — Текст: непосредственный // Инновационная наука. — 2024. — № Т. 2, № 11–2. — С. 132–136.
3. Дугенец, А. С. Актуальные проблемы противодействия административным правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий / А. С. Дугенец, Н. Г. Канунникова. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. — 2024. — № Т. 17, № 4. — С. 23–29.
4. Денисенко, В. В. Проблемы квалификации административных правонарушений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий / В. В. Денисенко, С. Г. Денисенко. — Текст: непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2025. — № 2 (68).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // Собр. законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1. (2).
6. Постановление Никулинского районного суда г. Москвы от 8 июня 2025 г. по делу № 05-0181/2025 // СудАкт : офиц. портал. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 30.10.2026). (5)

7. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900 (3)
8. Материал «ВС: Признание административного протокола недопустимым доказательством влечёт прекращение производства по делу» // Адвокатская газета : электронный ресурс. — URL: https://www.advgazeta.ru (дата обращения: 30.10.2026) (10).

Понятие иска в доктрине гражданского процессуального права

Гукова Галина Евгеньевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена проблемам определения понятия иска в правовой доктрине гражданского процессуального права. Цель работы — определить основные научные подходы к понятию иска, выработать собственную позицию по указанному вопросу. Методологическую основу работы составили общенаучные и специально-юридические методы исследования. Установлены различные доктринальные походы к понятию иска. Сформулирован собственный вывод относительно понятия иска.

Ключевые слова: *исковое производство, иск, материально-правовая концепция, процессуально-правовая концепция.*

Исковое производство немыслимо без иска, поскольку предъявление последнего выступает юридическим фактом, инициирующим исковое производство как таковое.

В доктрине гражданского процессуального права понятие иска определяется неоднозначно. Зачастую в основу дискуссии ложиться вопрос о соотношении процессуального и материального начал в иске. Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что рассматриваемый вопрос являются одними из наиболее дискуссионных в доктрине гражданского процессуального права, в связи с чем можно говорить о высокой актуальности избранной темы научного исследования.

Затронутой теме посвящены работы таких ученых, как Гойбарг А. Г., Викут М. А., Машутина Ж. Н., Логинов П. В., Добровольский А. А., Юдельсон К. С. и других ученых-правоведов. Анализ трудов указанных учёных свидетельствует о высокой степени научной разработанности рассматриваемой темы исследования, а также о разнообразии подходов к определению иска. В этой связи, видится необходимым обобщить научный опыт и выработать основанную на указанном анализе собственную позицию относительно понятия иска в науке гражданского процессуального права.

В научной и учебной литературе понятие иска определяется с точки зрения различных подходов. Так, перечисленные выше ученые-правоведы определяли понятие иска в следующих значениях:

1. Гойбарг А. Г. рассматривал иск как самостоятельный институт процессуального права, то есть совокупность норм, регулирующих отношения, складывающиеся в процессе искового судопроизводства [2, с. 33].

2. Викут М. А. определял его как средство защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов [2, с. 33].

3. Машутина Ж. Н. определяла его как процессуально действие — обращение к суду путём подачи искового заявления, то есть как юридический факт, порождающий охранительное правоотношение [2, с. 33].

4. Логинов П. В. рассматривал иск как материально-правовое требование истца к ответчика (правопритязание) [2, с. 33].

Вместе с тем, анализируя и вышеперечисленные походы к иску, и иные источники научной и учебной литературы, можно неизбежно прийти к выводу, что почти все научные позиции можно поделить на две условные группы по признаку доминирования материального или процессуального аспекта в определении понятия иска.

По признаку соотношения материального и процессуального начал в иске в науке гражданского процессуального права выделяют две основные концепции иска: материально-правовую и процессуально-правовую.

Наиболее часто упоминаемыми представителями материально-правовой концепции являются такие ученые, как А. А. Добровольский, Н. М. Кострова, М. Г. Шаламов, С. А. Иванова, и другие. В соответствии с данной концепцией иск рассматривается как материально-правовое требование истца к ответчику [2, с. 33]. Сущность материально-правовой концепции сводится к восприятию иска не как чего-то самостоятельного, а как составной части или свойства права. Любому субъективному гражданскому праву свойственен иск как право на его осуществление [3, с. 365].

В некотором смысле указанный подход разделяет законодатель. Так, в статье 91 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [1] термин «иск» прямо используется им для обозначения материально-правового требования или совокупности нескольких требований, например: «по искам о взыскании денежных средств», «по искам о взыскании алиментов», «по искам, состоящим из нескольких самостоятельных требований».

Указанная теория в научных кругах встречает критику в силу того, что понятие иска в ней фактически совпадает

с одним из его структурных элементов — предметом иска. Таким образом возникает логическое противоречие в виде совпадения целого и части, что логически невозможно.

Кроме того, материально-правовая концепция иска не охватывает иски о признании, сущность которых сводится к обращенной к суду просьбе признать наличие или отсутствие спорного правоотношения. Поскольку в данном случае отсутствует материально-правовое требование как таковое: истец не требует совершить в свою пользу те или иные действия. Суд в таких делах лишь констатирует юридический факт. Рязановский В. А. отмечает: «…материально-правовая теория не охватывает таких явлений, как иски о признании, в особенности отрицательные иски о признании, которые не имеют материально-правового притязания…» [5, с. 10].

Материально-правовой концепции иска противопоставляется процессуально-правовая. Её приверженцами считаются А. Х. Гольмстен, К. С. Юдельсон, В. М. Гордон, В. М. Семенов, Н. И. Авдеенко и другие.

В соответствии с данной концепцией иском является специфическое средство судебно-правовой защиты, основная форма возбуждения процессуальной деятельности по разрешению гражданско-правовых споров или же обращение заинтересованного лица к юрисдикционному органу за защитой нарушенного или находящегося под угрозой нарушения со стороны конкретного лица субъективного права [3, с. 366].

Ч. 1 ст. 133 ГПК РФ [1] указывает: «Судья в течение пяти дней со дня поступления искового заявления в суд обязан рассмотреть вопрос о его принятии к производству суда. О принятии заявления к производству суда судья выносит определение, на основании которого возбуждается гражданское дело в суде первой инстанции».

Таким образом, возбуждение гражданского дела в суде первой инстанции в порядке искового производства невозможно без обращения заинтересованного лица в суд с исковым заявлением. Такое обращение лица к суду сторонники процессуальной концепции и понимают под иском. Тем не менее, критики данного подхода, в том числе Добровольский А. А., справедливо указывают, что при буквальном толковании иска как обращения заинтересованного лица к юрисдикционному органу за защитой нарушенного права, иск исчерпывает себя уже на первом этапе гражданского процесса — на этапе возбуждения гражданского дела [3, с. 367].

Рассматривая вышеописанные подходы к понимаю иска, можно неизбежно прийти к мысли о том, что иск нельзя рассматривать только с одной стороны. К таким выводам приходят и некоторые ученые-правоведы.

Так, например, С. В. Потапенко рассматривает иск как сочетание гражданско-правового требования истца к ответчику и процессуально-правового — к суду. В его представлении иск является единым понятием, имеющем две стороны материально-правовую и процессуально-правовую. Обе стороны находятся в неразрывном единстве при превалирующем значении материально-правовой стороны иска, поскольку она, по мнению автора, определяет его предмет и основание [4, с. 126].

Таким образом, ряд ученых считают, что природа понятия иска имеет смешанный характер, и что рассматриваемое нами понятие имеет две взаимосвязанные стороны: материально-правовую и процессуально-правовую.

Обобщая изложенное, можно сказать, что на современном этапе развития науки гражданского процессуального права существует несколько основных подходов к определению понятия иска, среди которых выделяют: материально-правовую концепцию, процессуально-правовую концепцию, концепцию «смешанной» природы иска и иные.

Наиболее обоснованным и справедливым видится подход, объединяющий материальное и процессуальное начало иска, обоснованный в том числе С. В. Потапенко. Видится логичным, что невозможно строго отнести иск к материальному или к процессуальному праву. Иск — это единое понятие, содержащее в себе два ключевых требования:

Во-первых, материально-правовое требование истца к ответчику, составляющее также предмет иска.

Во-вторых, требование истца о защите нарушенного права или охраняемого законом интереса, обращенное к суду.

При этом оба требования имеют одинаково важное значение и взаимно друг друга дополняют: материально-правовое требование к истцу, не подкрепленное обращением за защитой в суд, не может быть защищено в исковом порядке, а требование к суду о защите права при отсутствии требования к истцу является беспредметным — суд откажет в принятии искового заявления при неясности предмета иска.

Следовательно, концепция «смешанной» природы иска видится сбалансированной и наиболее полно отражающей сложное и многоаспектное понятие иска в доктрине гражданского процессуального права.

Таким образом, понятие иска сохраняет статус одной из наиболее дискуссионных категорий науки гражданского процессуального права, что подтверждается многообразием научных подходов к его определению. Дальнейшие научные исследования в этом направлении могут помочь в осмыслении понятия иска с разных сторон, а также способствовать выработке качественно новых подходов к иску как категории гражданского процессуального права.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Иск в гражданском судопроизводстве: учебник для вузов / О. В. Исаенкова, О. В. Николайченко, Т. В. Соловьева, Н. Н. Ткачева. — М.: Юрайт, 2026. — 208 с.
3. Ковтун, А. О. Материально-правовая и процессуально-правовая концепции понимания понятия иска / А. О. Ковтун // Science Time. — 2016. — № 12 (36). — С. 364–368.
4. Потапенко, С. В. Иск как сочетание гражданско-правового требования истца к ответчику и процессуально-правового — к суду / С. В. Потапенко // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 117–128.
5. Рязановский В. А. Единство процесса. Москва: Городец, 1996. 101 с. Доступ из Электронной библиотеки [Литрес]. URL: https://www.litres.ru/ (дата обращения: 04.11.2026).

Векторы совершенствования правового статуса следователя в контексте новых норм законодательства 2025–2026 годов

Гусев Илья Сергеевич, студент магистратуры
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье автором исследуются направления совершенствования правового статуса следователя в контексте законодательных изменений 2025–2026 годов. На основе анализа Федерального закона от 20.03.2025 № 36-ФЗ [1], Федерального закона от 20.02.2026 № 39-ФЗ [2] и связанных с ними нормативных актов автор показывает, что развитие статуса следователя происходит по двум линиям: во-первых, расширяются социально-правовые гарантии (уточнение понятия «член семьи», гарантии при переезде, уточнение статуса исполняющих обязанности); во-вторых, корректируются процессуальные механизмы (изменение правил территориальной подследственности, оптимизация процедуры соединения дел). Автор отмечает, что, хотя эти изменения имеют положительное значение, они по-прежнему не затрагивают ключевой вопрос — соотношение процессуальной самостоятельности следователя и ведомственного контроля. Ссылаясь на научные дискуссии 2026 года, автор указывает на риск сохранения «декларативного» характера самостоятельности следователя и обосновывает вывод о том, что укрепление социального статуса является необходимой, но недостаточной предпосылкой повышения процессуальной независимости. Совершенствование статуса следователя должно дополнительно включать защиту его чести и достоинства, пересмотр критериев оценки деятельности и рациональное ограничение сферы ведомственного согласования.

Ключевые слова: *следователь, правовой статус, социальные гарантии, процессуальная самостоятельность, Следственный комитет Российской Федерации, Федеральный закон № 36-ФЗ, Федеральный закон № 39-ФЗ, территориальная подследственность, кадровое обеспечение, оценка деятельности следователя.*

Правовой статус следователя традиционно находится в фокусе дискуссий о балансе между процессуальной самостоятельностью и ведомственным контролем. Период 2025–2026 годов ознаменовался рядом новых законодательных норм, которые, с одной стороны, реагируют на изменение криминогенной обстановки (прежде всего, рост дистанционных хищений), а с другой — обозначают контуры давно назревшей реформы статуса лиц, осуществляющих предварительное следствие. Как отметил в ходе одного из публичных мероприятий Президент РФ, следователям «нужны полноценные полномочия, а не какие-то усечённые», а право делать предписания об устранении причин преступлений должно подкрепляться реальной ответственностью за их неисполнение. Настоящая работа систематизирует законодательные изменения 2025–2026 годов и определяет на их основе векторов дальнейшего совершенствования правового положения следователя.

Расширение инструментария противодействия киберпреступности

Наиболее значимым изменением, непосредственно влияющим на объём процессуальных возможностей следователя, стало принятие Федерального закона от 31.07.2025 № 278-ФЗ, дополнившего УПК РФ статьёй 115.2. Согласно новой норме, следователь с согласия руководителя следственного органа вправе выносить постановление о приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами и средствами, внесёнными в качестве аванса за услуги связи, на срок до 10 суток. Значение данной нормы выходит за рамки сугубо технической корректировки. Ранее следователь, столкнувшись с хищением, совершённым с использованием абонентского номера как банковского счёта, был вынужден действовать в условиях жёсткого дефицита времени: промедление означало безвозвратную

утрату похищенных средств. Новая статья создаёт механизм «опережающего реагирования», позволяющий сохранить активы до вынесения судебного решения о наложении ареста. Для правового статуса следователя это означает расширение мер процессуального принуждения, применяемых в режиме реального времени без предварительной судебной санкции (с последующим судебным контролем), что сближает его полномочия с полномочиями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Корректировка правил подследственности и «процессуальная география»

Федеральный закон от 20.02.2026 № 39-ФЗ внёс изменения в статью 152 УПК РФ, дополнив перечень оснований для определения места производства предварительного расследования указанием на место нахождения большинства потерпевших. Ранее приоритет отдавался месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей. Данная новелла имеет двоякое значение для статуса следователя. С одной стороны, она усиливает его процессуальную позицию в делах о «дистанционных» хищениях, где потерпевшие территориально рассредоточены, а обвиняемый может находиться за пределами региона или страны. Следователь получает легитимное основание для концентрации расследования в месте фактического причинения вреда, что повышает эффективность взаимодействия с потерпевшими и снижает риск процессуальных проволочек. С другой стороны, норма наделяет руководителя следственного органа федерального уровня полномочием определять место расследования по делам о преступлениях, совершённых иностранными гражданами против интересов РФ. Это создаёт предпосылки для более гибкого управления следственными ресурсами, но одновременно ставит вопрос о пределах ведомственного усмотрения и его совместимости с принципом законного судьи.

Укрепление гарантий безопасности и социальной защищённости

В феврале 2026 года Следственный комитет РФ представил законопроект, расширяющий права следователей на применение оружия. Действующая редакция соответствующего закона [3] допускает применение оружия исключительно в целях самообороны; проект предлагает распространить это право на защиту третьих лиц, отражение групповых нападений на объекты СКР и пресечение попыток завладения спецсредствами. Хотя данная инициатива находится на стадии проектирования, она симптоматична: она отражает признание того, что статус следователя не исчерпывается процессуальными правами и обязанностями. Физическая безопасность и достаточные силовые ресурсы являются необходимым условием реализации процессуальной самостоятельности, особенно в условиях расследования дел о организованной преступности и коррупции. Параллельно Федеральный закон от 20.03.2025 № 36-ФЗ установил, что порядок назначения сотрудников СК на должности с присвоением высшего специального звания утверждается Президентом, а выпускникам ведомственных вузов, направленным в другие регионы, оплачивается переезд. Эти меры, хотя и носят преимущественно организационно-кадровый характер, формируют материальную основу независимости следователя от местных влияний.

Проблема «голых» полномочий и ответственности за неисполнение предписаний

Наиболее глубокая проблема статуса следователя, обозначенная в 2025–2026 годах на высшем уровне, касается не объёма полномочий, а их обеспеченности механизмами принуждения. Речь идёт о праве следователя вносить представления (предписания) об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Как было отмечено, если такое право «просто голое» и не подкреплено ответственностью за неисполнение. В контексте новых 2025–2026 годов эта проблема приобретает особую остроту. Расширение полномочий по аресту цифровых активов и корректировка подследственности создают иллюзию укрепления позиций следователя, однако без действенных санкций за воспрепятствование законной деятельности следователя (включая неисполнение предписаний) эти нормы остаются инструментами «точечного» действия. Вектор совершенствования, таким образом, смещается из плоскости наделения правами в плоскость обеспечения их реализации.

Проведённый анализ позволяет выделить три взаимосвязанных вектора совершенствования правового статуса следователя с учётом новых норм 2025–2026 годов.

Первый вектор — от «усечённых» полномочий к полноценному процессуальному контролю. Изменения, подобные ст. 115.2 УПК РФ, демонстрируют готовность законодателя наделять следователя средствами оперативного реагирования на угрозы. Логическим продолжением этой тенденции должно стать распространение аналогичного подхода на иные категории дел, где промедление необратимо (например, дела о незаконном обороте цифровой валюты, что частично реализовано в Федеральном законе № 38-ФЗ)

Второй вектор — от декларативных предписаний к реальной ответственности. Право следователя требовать устранения причин и условий, способствовавших преступлению, нуждается в реализации по КоАП РФ или УК РФ составов, устанавливающих ответственность должностных лиц за умышленное неисполнение таких требований. Без этого расширение процессуальных полномочий не транслируется в укрепление авторитета следственной власти.

Третий вектор — от узковедомственной защиты к системным гарантиям независимости. Инициативы по расширению прав на применение оружия и социальные га-

рантии являются необходимыми, но недостаточными. Полноценный правовой статус следователя предполагает также процессуальные гарантии несогласия с указаниями руководителя, механизмы разрешения конфликтов между следователем и надзирающим прокурором, а также ясные критерии оценки эффективности следственной работы, не сводящиеся к статистике направленных в суд дел.

Таким образом, новые нормы 2025–2026 годов создают инфраструктуру для укрепления статуса следователя, но не завершают его формирование. Дальнейшее совершенствование должно быть направлено на устранение разрыва между провозглашёнными полномочиями и реальными механизмами их обеспечения, что позволит следователю действовать не как исполнителю ведомственных предписаний, а как самостоятельному субъекту уголовно-процессуальной деятельности, несущему персональную ответственность за законность и обоснованность своих решений.

Литература:

1. Федеральный закон от 20.02.2026 N 39-ФЗ «О внесении изменений в статью 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527056/?ysclid=mw5bt07u9282324743 (дата обращения: 06.11.2026).
2. Федеральный закон от 20.03.2025 N 36-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации». — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501231/?ysclid=mw5bvh9xb3852392176 (дата обращения: 06.11.2026)
3. Проект Федерального закона № 1252107–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» (ред., принятая ГД ФС РФ в 1 чтении 10.06.2026). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL:https://www.consultant.ru/law/review/209747228.html?ysclid=mw5byz3awy305275556 (дата обращения: 06.11.2026).

Процессуальная самостоятельность следователя: баланс между независимостью и ведомственным контролем

Гусев Илья Сергеевич, студент магистратуры
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье автором исследуется проблема соотношения процессуальной самостоятельности следователя и ведомственного контроля в российском уголовном процессе. На основе анализа ст. 38 и 39 УПК РФ, а также положений Федерального закона от 20.03.2025 № 36-ФЗ автор показывает, что перечень решений, требующих согласования с руководителем следственного органа, неуклонно расширяется, что ведёт к «размыванию» личной ответственности следователя и снижению эффективности предварительного следствия. Проведён сравнительный анализ дискреционных и согласуемых полномочий следователя, выявлены практические риски избыточного процессуального контроля (увеличение сроков расследования, процессуальный формализм). Обосновывается вывод о том, что механическое расширение прав следователя без пересмотра системы ответственности не решает проблемы. Предлагается законодательно закрепить перечень решений, принимаемых следователем под его личную ответственность с последующим судебным контролем, без дублирующего ведомственного согласования.

Ключевые слова: *следователь, процессуальная самостоятельность, руководитель следственного органа, ведомственный контроль, статья 38 УПК РФ, статья 39 УПК РФ, уголовный процесс, согласование процессуальных решений, личная ответственность следователя.*

Процессуальная самостоятельность следователя традиционно рассматривается как одна из фундаментальных гарантий объективного и всестороннего предварительного расследования. Законодатель в ч. 1 ст. 38 УПК РФ прямо указывает, что следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования и принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется судебное решение или согласие руководителя следственного органа. Однако реальная конфигурация полномочий следователя в современном российском уголовном процессе далека от этой идеальной модели. В системе научных взглядов, теорий и концепций уголовно-процессуального права всё чаще звучат оценки, согласно которым процессуальная самостоятельность следователя превратилась в «миф».

С. Б. Россинский прямо указывает, что дискреционные полномочия следователя «фактически сведены до минимума», а возможность их использования «упирается в процессуальное всевластие руководителя следственного органа» [1].

С этим выводом трудно не согласиться, если проанализировать объём решений, требующих согласования, в соотношении с решениями, принимаемыми следователем самостоятельно. Цель настоящей статьи — не просто констатировать дисбаланс между самостоятельностью и контролем, а выявить структурные причины этого дисбаланса и предложить модель, позволяющую вернуть следователю реальную, а не декларативную ответственность за принимаемые решения. Для этого необходимо решить три задачи: во-первых, проследить, как менялось соотношение дискреционных и согласуемых полномочий следователя; во-вторых, оценить практические последствия избыточного ведомственного контроля; в-третьих, сформулировать предложения по совершенствованию правового статуса следователя.

Изучая дискреционные и согласуемые полномочия, можно сделать вывод, что асимметрия в указанных полномочиях стала нормой. Формально ст. 38 УПК РФ закрепляет за следователем право самостоятельно направлять ход расследования. Однако ст. 39 УПК РФ наделяет руководителя следственного органа полномочиями давать следователю обязательные для исполнения указания, отменять его постановления, отстранять от производства по делу. Как отмечается в научной литературе, «в согласовании нуждается большая часть принимаемых им решений» [2].

Это означает, что процессуальная самостоятельность следователя реализуется не в пространстве свободы, а в пространстве постоянного согласования. Показательно, что даже те решения, которые формально отнесены к компетенции следователя, на практике нередко требуют предварительного согласования с руководителем.

Это касается, в частности, возбуждения ходатайств перед судом о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, соединения уголовных дел, привлечения лица в качестве обвиняемого. В результате следователь оказывается в положении исполнителя, несущего при этом полную личную ответственность за законность и обоснованность решений, которые он не принимал самостоятельно.

Последние законодательные изменения эту тенденцию скорее подтверждают, чем корректируют. Федеральный закон от 20.03.2025 № 38-ФЗ [3] дополнил УПК РФ ст. 153.1, предоставив следователю право без выделения материалов в отдельное производство возбуждать уголовное дело о новом преступлении, подследственном тому же органу, и соединять его с расследуемым делом.

На первый взгляд, это шаг в сторону расширения самостоятельности. Однако данная новая норма касается сугубо технической процедуры и не затрагивает ключевых решений, определяющих судьбу уголовного дела. Более того, она встроена в уже существующую систему ведомственного контроля, а не противостоит ей. Стоит обратить внимание и отметить практические риски избыточного контроля?

Чем оборачивается асимметрия полномочий для реального следствия? Первый и наиболее очевидный риск — снижение личной ответственности. Если следователь знает, что его решение будет проверено и при необходимости отменено руководителем, у него формируется установка на «перестраховку». Вместо того чтобы принять самостоятельное решение и нести за него ответственность, он предпочитает согласовать его, переложив часть ответственности на руководителя. В результате страдает инициатива, а расследование становится более медленным и формализованным.

Второй риск — увеличение сроков. Согласование требует времени. Когда таких согласований десятки, а сроки следствия ограничены, следователь оказывается перед выбором: либо нарушить срок, либо отказаться от производства необходимого действия. Как отмечается в литературе, «любое ущемление процессуальной самостоятельности и независимости следователя влечёт снижение его инициативы при расследовании уголовных дел, препятствует наиболее полному и своевременному производству необходимых следственных и процессуальных действий».

Третий риск — размывание процессуальной функции. Следователь по своей природе — это субъект, осуществляющий предварительное следствие, то есть исследование обстоятельств дела и формирование доказательственной базы. Когда он превращается в звено бюрократической цепочки согласований, его процессуальная роль деформируется: он начинает думать не о том, как установить истину, а о том, как получить одобрение. Это подрывает саму логику состязательного уголовного процесса, в котором следователь должен быть независимым исследователем, а не чиновником, оформляющим решения начальника. В данном случае можно сделать модель «ответственной самостоятельности».

Изложенное не означает, что ведомственный контроль подлежит полной отмене. Контроль необходим, но он должен быть не тотальным, а избирательным. Речь идёт о том, чтобы перевернуть существующую логику: не следователь по умолчанию согласует, а руководитель вмешивается только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законом и действительно необходимо для защиты прав участников или публичных интересов.

В связи с этим представляется обоснованным предложить следующую модель. Во-первых, законодательно закрепить исчерпывающий перечень решений, требующих согласия руководителя следственного органа. Всё, что не включено в этот перечень, следователь принимает самостоятельно и несёт за это личную ответственность.

Во-вторых, для наиболее значимых решений (например, о привлечении в качестве обвиняемого, о прекращении уголовного дела) сохранить судебный контроль, но не дублировать его ведомственным согласованием. Судебный контроль в данном случае является более адекватной формой, поскольку он осуществляется независимым органом и не создаёт ведомственной заинтересованности в определённом исходе.

В-третьих, предусмотреть механизм, при котором руководитель следственного органа может отменить ре-

шение следователя только по мотивированному постановлению, с обязательным указанием конкретных нарушений, а не по соображениям «целесообразности». Такая модель позволила бы восстановить баланс между самостоятельностью и контролем, не разрушая при этом систему процессуальных гарантий. Следователь получил бы реальную, а не номинальную свободу принимать решения, а вместе с ней — и реальную ответственность за их качество.

Таким образом, процессуальная самостоятельность следователя в действующем правовом регулировании остаётся во многом декларативной. Асимметрия между дискреционными и согласуемыми полномочиями, закреплённая в ст. 38 и 39 УПК РФ, ведёт к снижению личной ответственности следователя, увеличению сроков расследования и деформации его процессуальной роли. Новые нормы, несмотря на отдельные позитивные изменения технического характера, эту фундаментальную проблему не решают. Преодоление дисбаланса возможно не через механическое расширение прав следователя, а через пересмотр системы ответственности.

Предложенная модель «ответственной самостоятельности» предполагает исчерпывающий законодательный перечень согласуемых решений, замену дублирующего ведомственного контроля судебным и мотивированность отмены решений следователя. Реализация этих предложений потребует серьёзной законодательной работы, но без неё процессуальная самостоятельность следователя так и останется декларацией, не подкреплённой реальными гарантиями.

Литература:

1. Россинский, С. Б. Реквием по процессуальной самостоятельности следователя / С. Б. Россинский. — Текст : непосредственный // Философия права. — 2022. — № 3 (102).
2. Корнакова, С. В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации / С. В. Корнакова. — Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 1 (43).
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Интернет-источник: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501233/

4

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (648) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 18.11.2026. Дата выхода в свет: 25.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.